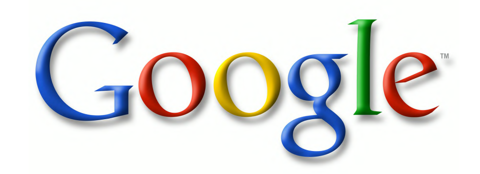
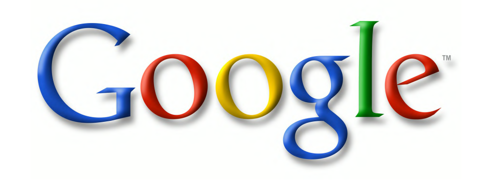
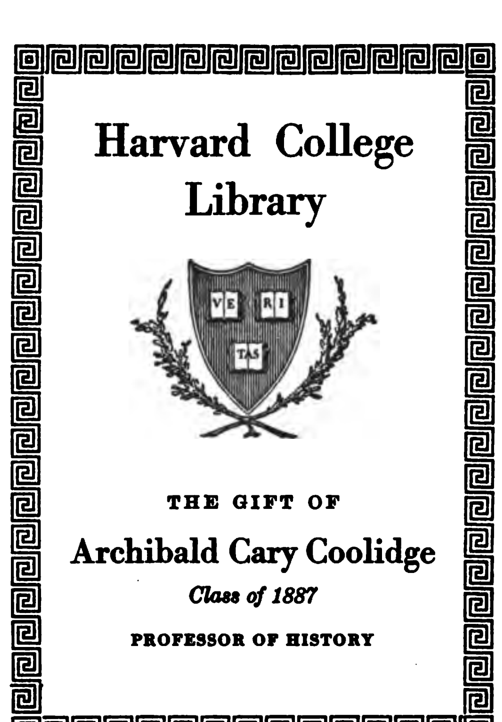
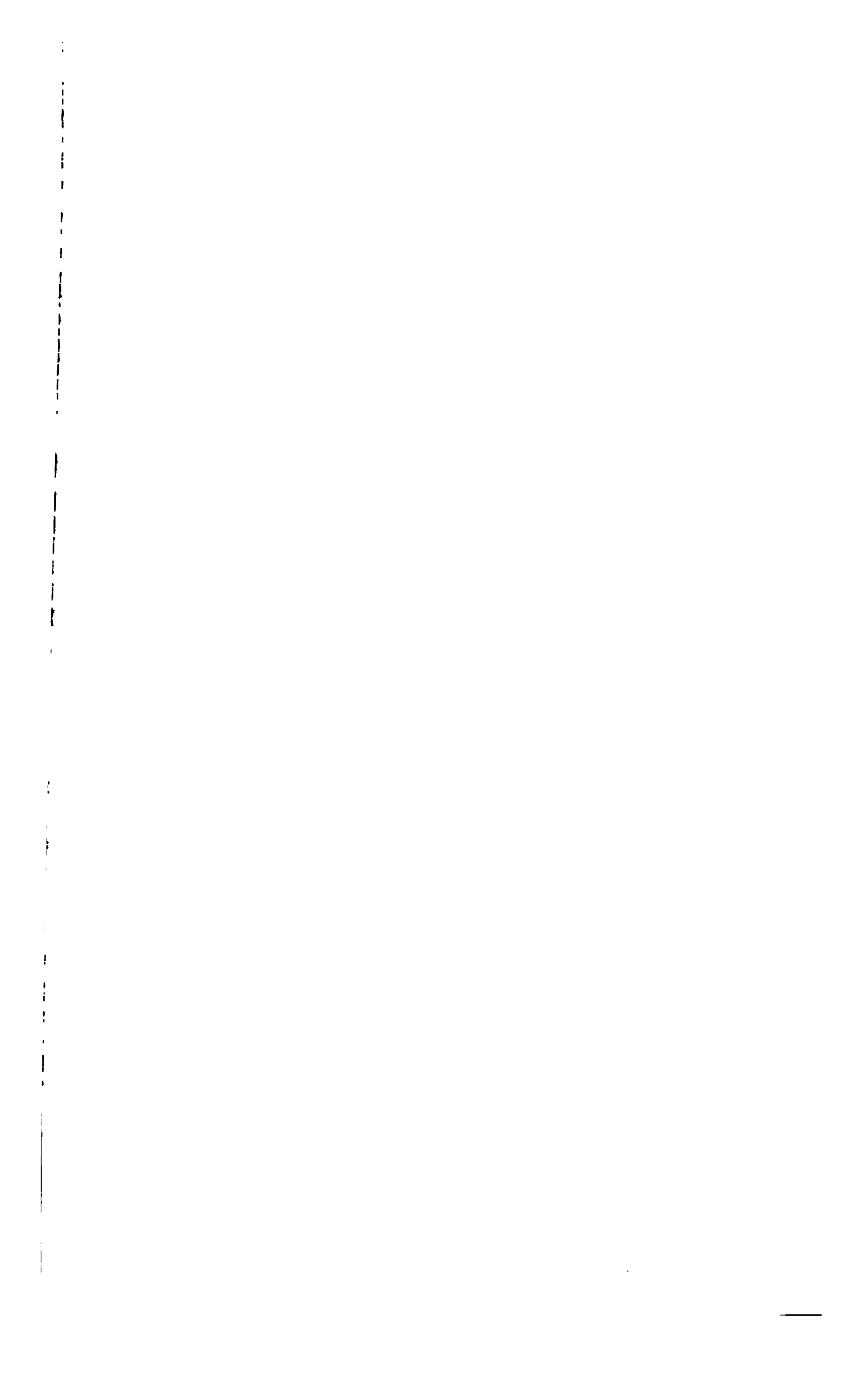
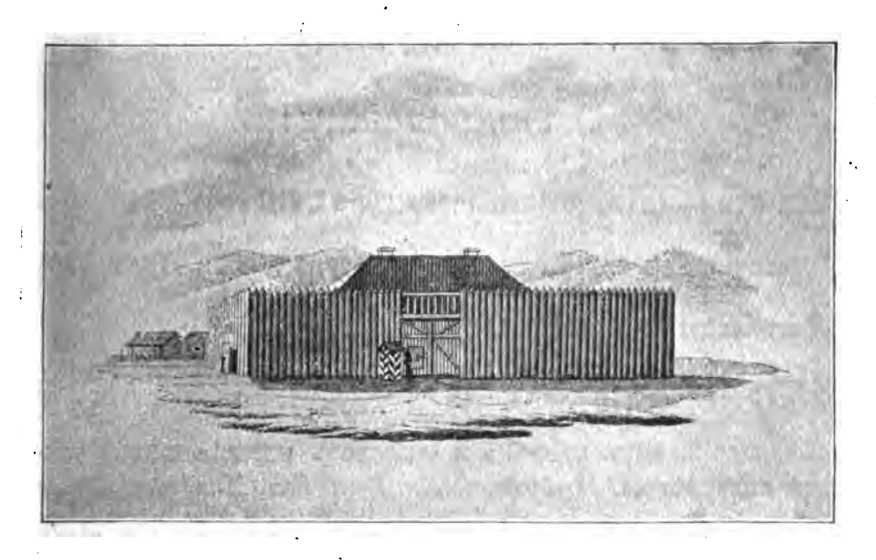

Harvard College
Library
VE RI
TAS
THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

Жены декабристовъ

Сборникъ историко-бытовыхъ статей

Составилъ В. И. Покровскій

[redacted]

МОСКВА 1096.

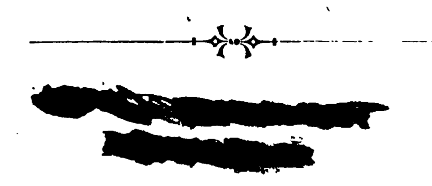
ЖЕНЫ ДЕКАБРИСТОВЪ.

Сборникъ историко-бытовыхъ статей.

СОСТАВИЛЪ

В. Покровскій.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

[redacted]

МОСКВА.

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.

Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера

1906.

E

9515
35

Предисловіе.

Статьи сборника „Жены декабристовъ“ имѣлось въ виду помѣстить въ только что выпущенной мною книгѣ: „Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Его жизнь и сочиненія“, предпославъ ихъ оцѣнкѣ его поэмы: „Русскія Женщины“. Но такъ какъ онѣ, при особенности ихъ содержанія, своимъ объемомъ выдѣлялись бы изъ матеріала строго критическаго характера, то составитель нашелъ болѣе удобнымъ выпустить ихъ отдѣльно.

Съ другой стороны, составитель полагалъ, что, собранными статьями о женахъ декабристовъ, онъ можетъ воскресить и оживить въ памяти читателей ихъ жизнь, дѣятельность и то обаяніе, какое онѣ имѣли у современниковъ, устами декабриста Александра Петровича Бѣляева въ такихъ словахъ высказавшаго свое благоговѣйное къ нимъ почитаніе: „Кто кромѣ всемогущаго Мздовоздателя, можетъ достойно воздать вамъ, чудныя ангелоподобныя существа! Слава и краса вашего пола! Слава страны, васъ произрастившей! Слава мужей, удостоившихся такой безграничной любви и такой преданности такихъ чудныхъ, идеальныхъ женъ! Вы стали, по истинѣ, образцомъ

самоотверженія, мужества, твердости, при всей юности, нѣжности и слабости вашего пола. Да будутъ незабвенны имена ваши!“

Неравномѣрность статей о женахъ декабристовъ стоитъ въ тѣсной связи съ наличностію существующаго литературно-бытового матеріала. Нѣкоторыя изъ женъ не иллюстрированы портретами за отсутствіемъ таковыхъ.

В. Покровскій.

[redacted]

Русскія идеальныя женщины.

Двумя главными центрами, около которыхъ группировались иркутскіе декабристы, были семьи Трубецкихъ и Волконскихъ, такъ какъ они имѣли и средства жить шире, и обѣ хозяйки — Трубецкая и Волконская своимъ умомъ и образованіемъ, а Трубецкая — и своею необыкновенною сердечностію, были какъ бы созданы, чтобы сплотить всѣхъ товарищей въ одну дружескую колонію, а присутствіе дѣтей въ обѣихъ семьяхъ вносило еще болѣе оживленія и теплоты въ отношенія. Нельзя не пожалѣть, что такіе высокіе и цѣльные по своей нравственной силѣ типы женщинъ, какими были жены декабристовъ, не нашли до сихъ поръ ни должной оцѣнки ни своего Плутарха, потому что, если революціонная дѣятельность декабристовъ мужей, по условіямъ времени, не допускаетъ насъ относиться съ совершеннымъ объективизмомъ и историческимъ безпристрастіемъ, то ничто не мѣшаетъ признать въ ихъ женахъ такіе классическіе образцы самоотверженной любви, самопожертвованія и необычайной энергіи, какими вправѣ гордиться страна, выростившая ихъ, и которые, безъ всякаго зазора и независимо отъ всякой политической тенденціозности, могли бы служить въ женской педагогіи во многихъ отношеніяхъ идеальными примѣрами для будущихъ поколѣній. Какъ не почувствовать благоговѣйнаго изумленія и не преклониться предъ этими молоденькими и слабенькими женщинами, когда онѣ, выросшія въ холѣ и атмосферѣ столичнаго большого свѣта, покинули, часто наперекоръ совѣтамъ своихъ отцовъ и матерей, весь окру-

жающій ихъ блескъ и богатство, порвали съ своимъ прошлымъ, съ родными и дружескими связями, и бросились, какъ въ пропасть, въ далекую Сибирь съ тѣмъ, чтобы разыскать своихъ несчастныхъ мужей въ каторжныхъ рудникахъ и раздѣлить ихъ участь, полную лишеній и безправія ссыльно-каторжныхъ, похоронивъ въ сибирскихъ тундрахъ свою молодость и красоту. Чтобы еще болѣе оцѣнить величину подвига Трубецкой, Волконской, Муравьевой, Нарышкиной, Энтальцевой, Юшневской, Фонвизиной, Анненковой, Ивашевой и др., надо помнить, что все это происходило въ 20-хъ годахъ, когда Сибирь представлялась издали какимъ-то мрачнымъ ледянымъ адомъ, откуда, какъ съ того свѣта, возвратъ былъ невозможенъ, и гдѣ властвовалъ произволъ такихъ легендарныхъ жестокосердыхъ воеводъ, которыми были только что сошедшіе со сцены правители Пестель, Трескинъ и другіе. Некрасовъ пробовалъ было представить необычайную духовную силу, обнаруженную этими женщинами въ ихъ борьбѣ съ безчисленными препятствіями, въ двухъ поэмахъ, посвященныхъ Трубецкой и Волконской, но, при всемъ нашемъ уваженіи къ его таланту, и, несмотря на много горячихъ, истинно вдохновленныхъ строкъ, въ цѣломъ эти поэмы оставляютъ насъ неудовлетворенными и кажутся и холодными и мѣстами натянутыми, оттого ли, что самъ поэтъ въ эту пору постарѣлъ и зачерствѣлъ и недостаточно былъ проникнутъ благороднымъ сюжетомъ, или же слишкомъ онъ связанъ цензурными условіями, чтобы свободно и безыскусственно подняться до нравственной высоты вдохновившихъ его героинь и очертить ихъ болѣе натуральными красками. Несомнѣнно, однако, что при описаніи путешествій Трубецкой и Волконской, Некрасовъ пользовался многими достовѣрными источниками. Такъ, въ концѣ 50-хъ годовъ, въ Иркутскѣ я собственными глазами читалъ подлинное предписаніе отъ 1826 года генералъ-губер-

натора Лавинскаго, находившагося въ Петербургѣ, иркутскому губернатору Цейдлеру; въ этой бумагѣ Лавинскій сообщалъ о предстоящемъ пріѣздѣ въ Иркутскъ двухъ женъ декабристовъ, Нарышкиной и Энтальцевой для слѣдованія за мужьями, и предписывалъ ему употреблять всевозможныя мѣры, чтобы убѣдить отказаться этихъ дамъ отъ ихъ намѣренія; для этого онъ совѣтовалъ сначала дѣйствовать законными убѣжденіями, представляя путешественницамъ, что, вернувшись обратно въ Россію, онѣ сохраняютъ свои имущественныя и сословныя права, а не сдѣлаются безправными женами каторжниковъ; въ случаѣ же, если бы Цейдлеръ уговариваніемъ не могъ достигнуть цѣли, то ему предписывалось перемѣнить ласковый тонъ на рѣзкій, пробовать дѣйствовать устрашеніемъ и особенно не скупиться на преувеличенныя и самыя черныя краски, изображая, что значитъ осеннее путешествіе по Байкалу, когда осенніе вѣтры зачастую носятъ парусныя суда цѣлый мѣсяцъ по озеру, не позволяя пристать къ берегамъ, и когда экипажъ рискуетъ погибнуть отъ голода и холода. Генералъ-губернаторъ давалъ самыя подробныя указанія, какъ запугать двухъ слабыхъ женщинъ въ дикомъ краю, и я очень жалѣю, что не имѣлъ возможности снять копію съ этого любопытнаго предписанія и привести его въ подлинныхъ выраженіяхъ; оно бы самымъ документальнымъ образомъ доказало, что Некрасовъ, приводя діалогъ между княгиней Трубецкой и губернаторомъ въ Иркутскъ, не выдумалъ его отъ себя и былъ безусловно правъ съ точки зрѣнія исторической правды, вложивъ въ уста губернатора замѣчательныя слова:

Простите! да, я мучилъ васъ
И мучился я самъ,
Но строгій я имѣлъ приказъ
Преграды ставить вамъ!
И развѣ ихъ не ставилъ я?

Я дѣлалъ все, что могъ.
Предъ судомъ душа моя
Чиста, свидѣтель—Богъ!

Правъ онъ точно также, говоря отъ лица Волконской:

Въ Иркутскѣ продѣлали то же со мной,
такъЧѣмъ Трубсцкую терзали...

ибо всѣ эти самоотверженныя женщины должны были пройти черезъ сказанныя терзанія, когда высшая мѣстная власть, пользуясь ихъ беззащитностію въ дикомъ краѣ и незнакомствомъ съ нимъ, старалась всячески нагнать на нихъ ужасъ описаніемъ опасностей ихъ дальнѣйшей поѣздки и участи, ожидающей ихъ въ рудникахъ. Но ни одна изъ нихъ не дрогнула и не позволила отклонить себя отъ своего намѣренія. Сквозь тысячи преградъ натуральныхъ и искусственныхъ всѣ онѣ добрались до мужей, безропотно исполняли свою миссію ангеловъ-хранителей и умерли, обожаемыя всѣми близко ихъ знавшими, хотя, увы! до сихъ поръ недостаточно оцѣненныя потомствомъ.

Бѣлоголовый.

Въ Благодатскъ вслѣдъ за мужьями прибыли княгини Волконская и Трубецкая. Прибытіе ихъ благодѣтельно подѣйствовало на всѣхъ: съ ними образовалась семья. При ихъ участіи началась и укрѣпилась связь съ покинутыми родными и близкими сердцу посредствомъ извѣстій и тайной переписки; своими руками онѣ шили все, что находили необходимымъ для каждаго изъ шести чужихъ; онѣ же выдумывали и приносили въ тюрьму импровизованныя блюда (когда и „недопеченый хлѣбъ казался вкуснѣе лучшаго произведенія перваго петербургскаго булочника“); онѣ же хлопотливо закупали все, что нужно было товарищамъ. „Но какъ исчислить все то, чѣмъ мы имъ обязаны въ продолженіе столькихъ лѣтъ, которые ими были посвящены

попеченіямъ о своихъ мужьяхъ, — а вмѣстѣ съ ними и объ насъ?—словомъ, здѣсь въ Благодатскомъ рудникѣ, эти первыя „высокія по сердцу и по характеру" русскія женщины начали первые шаги къ той великой миссіи служенія, которая, въ лицѣ ихъ, обнаружила неисчерпаемое богатство русской женской природы, способной на человѣколюбіе и помощь до жертвы, на любовь до самоотверженія. Въ лицѣ ихъ русскія женщины имѣютъ наилучшихъ представительницъ; душевныя ихъ качества достигли въ нихъ до апогея. Въ дни и часы, дозволенные для свиданій, онѣ присутствіемъ своимъ оживляли тѣсныя и душныя клѣтки; въ другіе свободные часы имъ выносили два стула на улицу; онѣ садились противъ единственнаго окна и проводили часъ и болѣе въ нѣмой бесѣдѣ съ мужьями. Однажды одна изъ нихъ (Ек. Ив. Трубецкая) пришла на свиданіе съ мужемъ въ изношенныхъ и стертыхъ ботинкахъ и въ трескучій морозъ зазнобила ноги оттого, что изъ новыхъ и теплыхъ ботинокъ она сшила одному изъ товарищей мужа шапочку для головы, снабдивъ уже таковою мужа, чтобы уберечь волосы отъ руды, которая сыпалась при каждомъ сотрясеніи горы ударами молотомъ.

Оба эти явленія, поучительныя въ жизни нашихъ ссыльныхъ, — и высокая миссія женщинъ, поднявшая нравственныя силы изгнанниковъ, и организація внутренней общины съ артельнымъ началомъ, вполнѣ обезпечившая матеріальный быть, — съ наибольшею полнотою и въ совершенной законченности обнаружились позже на все то время, когда всѣ товарищи соединены были вмѣстѣ, сначала въ Читѣ, потомъ въ Петровскомъ заводѣ.

Жены эти совершали тѣ евангельскіе подвиги, подобіе которымъ мало представляютъ европейскія исторіи. Если за семью женихами не поѣхали въ Сибирь уже обрученныя съ ними невѣсты; если къ восьми

другимъ не поѣхали жены и даже нѣкоторыя вступили въ бракъ, то зато тѣ, которыя выстрадали себѣ право сожительства въ Сибири, вступили на стезю высокихъ христіанскихъ подвиговъ и служеніемъ своимъ заслужили то прозваніе ангеловъ - хранителей, которое сдѣлалось для нихъ общимъ у всѣхъ союзниковъ. Уже въ 1829 году Александръ Ивановичъ Одоевскій писалъ въ альбомъ княгинѣ М. Н. Волконской (въ день ея рожденія 25 декабря) стихи, представляющіе въ поэтической картинѣ подвигъ этихъ женщинъ и въ одинаковой степени относящіеся ко всѣмъ дамамъ безразлично·

Былъ край слезамъ и скорби посвященный,
Восточный край, гдѣ розовыхъ зарей
Лучъ радостный, на небѣ тамъ рожденный,
Не услаждалъ страдальческихъ очей;
Гдѣ душенъ былъ и воздухъ вѣчно ясный,
И узникамъ кровъ свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ обширный и прекрасный
Мучительно на волю вызывалъ.
Вдругъ ангелы съ лазури низлетѣли,
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя земныя пелены.
И вѣстники благіе Провидѣнья
Явилися какъ дочери земли,
И узникамъ съ улыбкой утѣшенья
Любовь и миръ душевный принесли.
И каждый день садились у ограды
И сквозь нее небесныя уста
По каплѣ имъ точили медъ отрады.
Съ тѣхъ поръ лились въ темницѣ дни, лѣта,
Въ затворникахъ печали всѣ уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрова своего.

Такимъ образомъ, въ Читѣ семь женщинъ несли на себѣ тяжелый крестъ, добровольно ими на себя принятый и являлись на помощь вездѣ тамъ, гдѣ видѣли

на другой сторонѣ несостоятельность силъ, гдѣ замѣчали какія-либо уклоненія въ сторону отъ согласно налаженнаго пути, гдѣ предчувствіями предполагали необходимость участія или содѣйствія.

Максимовъ.

Мѣры правительства, направленныя къ удержанію женъ декабристовъ на родинѣ, и юридическое ихъ положеніе въ Сибири.

„Уставъ о ссыльныхъ“ 1822 года опредѣлялъ положеніе женъ ссыльно-каторжныхъ въ слѣдующихъ статьяхъ: „Ст. 222. Женщины, идущія по собственной волѣ, во все время слѣдованія, не должны быть отдѣляемы отъ мужей и не подлежатъ строгости надзора. Они получаютъ кормовыя деньги. Ст. 231. Женщины, по собственной волѣ пришедшія, въ случаѣ смерти мужей, имѣютъ свободу вступать въ бракъ, съ кѣмъ пожелаютъ, и съ вѣдома мѣстнаго начальства остановиться тамъ, гдѣ признаютъ за лучшее, или возвратиться къ своимъ родственникамъ безъ всякаго препятствія. Ст. 232. Женщинамъ, по собственной волѣ пришедшимъ, Тобольскій Приказъ о ссыльныхъ выдаетъ особливые письменные виды“.

Эти статьи показались недостаточными, и „въ 1826 г., говоритъ кратко и глухо офиціальная бумага, вскорѣ по отправленіи государственныхъ преступниковъ въ Сибирь, когда послѣдовала туда жена Трубецкого, признано было нужнымъ принять мѣры къ отклоненію отъ сего намѣренія женъ прочихъ подобныхъ Трубецкому преступниковъ“. Выработка правилъ, которыя достигли бы цѣли, была поручена особому комитету, учрежденному для составленія правилъ о содержаніи государственныхъ преступниковъ въ Сибири. Такъ какъ комитетъ долженъ былъ считаться съ дѣйствующимъ законодательствомъ, которое въ данномъ случаѣ оказалось недостаточнымъ,

то онъ избралъ слѣдующій образъ дѣйствій: комитетъ поручилъ своему члену генералъ-губернатору восточной Сибири, тайному совѣтнику Лавинскому „дать отъ себя предписаніе, на законномъ основаніи составленное, Иркутскому гражданскому губернатору". Но такъ какъ это предписаніе вышло за предѣлы дѣйствующаго закона, то предварительно начальникъ штаба Его Величества Дибичъ представилъ на усмотрѣніе Императора Николая Павловича. Предписаніе было Высочайше одобрено и отправлено по адресу отъ имени Лавинскаго. Такимъ образомъ, одобренное Государемъ, оно пріобрѣтало силу закона, но оно не было объявлено и осталось подъ секретомъ — это, во-первыхъ, а во-вторыхъ, о Высочайшемъ одобреніи не было упомянуто въ текстѣ самой бумаги. Это предписаніе, которое явилось главнымъ руководствомъ въ отношеніяхъ мѣстныхъ властей къ женамъ декабристовъ, до сихъ поръ не было опубликовано; а между тѣмъ этотъ своеобразный законодательный документъ представляетъ по своему содержанію значительный историческій интересъ и весьма важенъ для характеристики истиннаго положенія высшей власти въ вопросѣ о женахъ декабристовъ. Но этотъ документъ нѣсколько неожиданно получаетъ и другое значеніе: онъ даетъ матеріалы для характеристики поэтическаго творчества Н. А. Некрасова. При своемъ появленіи поэма „Русскія женщины" вызвала обличенія автора въ тенденціозномъ преувеличеніи страданій княгини Е. И. Трубецкой и кн. М. Н. Волконской. Придирчивая критика указывала на то, что Некрасовъ совершенно измыслилъ знаменитый діалогъ между кн. Трубецкой и губернаторомъ. Читатель помнитъ тѣ убѣжденія, съ которыми обращается въ поэмѣ губернаторъ къ несчастной княгинѣ. Въ рѣзкихъ стихахъ губернаторъ рисуетъ опасности, которыя ждутъ княгиню.

Но хорошо ль извѣстно вамъ,
Что ожидаетъ васъ?

. . . .
Пять тысячъ каторжныхъ тамъ,
Озлоблены судьбой,
Заводятъ драки по ночамъ,
Убійство и разбой...
. . . .
Но вы не будете тамъ жить:
Тотъ климатъ васъ убьетъ,
Я васъ обязанъ убѣдить:
Не ѣздите впередъ.
. . . .
Быть такъ!
Васъ не спасешь, увы!...
Но знайте! Сдѣлавъ этотъ шагъ,
Всего лишитесь вы!
За мужемъ поскакавъ,
Вы отреченье подписать
Должны отъ вашихъ правъ!
. . . .
Бумагу эту подписать!
Да что вы?... Боже мой!
Вѣдь это значить нищей стать
И женщиной простой!
Всему вы скажете прости.
Что вамъ дано отцомъ,
Что по наслѣдству перейти
Должно бы къ вамъ потомъ.
Права имущества, права
Дворянства потерять!

Этихъ стиховъ достаточно для того, чтобы читатель воскресилъ въ своей памяти мучительныя сцены объясненій княгини Трубецкой съ губернаторомъ. Въ началѣ и въ концѣ этой сцены поэтъ даетъ намъ понять, что губернаторъ дѣйствовалъ не за свой страхъ, а по полученному изъ Петербурга предписанію. На первую просьбу княгини о лошадяхъ губернаторъ отвѣчаетъ:

Но есть зацѣпка тутъ:
Съ послѣдней почтой прислана
Бумага.

Объясненія заканчиваются слѣдующимъ признаніемъ губернатора.

Простите! да, я мучилъ васъ,
Но мучился и самъ,
Но строгій я имѣлъ приказъ
Преграды ставить вамъ!
И развѣ ихъ не ставилъ я?
Я дѣлалъ все, что могъ,
Передъ судомъ душа моя
Чиста свидѣтель Богъ!
Острожнымъ, жесткимъ сухаремъ
И жизнью взаперти,
Позоромъ, ужасомъ, трудомъ
Этапнаго пути
Я васъ старался напугать;
Не испугались вы!
И хоть мнѣ не удержать
На плечахъ головы,
Я не могу, я не хочу
Тиранить больше васъ...
И васъ туда въ три дня домчу.

Нѣкоторые изъ критиковъ Некрасова сомнѣвались въ существованіи подобнаго приказа и готовы были приписать его появленіе художественному измышленію поэта. Только Н. А. Бѣлоголовый въ своихъ воспоминаніяхъ указалъ, что такой приказъ существовалъ, и по памяти приводилъ его содержаніе. Н. А. Бѣлоголовый очень сожалѣлъ, что онъ не могъ снять копію съ этой бумаги. Этотъ приказъ и есть то самое Высочайше одобренное предписаніе, которое было послано за подписью тайнаго совѣтника Лавинскаго Иркутскому гражданскому губернатору на бланкѣ Главнаго управленія восточной Сибири (отъ 1 сентября 1826 года. По путевому журналу № 842, изъ Москвы). Мы имѣемъ возможность напечатать дословно этотъ любопытный документъ; при чтеніи просимъ читателя составить соотвѣтственные стихи изъ поэмы Некрасова.

„Изъ числа преступниковъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ къ ссылкѣ въ каторжную работу осужденныхъ, отправлены нѣкоторые въ Нерчинскіе Горные Заводы.

За сими преступниками могли послѣдовать ихъ жены, не знающія ни мѣстныхъ обстоятельствъ ни существующихъ о ссыльно-каторжныхъ постановленій и не предвидящія, какой, по принятымъ въ Сибири правиламъ, подвергнутъ онѣ себя участи, соединясь съ мужьями въ теперешнемъ ихъ состояніи.

Мѣстное начальство неукоснительно обязано вразумить ихъ со всею тщательностію, съ какимъ пожертвованіемъ сопрягается таковое ихъ преднамѣреніе, и стараться сколько возможно отъ онаго предотвратить.

При томъ легко статься можетъ, что многія изъ нихъ, имѣя достаточное состояніе, возьмутъ съ собою значительныя суммы и драгоцѣнныя вещи — ввозъ коихъ въ край бѣдный, населенный людьми буйными и развратными, не обѣщаетъ добрыхъ послѣдствій и потому не долженъ быть дозволенъ.

Самые крѣпостные люди, которые могли бы за ними прибыть, не обязаны раздѣлять участи, добровольно господами ихъ принимаемой.

Сообразивъ сіе и зная, что жены осужденныхъ не иначе могутъ слѣдовать въ Нерчинскъ, какъ чрезъ Иркутскъ, я возлагаю на особенное попеченіе Вашего Превосходительства употребить всѣ возможныя внушенія и убѣжденія къ остановленію ихъ въ семъ городѣ и къ обратному отъѣзду въ Россію.

Внушенія могутъ состоять въ томъ:

1) Что слѣдуя за своими мужьями и продолжая супружескую съ ними связь, онѣ естественно сдѣлаются причастными ихъ судьбѣ и потеряютъ прежнее званіе, то-есть, будутъ признаваемы не иначе какъ женами ссыльно-каторжныхъ, а дѣти, которыхъ приживутъ въ Сибири, поступятъ въ казенные крестьяне.

2) Что ни денежныхъ суммъ ни вещей многоцѣнныхъ взять имъ съ собою, какъ скоро отправятся въ Нерчинскій край, дозволено быть не можетъ: ибо сіе не только воспрещается существующими правилами, но необходимо и для собственной безопасности ихъ, какъ отправляющихся въ мѣста, населенныя людьми, на всякія преступленія готовыми, и, слѣдовательно, могущихъ подвергнуться при провозѣ съ собою денегъ и вещей опаснымъ происшествіямъ.

3) Что съ отбытіемъ ихъ въ Нерчинскъ, уничтожаются также и права ихъ на крѣпостныхъ людей съ ними прибывшихъ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ должно обратиться къ убѣжденіямъ, что переѣздъ въ осеннее время чрезъ Байкалъ чрезвычайно опасенъ и не возможенъ и *представить, хотя мнимо, недостатокъ транспортныхъ казенныхъ судовъ, безнадежность таковыхъ у торгующихъ людей состоящихъ, и прочія тому подобныя учтивыя отклоненія, а чтобы успѣхъ въ оныхъ вѣрнѣе былъ достигнутъ; то Ваше Превосходительство не оставите принять и въ самомъ домѣ вашемъ, который безъ сомнѣнія будутъ онѣ посѣщать, такія мѣры, чтобы въ частыхъ съ ними разговорахъ, находили онѣ утвержденіе таковыхъ убѣжденій.*

По исполненіи сего съ надлежащею точностію, если и затѣмъ окажутся въ числѣ сихъ женъ нѣкоторыя непреклонныя въ своихъ намѣреніяхъ; *въ такомъ разѣ* не препятствуя имъ въ выѣздѣ изъ Иркутска въ Нерчинскій край *перемѣнить совершенно ваше съ ними обращеніе, принять въ отношеніи къ нимъ, какъ къ женамъ ссыльно-каторжныхъ, тонъ начальника губерніи, соблюдающаго строго свои обязанности,* и исполнить на самомъ дѣлѣ то, что сперва сказано будетъ въ предостереженіе и вразумленіе, и именно:

а) Всѣ имѣющія у нихъ деньги, драгоцѣнныя вещи, серебро и прочее, по надлежащемъ описаніи лично при нихъ и по утвержденіи описи собственноручнымъ под-

писаніемъ тѣхъ, кому сіе имущество принадлежать будетъ, отобрать отъ тѣхъ и, опечатавъ, отдать къ храненію въ Иркутское Губернское Казначейство. Но мѣру сію для отклоненія всякаго сомнѣнія привести въ дѣйствіе чрезъ нарочитую Комиссію, составя оную подъ предсѣдательствомъ вашимъ изъ одного или двухъ членовъ Главнаго Управленія и Губернскаго Прокурора. Впрочемъ, прогоны на проѣздъ до Нерчинска выдать имъ изъ числа собственныхъ ихъ денегъ.

b) Изъ крѣпостныхъ людей, съ ними прибывшихъ, дозволить слѣдовать за каждою токмо по одному человѣку, но и то изъ числа тѣхъ, которые добровольно на сіе согласятся и дадутъ или подписки собственноручныя, или за неумѣніемъ грамотѣ личныя показанія въ полномъ присутствіи Губернскаго Правленія. Остальнымъ же предоставить возвратиться въ Россію и снабдить ихъ пропускными.

Указавъ, съ моей стороны, средства, на законныхъ постановленіяхъ основанныя, которыя служатъ руководствомъ въ дѣяніяхъ по сему предмету и ожидая отъ Вашего Превосходительства исполненія оныхъ въ совершенной точности, и надѣясь, что вы и по собственной предусмотрительности своей не оставите употребить всѣхъ возможныхъ способовъ къ достиженію собственно той цѣли, чтобы послѣдовавшихъ за осужденными преступниками женъ рѣшительно отвратить отъ исполненія ихъ намѣренія, происшедшаго отъ незнанія мѣстныхъ обстоятельствъ Сибири и постановленій о семъ краѣ существующихъ. Но если бы всѣ усилія ваши оказались тщетными, то Ваше Превосходительство, дѣйствуя въ отношеніи къ нимъ по назначенію сему, не оставьте немедленно увѣдомить меня о всѣхъ обстоятельствахъ, къ симъ женамъ относящихся и вообще о мѣрахъ, какія вами будутъ принимаемы.

Наконецъ, если бы которая-либо изъ нихъ проѣхала Иркутскъ прежде, нежели вы сіе получите, въ такомъ

разѣ прошу Ваше Превосходительство принять на себя трудъ отправиться лично для возвращенія ея въ губернскій городъ или приказать остановить въ Верхнеудинскѣ, ибо примѣръ одной можетъ побудить и другихъ къ домогательствамъ о равномѣрномъ пропускѣ ихъ въ Нерчинскъ.

Генералъ-Губернаторъ Лавинскій.

Эта бумага не требуетъ никакихъ комментаріевъ. Довольно сдѣлать только два замѣчанія. Угрозы, перечисленныя въ этой бумагѣ, очевидно имѣлъ въ виду Николай Павловичъ, когда 21 декабря 1826 года писалъ княгинѣ М. Н. Волконской: „J' ai reçu, Princesse, la lettre que Vous m' avez écrite du 15 de ce mois, j'y ai vu avec plaisir l'expression des sentiments que Vous me témoignez pour l'intérêt que je Vous parle, mais c'est à cause de cet intérêt même que je prends à Vous, que *je crois devoir renouveler ici les avertissements, que je Vous ai déjà communiqués sur ce qui Vous attend une fois passe Jrkoutsk.* Au reste j'abandonne entièrement à Votre propre conviction, madame, de Vous décider à tel parti que Vous jugerez le plus convenable dans votre situation.

Любопытно сопоставить, что писалъ въ 1832 году тотъ самый Цейдлеръ, который въ 1827 году долженъ былъ убѣждать женъ декабристовъ, что онѣ отправляются въ мѣста, населенныя людьми, на всякія преступленія готовыми, и, слѣдственно, могутъ подвергнуться опаснымъ происшествіямъ. Родителей Н. Д. Фонвизиной очень пугали опасности путешествія по Забайкалью, которое предстояло ихъ дочери съ мужемъ. Цейдлеръ счелъ долгомъ успокоить мать Фонвизиной любезнымъ письмомъ, доказывая, что въ Нерчинскѣ есть врачи и тамъ все можно достать, а относительно разбойниковъ онъ прибавлялъ: „ужасы, описываемые въ письмѣ къ Вамъ, доказываютъ только болѣзненное состояніе

Натальи Дмитріевны: край Забайкальскій спокойный и злодѣйствъ, описываемыхъ ею, никогда не бываетъ"... Всѣ труды, потраченные и юристами департамента юстиціи и комитета министровъ на обоснованіе законодательства о женахъ декабристовъ, нѣсколько неожиданно оказались совершенно безплодными. Вопросъ во всемъ его объемѣ былъ разрѣшенъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, который пренебрегъ всѣми соображеніями.

„Въ засѣданіи 18-го апрѣля,—читаемъ мы въ журналѣ комитета министровъ,—предсѣдатель комитета объявилъ, что Государь императоръ, по разсмотрѣніи заключеній комитета министровъ о правахъ женъ государственныхъ преступниковъ, добровольно послѣдовавшихъ за мужьями въ ссылку на каторжную работу, — обращаясь къ условіямъ, на коихъ сіе дозволено было, находить изволитъ, что въ помянутыхъ условіяхъ именно предписывалось, что слѣдуя за мужьями и продолжая супружескую съ ними связь, онѣ содѣлаются причастными ихъ судьбѣ и потеряютъ прежнее званіе, т.-е. будутъ признаваемы не иначе, какъ женами ссыльно каторжныхъ, а дѣти, которыхъ приживутъ въ Сибири, поступятъ въ казенные крестьяне. За симъ, хотя въ тѣхъ же условіяхъ присовокуплено, что невинная жена, слѣдуя за мужемъ преступникомъ въ Сибирь, должна остаться тамъ до его смерти; но правительство чрезъ таковую ссылку на общій законъ, собственно до *обыкновенныхъ* уголовныхъ преступниковъ относящійся (уставъ о ссыльныхъ § 231), постановляя только, что невинныя жены государственныхъ преступниковъ, *прежде* смерти мужей не могутъ оставлять Сибири, отнюдь не принимало на себя непремѣнной обязанности, *послѣ* смерти ихъ, дозволить всѣмъ ихъ вдовамъ возвратъ въ Россію.

По сему Его Императорское Величество, раздѣляя представляющійся здѣсь общій вопросъ на два, а именно: 1) о правѣ состоянія и 2) о правѣ избранія мѣста

жительства, въ разрѣшеніи того и другого полагать изволилъ:

1) Что невинныя жены государственныхъ преступниковъ, раздѣляющія супружескую съ ними связь, согласно прежнимъ повелѣніямъ и настоящему заключенію комитета министровъ, до смерти мужей должны быть признаваемы женами ссыльно-каторжныхъ и съ симъ вмѣстѣ подвергаться всѣмъ личнымъ ограниченіямъ, составляющимъ необходимое послѣдствіе сожитія ихъ съ преступниками; при чемъ хотя и не лишаются права наслѣдовать доходящею имъ собственностію и вообще располагать своимъ имѣніемъ чрезъ довѣренныхъ лицъ, способами, въ законахъ дозволенными; но во все время продолженія жизни мужей нужная на содержаніе женѣ часть изъ доходовъ прежде принадлежавшаго имъ или вновь наслѣдованнаго имѣнія, должна быть выдаваема не имъ непосредственно, а въ распоряженіе того начальства, которому поручено завѣдываніе государственными преступниками, для употребленія въ пользу ихъ по правиламъ, какія на сіе предписаны быть могутъ.

2) Что послѣ смерти государственныхъ преступниковъ, жившимъ съ ними невиннымъ женамъ ихъ, на основаніи существующихъ узаконеній, хотя и должны быть возвращаемы лично всѣ прежнія ихъ права, вмѣстѣ съ предоставленіемъ въ непосредственное уже распоряженіе ихъ принадлежащихъ имъ имѣній и доходовъ съ оныхъ; но дѣйствіе всѣхъ этихъ правъ имѣетъ ограничиваться одними предѣлами Сибири, дозволеніе же вдовамъ государственныхъ преступниковъ возврата въ Россію, безусловно и съ извѣстными ограниченіями, зависѣть будетъ отъ особаго усмотрѣнія правительства и не иначе каждой изъ нихъ дано быть можетъ, какъ съ Высочайшаго разрѣшенія.

Его Величество, повелѣвая принять правила сіи къ непремѣнному впредь руководству, въ отношеніи собственно къ просьбѣ статсъ-дамы княгини Волконской

изъясниться изволилъ, что просьба сія не иначе, какъ на законномъ разсмотрѣніи и на основаніи законовъ разрѣшена быть должна. Его Величество не предполагаетъ въ дѣлахъ сего рода допускать какихъ-либо исключеній".

Это Высочайшее мнѣніе, по постановленію министровъ было сообщено министру юстиціи къ исполненію выпискою изъ журнала засѣданія (въ бумагѣ отъ 18 апрѣля 1833 г. за № 762).

Отнынѣ сомнѣнія о правахъ женъ декабристовъ уже не могли имѣть мѣста. Положеніе комитета министровъ, конечно, не осталось только на бумагѣ и было приведено въ исполненіе. Имущественныя права сильно ограничивались администраціей — и мѣстной и высшей. Любопытно, что мѣстныя власти какъ-то стѣснялись по своей иниціативѣ пользоваться правомъ, предоставленнымъ имъ означеннымъ положеніемъ и всегда восходили съ своими докладами къ высшей власти. Въ 1835 году императоръ Николай еще разъ высказался по вопросу о правахъ владѣнія женъ декабристовъ. Онъ „изволилъ найти неудобнымъ дозволить госпожѣ Розенъ купить землю въ 10000 рублей, ибо по цѣнамъ, существующимъ въ Сибири, она можетъ пріобрѣсти на сію сумму обширное пространство земли, для обрабатыванія которой необходимо должна будетъ нанимать постороннихъ людей или отдавать въ наймы, а сіе, давъ ей нѣкоторый видъ помѣщицы и поставивъ ее въ необходимость входить въ сношенія разнаго рода, по положенію ея неприличныя, — было бы несообразно цѣли существующихъ правилъ о государственныхъ преступникахъ и женахъ ихъ, послѣдовавшихъ въ Сибирь".

Щеголевъ.

Княгиня Марія Николаевна Волконская.

Княгиня Марія Николаевна Волконская, рожденная Раевская, родилась въ 1806 году. Отецъ ея, Николай Николаевичъ Раевскій, знаменитый герой двѣнадцатаго года, началъ службу еще при князѣ Потемкинѣ, своемъ родственникѣ, и былъ его любимцемъ.

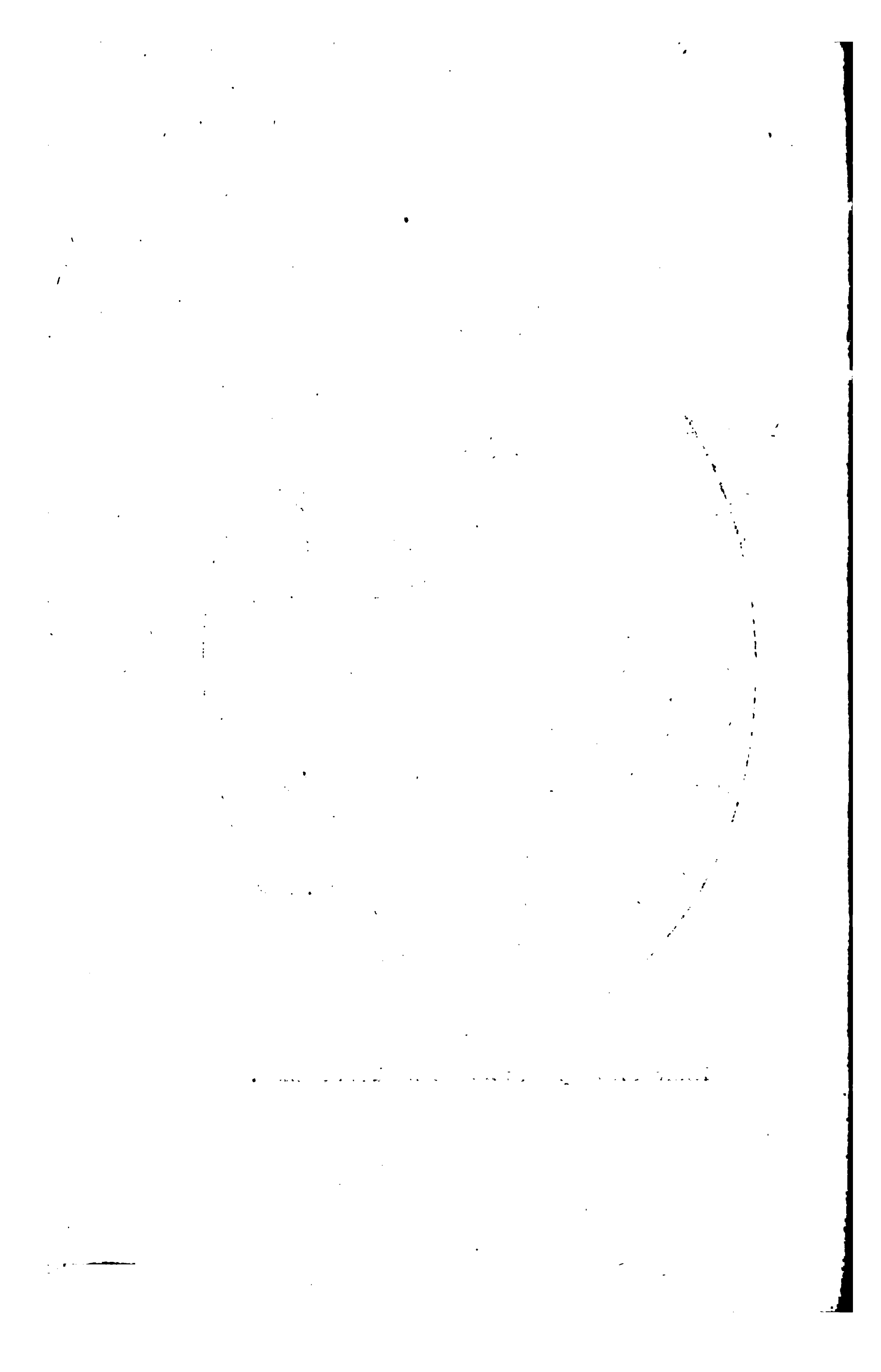
Николай Николаевичъ быстро подвигался на служебномъ поприщѣ, благодаря своей храбрости, уму и благородству. Имя его тѣсно связано съ отечественною войной двѣнадцатаго года. Во время этой войны Раевскій вмѣстѣ съ сыновьями былъ всегда впереди, подъ градомъ пуль. Жуковскій упоминаетъ о немъ въ „Бородинской Годовщинѣ“, перечисляя героевъ Бородина:

Неподкупный, неизмѣнный,
Хладный вождь въ грозѣ военной,
Жаркій самъ подчасъ боецъ,
Въ дни спокойные мудрецъ,
Гдѣ Раевскій?

Пушкинъ, другъ дома Раевскихъ, пишетъ брату своему изъ Крыма слѣдующее письмо, характеризующее Николая Николаевича: „Мой другъ, счастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевскаго. Я не видѣлъ въ немъ героя, славу русскаго войска, я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душой, снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ 12-го года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ

Княгиня Марія Николаевна Волконская.

характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества“ [1]). Н. Н. Раевскій по своимъ способностямъ былъ человѣкъ необыкновенный. Онъ былъ храбрый воинъ, умный государственный сановникъ и добрый отецъ семейства. Онъ былъ всегда одинаковъ, всегда спокоенъ, благороденъ, ласковъ и привѣтливъ какъ со старшими, такъ и равными себѣ, въ свѣтскомъ обществѣ, въ пылу битвы, въ кругу друзей. Наполеонъ считалъ его однимъ изъ достойнѣйшихъ своихъ противниковъ. Онъ былъ героемъ цѣлаго ряда блестящихъ побѣдъ надъ французами. Въ битвѣ подъ Дашковой, когда русское войско стало отступать передъ непріятелемъ, значительно превосходившимъ численностью, Раевскій съ обоими малолѣтними сыновьями пошелъ навстрѣчу наступающему врагу, при чемъ младшаго сына генералъ велъ за руку, а старшій, схвативъ знамя, лежавшее подлѣ убитаго офицера, пошелъ передъ войсками. Геройство командира воодушевило солдатъ, они бросились впередъ и опрокинули врага. Жуковскій слѣдующими стихами воспѣваетъ этотъ подвигъ Раевскаго:

Раевскій, слава нашихъ дней,
Хвала! передъ рядами,
Онъ первый грудь противъ мечей
Съ отважными сынами“. („Пѣвецъ во станѣ
русскихъ воиновъ“.)

Мать княгини Волконской была Софья Алексѣевна Раевская, урожденная Константинова, внучка Ломоносова. Наружность княгини Марьи Николаевны отличалась симпатичностью: ея стройная фигура, почти высокій ростъ, гордая походка, немного вздернутый носъ, придававшій всему выраженію лица особенную жи-

---

[1]) „Русскій Арх.“ 1866 г., стран. 1115, „Пушкинъ въ южной Россіи“, Бартенева.

вость, производили на всѣхъ впечатлѣніе. Особенно хороши были ея черные, какъ черная смородина, по выраженію барона Штейнгеля, глаза. За смуглый цвѣтъ ея лица и черные волосы ее называли „La fille du Gange“,—дѣвой Ганга. Воспитаніе княгиня получила очень хорошее.

Осьмнадцати лѣтъ Марья Николаевна вышла замужъ за князя Сергѣя Григорьевича Волконскаго, который былъ гораздо старше ея. Не по любви вышла замужъ княгиня, а скорѣе по волѣ отца своего.

До замужества она видѣла князя Сергѣя Григорьевича всего нѣсколько разъ и потому знала его очень мало. Соединивъ съ нимъ свою судьбу, она нашла въ немъ человѣка благороднаго и вполнѣ достойнаго любви. Князь С. Г. Волконскій принадлежалъ къ древнему княжескому роду. Волконскіе происходятъ отъ князей Торусскихъ, которые составляли одну изъ вѣтвей Черниговскаго княжескаго дома. Названіе свое приняли Волконскіе по несуществующему уже городу или мѣстечку Волконѣ (Тульской губерніи, въ Алексинскомъ уѣздѣ), которое досталось имъ въ удѣлъ. Мать Сергѣя Григорьевича, княгиня Александра Николаевна Волконская, была любимой статсъ-дамой и гофмейстериной императрицы Маріи Θеодоровны.

До четырнадцатилѣтняго возраста Сергѣй Григорьевичъ получалъ домашнее воспитаніе подъ руководствомъ иностранца Фриза и отставного подполковника Коленберга. Дальнѣйшее воспитаніе продолжалъ въ Петербургѣ у аббата Николи и въ пансіонѣ Жакино. Здѣсь пробылъ онъ до 16 лѣтъ. Въ 1810 и 1811 гг. слушалъ лекціи по военному искусству у генерала Фуля, пользовавшагося въ то время въ Россіи большой славою. Судьба щедро надѣлила своими дарами князя Волконскаго, и онъ быстро подвигался впередъ по службѣ. Будучи съ малыхъ лѣтъ записанъ въ Екатеринославскій кирасирскій полкъ, онъ въ 1812 году получилъ за отличіе чинъ пол-

ковника; въ слѣдующемъ году, 24 лѣтъ отъ роду, былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ 1821 году назначенъ командиромъ 1-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи. Въ разгарѣ военной славы князь поступилъ въ „Южное общество“. Здѣсь дѣятельность его состояла, преимущественно, въ сношеніяхъ съ членами другихъ тайныхъ обществъ, образовавшихся у насъ въ концѣ царствованія императора Александра I.

Какъ человѣкъ очень способный, умный и при томъ вліятельный, князь пользовался большимъ значеніемъ среди остальныхъ членовъ общества. Волконскій женился на дочери Н. Н. Раевскаго незадолго до рокового дня 14 декабря 1825 года.

Послѣ своей женитьбы, князь поселился въ Одессѣ. Здѣсь Волконскихъ посѣщали члены различныхъ тайныхъ обществъ, въ томъ числѣ: Поджіо, Корниловичъ, Юшневскій, Пестель, Бурцевъ, Абрамовъ. Не прошло и года со дня свадьбы княгини Марьи Николаевны, какъ супружеское счастье Волконскихъ нарушилось возмущеніемъ 14-го декабря. Князь Сергѣй Григорьевичъ въ это время жилъ вмѣстѣ съ женою у родственницы своей, графини Браницкой, въ ея кіевскомъ имѣніи.

Здѣсь у Марьи Николаевны родился первый ребенокъ Николай. Спустя двѣ недѣли послѣ его рожденія, въ Бѣлую церковь (имѣніе Браницкой) явилась полиція и арестовала князя Волконскаго, какъ участника въ заговорѣ. Несчастіе разразилось надъ бѣдной княгиней совершенно неожиданно, такъ какъ она не знала о принадлежности мужа къ тайному обществу. Нисколько не колеблясь, княгиня рѣшилась слѣдовать за мужемъ всюду, куда бы ни забросила его судьба. Едва оправившись отъ родовъ, она уѣхала отъ графини Браницкой къ отцу въ его кіевское имѣніе. Пріѣхавъ къ отцу, княгиня объявила ему о своемъ рѣшеніи слѣдовать за мужемъ, котораго ожидала ссылка въ Сибирь.

Николай Николаевичъ сначала не давалъ согласія на ея отъѣздъ. Онъ думалъ, что княгиня, бывшая ему всегда покорной дочерью, не ослушается и на этотъ разъ отцовской воли. Николай Николаевичъ представлялъ дочери весь ужасъ сибирской жизни, жизни въ казематѣ, умолялъ ее не покидать своей семьи, напоминалъ объ обязанностяхъ матери. Но ни гнѣвъ отца ни просьбы любимыхъ родныхъ не остановили рѣшенія княгини. Она принесла все въ жертву мужу — и чувство матери и свою молодость. Ее не страшили ни лишенія ни разлука съ престарѣлымъ отцомъ. Княгиня знала, что ее ожидаетъ невеселое, трудное будущее, что она навсегда разстается съ беззаботной, полной блеска и роскоши свѣтской жизнью. Знала все это княгиня и тѣмъ не менѣе ни на секунду не задумалась перемѣнить свѣтскую гостиную на тюремную камеру, лишь бы только жить съ любимымъ мужемъ, помогать ему во всемъ, облегчать его участь, словомъ, остаться вѣрной долгу жены. Когда Раевскій убѣдился, что ничто уже не можетъ измѣнить рѣшеніе дочери, онъ благословилъ ее на дальнюю дорогу. Получивъ отцовское благословеніе и простившись съ родными, Марья Николаевна отправилась къ своимъ родственникамъ по мужу Репнинымъ въ Полтавскую губернію. Тамъ она получила нѣкоторыя далеко неутѣшительныя извѣстія о мужѣ: Сергѣй Григорьевичъ находился въ Петропавловской крѣпости, захворалъ лихорадкой; его терзала тоска по женѣ и ребенкѣ до того, что онъ въ отчаяніи плакалъ. Изъ родныхъ онъ видѣлся только съ сестрой, княжной Софьей Григорьевной Волконской. Мать его была такъ убита горемъ, что не была въ состояніи навѣщать сына. Всѣ эти свѣдѣнія Марья Николаевна получила отъ Николая Григорьевича Репнина, который по болѣзни оставался въ деревнѣ. Когда Репнинъ почувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы ѣхать въ Петербургъ, Марья Николаевна отпра-

вилась туда вмѣстѣ съ нимъ. Въ Петербургѣ она остановилась у своей свекрови, княгини Александры Николаевны Волконской, жившей въ своемъ домѣ на Мойкѣ, у Пѣвческаго моста. Узнавъ здѣсь, что мужъ ея осужденъ на двадцатилѣтнюю ссылку въ Сибирь, она стала хлопотать о разрѣшеніи ѣхать вслѣдъ за нимъ. Княгиня написала письмо государю, прося его согласиться на ея отъѣздъ. Вскорѣ черезъ флигель-адъютанта Марья Николаевна получила записку государя. Императоръ писалъ, что разрѣшаетъ ей ѣхать, съ тѣмъ, однако, чтобы она отказалась отъ всѣхъ своихъ правъ и отъ надежды когда-нибудь снова увидѣть Россію. Съ радостью получила молодая женщина эту записку и занялась приготовленіями къ отъѣзду. Сборы были не долги. Трудно представить, что перенесла княгиня въ день своего отъѣзда. Она разставалась съ своимъ сыномъ, котораго оставила на попеченіе бабушки, не рѣшаясь брать съ собою младенца въ такой долгій путь. Объятія и слезы родныхъ окончательно лишили присутствія духа бѣдную мать. Наконецъ, сопровождаемая благословеніями, княгиня тронулась въ дорогу. Многихъ родныхъ ей ужъ не пришлось увидѣть, а также и сына своего, умершаго на третьемъ году отъ рожденія, несмотря на попеченія княгини Александры Николаевны и императрицы Маріи Ѳеодоровны, часто справлявшейся о мальчикѣ, котораго она называла l'enfant du malheur. Приводимъ четверостишіе Пушкина, написанное „на смерть младенца Волконскаго“:

Въ сіяніи и въ радостномъ покоѣ
У трона вѣчнаго Творца,
Съ улыбкой онъ глядитъ въ изгнаніе земное,
Благословляетъ мать и проситъ за отца.

Черезъ нѣсколько дней Марья Николаевна пріѣхала въ Москву, гдѣ пробыла около недѣли у своей невѣстки, княгини Зинаиды Александровны Волконской, жившей въ то время на Тверской, въ домѣ брата. Княгиня

Зинаида Александровна Волконская, урожденная княжна Бѣлосельская, талантливая писательница, можетъ считаться, по своему уму и образованію, представительницей женщинъ высшаго круга начала прошлаго столѣтія. Зинаида Александровна обладала основательными знаніями музыки, изучала драмматическое искусство, знала латинскій и греческій языки. Душевныя качества княгини, ея таланты и красота привлекали массу поклонниковъ. Поэты воспѣвали ее въ своихъ произведеніяхъ, Пушкинъ написалъ ей посланіе „Среди разсѣянной Москвы“ и посвятилъ поэму „Цыганы“. Марья Николаевна пріѣхала въ Москву въ самое блестящее время для ея невѣстки: литературныя знаменитости и политическіе дѣятели окружали Зинаиду Александровну. Она была покровительницей талантовъ, а ея домъ — храмомъ искусства. Зинаида Александровна приняла живѣйшее участіе въ судьбѣ своей невѣстки и, чтобы хотя немного развлечь ее, устроила передъ отъѣздомъ дорогой гостьи 26 декабря 1826 года, литературно-музыкальный вечеръ, на который собрались почти всѣ жившіе въ то время въ Москвѣ представители науки, литературы и искусствъ. Марія Николаевна возбуждала всеобщій интересъ. Всѣ, конечно, знали объ участи Сергѣя Григорьевича и о намѣреніи молодой княгини ѣхать къ мужу. Вотъ отрывокъ изъ описанія этого вечера, найденнаго въ бумагахъ покойнаго поэта А. В. Веневитинова, самаго горячаго поклонника княгини Зинаиды Александровны.

„27 декабря 1826 года. Вчера провелъ я вечеръ, незабвенный для меня. Я видѣлъ во второй разъ и еще болѣе узналъ несчастную княгиню Марію Волконскую, коей мужъ сосланъ въ Сибирь и которая 6-го января сама отправляется въ путь за нимъ вмѣстѣ съ Муравьевой[1]). Она нехороша собой, но глаза ея чрезвычайно

---

[1]) Кн. М. Н. Волконская уѣхала изъ Москвы одна.

много выражаютъ. Третьяго дня ей минуло двадцать лѣтъ; но такъ рано обреченная жертва кручины, эта интересная и вмѣстѣ могучая женщина — больше своего несчастья. Она его преодолѣла, выплакала; источникъ слезъ уже изсякъ въ ней. Она уже увѣрилась въ своей судьбѣ и, рѣшившись, всегда носить ужасное бремя горести на сердцѣ, повидимому, успокоилась. Въ ней угадываешь, чувствуешь ея несчастіе, ибо она даже перестала и бороться съ нимъ. Она хранитъ его въ себѣ, какъ залогъ грядущаго... Прискорбно на нее смотрѣть и вмѣстѣ завидно. Есть блаженство и въ самомъ несчастіи! Она видитъ въ себѣ божество, ангела-хранителя и утѣшителя двухъ существъ, для которыхъ она теперь уже одна осталась, и все въ мірѣ! Для нихъ она, какъ Христосъ для людей, обрекла себя на жертву — славная жертва! Утѣшительная мысль для меня! Она теперь будетъ жить въ мірѣ, созданномъ ею собою. Въ вдохновеніи своемъ, она сама избрала свою судьбу и безъ страха глядитъ въ будущее. Она чрезвычайно любитъ музыку. Музыка одна только и можетъ согласоваться съ ея чувствами въ теперешнемъ ея положеніи. Она, въ продолженіе цѣлаго вечера все слушала, какъ пѣли, и когда одинъ отрывокъ былъ отпѣтъ, то она просила другого. До двѣнадцати часовъ ночи она не входила въ гостиную, потому что у к. З. (княгини Зинаиды) много было гостей, но сидѣла въ другой комнатѣ за дверью, куда къ ней безпрестанно ходила хозяйка, думая о ней только и стараясь всячески ей угодить. Отрывокъ изъ „Agnes“ del Maestro Paёr былъ пресѣченъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ несчастная дочь умоляетъ еще несчастнѣйшаго родителя о прощеніи своемъ. Невольное сближеніе злочастія Агнесы или отца ея съ настоящимъ положеніемъ невидимо присутствующей родственницы своей отняло голосъ и силу к. З., а бѣдная сестра ся по сердцу принуждена была вытти, ибо залилась слезами и не хотѣла, чтобы ее

примѣтили въ другой комнатѣ: ибо въ такомъ случаѣ всѣ бы ее окружили, а она страшится, чуждается свѣта, и это понятно. Остатокъ вечера былъ печаленъ. Легкомысленнымъ, безъ сомнѣнія, показался онъ скучнымъ, какъ ни старались прерывать глубокое мрачное молчаніе нѣкоторыми шутливыми дуэтами. Но человѣкъ съ чувствомъ, который хоть изрѣдка уже привыкъ обращаться на самого себя и относить къ себѣ все, что его ни окружаетъ, необходимо долженъ былъ думать, много думать. Я желалъ въ то время, чтобы всѣ добрые стали счастливцами, а собственное впечатлѣніе сего вечера старался я увѣковѣчить въ себѣ самомъ. Но подобныя движенія души и безъ того не пропадутъ. Когда всѣ разъѣхались и осталось только очень мало самыхъ близкихъ и вхожихъ къ к. З., она вошла сперва въ гостиную, сѣла въ уголъ, все слушала музыку, которая для нея не переставала, восхищалась ею, потомъ робко приблизилась къ клавикордамъ, смѣла уже глядѣть на тѣхъ, которые возлѣ нихъ стояли, сѣла на диванъ, говорила тихимъ голосомъ очень мало, изрѣдка улыбалась; иногда облако воспоминаній и ожиданій затмевало ея глаза, но она обѣими руками закрывала тогда лицо и старалась побѣдить свое чувство. Она всѣхъ просила ей спѣть что-нибудь, простодушно увѣряя, что память этого участія, которое принимаютъ въ ея положеніи, облегчитъ ей трудный путь въ Сибирь. И до меня очередь дошла. Я пѣть не умѣю, но отказать ей не смѣлъ и кое-какъ проворчалъ ей дуэтъ изъ „Донъ-Жуана". Одному пѣть у меня тогда бы голоса недостало. Она меня благодарила, какъ и всѣхъ; видно, что это не изъ приличія, потому что она не тратила много словъ, но каждое слово было похоже не нее самое, согласовалось съ выраженіемъ ея лица. Я возвратился домой съ душою полной и никогда, мнѣ кажется, не забуду этого вечера!"

Такъ въ пѣніи, музыкѣ и бесѣдахъ, предметомъ которыхъ была молодая княгиня, прошелъ весь вечеръ.

Наконецъ, подали ужинъ. За ужиномъ Марья Николаевна говорила очень мало, и то только объ общихъ предметахъ, стараясь избѣгать разговоровъ о себѣ самой.

Грустное лицо княгини только разъ во весь вечеръ нѣсколько оживилось, когда за ужиномъ зашла рѣчь о концертѣ, данномъ въ пользу Семенова, и о непріятностяхъ, которыя достались иниціаторамъ этого концерта. Выразительныя глаза Марьи Николаевны засвѣтились досадой, и она иронически воскликнула: „on a trouvé que c'était trop libéral".

Впечатлѣніе, произведенное Марьей Николаевной на невѣстку, выразилось слѣдующими поэтическими строками княгини Зинаиды Александровны:

„O toi qui viens se reposer dans ma demeure! Toi que je n'ai connue que pendant trois jours et que j'ai nommée mon amie! Le reflet de ton image est resté dans mon âme. Mes yeux te voient encore: ta haute taille se déploie devant moi comme une grande pensée et tes mouvements gracieux me semblent former la mélodie que les anciens prêtaient aux étoiles du ciel. Tu as les yeux, la chevelure et le teint d'une fille du Gange, et ta vie, comme la sienne, porte le sceau du devoir et du sacrifice. Tu es jeune... Et cependant le passé dans ton existence s'est entièrement détaché du présent; le jour a cessé pour toi, et une douce soirée n'a point amené la sombre nuit. Elle est venue comme l'hiver de nos climats; et la terre, encore brûlante, s'est couverte de neige... Autrefois, me disais-tu, ma voix était sonore, mais les souffrances l'ont éteinte... Et cependant j'ai entendu tes chants: ils durent encore; ils ne cesseront jamais; car tes paroles, ta jeunesse, ton regard ont des sons qui retentissent dans l'avenir.—Comme tu nous écoutais, quand nous formions des choeurs autour de toi!... encore, encore, répétais-tu sans cesse, encore!... demain, ni jamais, je n'entendrai plus de musique... Mais aujourd'hui tu me demandes ta harfe: appuie-la sur ton

cœur brisé, fais vibrer ses cordes, et que chaque son, chaque accord soit comme la voix d'un ami. Enveloppe-toi bien d'harmonie, respire-la, chante, chante toujours...

Ta vie n'est-elle pas un hymne[1])?"

Изъ Москвы путь Марьи Николаевны лежалъ на Иркутскъ, гдѣ она надѣялась увидаться съ мужемъ. Княгиня ѣхала въ небольшомъ возкѣ. Ее сопровождали крѣпостные люди, лакей Евфимъ и горничная Марья, которые выказали большую преданность госпожѣ своей во все время пребыванія въ Сибири. Оба получили впослѣдствіи вольную. Послѣ долгой, утомительной ѣзды, рискуя стать жертвой январскихъ морозовъ, Марья Николаевна пріѣхала въ Иркутскъ. Здѣсь она встрѣтилась съ княгиней Трубецкой, уѣхавшей изъ Петербурга нѣсколько раньше и тоже стремившейся къ мужу. Встрѣча обѣихъ женщинъ была очень радостная, такъ какъ вдвоемъ имъ легче было преодолѣвать трудности дороги и переносить тяжкое горе. Отъ Трубецкой княгиня Волконская узнала, что мужей ихъ уже нѣтъ въ Иркутскѣ, что ихъ услали въ Нерчинскъ. Молодыя женщины, не медля ни минуты, стали собираться въ дальнѣйшій

---

[1]) „О ты, пришедшая отдохнуть въ моей обители! Ты, которую я знала всего три дня и назвала своимъ другомъ! Свѣтъ твоего образа запечатлѣлся въ душѣ моей. Ты все еще стоишь передъ моими глазами. Твой высокій станъ, какъ великая мысль, встаетъ предо мной, а твои граціозныя движенія подобны мелодіи, которую древніе приписывали небеснымъ свѣтиламъ. Очи твои, волосы и цвѣтъ лица — какъ у дочери Ганга, и жизнь твоя, какъ и ея жизнь, носитъ печать долга и самоотверженія. Ты молода... а между тѣмъ твоя прошедшая жизнь навѣки оторвана отъ настоящей; закатилося солнце твое, и далеко не тихій вечеръ принесъ тебѣ темную ночь. Она наступила, словно зима въ нашей родинѣ, и еще теплая земля окуталась снѣгомъ... Когда-то мой голосъ былъ звученъ, говорила ты мнѣ, но страданія его заглушили... Но я слышала твои пѣсни: онѣ все еще раздаются въ ушахъ моихъ и никогда не затихнутъ, ибо и рѣчи твои, и юность, и взоры одарены звуками, которые отзываются въ будущемъ. Съ какою страстностью внимала ты нашему пѣнію, когда мы окружали тебя (своими хорами!)... ни завтра, никогда я больше не услышу музыки... Но сегодня ты у меня просишь арфы. Прижми же ее къ своему разбитому сердцу, заставь задрожать ея струны, и каждый звукъ, каждый аккордъ пусть прозвучитъ голосомъ друга. Углубись всецѣло въ гармонію, вдохни ее въ себя, пой, пой безъ конца. Вѣдь и вся твоя жизнь есть ничто иное, какъ гимнъ.

путь, но тутъ имъ пришлось встрѣтить сильное препятствіе въ лицѣ иркутскаго губернатора, Б. И. Цейдлера. Ниже мы подробнѣе разскажемъ объ этомъ препятствіи, теперь же передадимъ только содержаніе той бумаги, которую должны подписать передъ отъѣздомъ изъ Иркутска обѣ княгини, а также и другія женщины, впослѣдствіи пріѣхавшія къ мужьямъ въ Сибирь:

„Желая раздѣлить участь моего мужа и жить въ томъ селеніи, гдѣ онъ будетъ содержаться, не должна я: 1) отнюдь искать свиданія съ нимъ никакими происками и никакими посторонними способами, но единственно по сдѣланному на то отъ г. коменданта дозволенію и токмо въ назначенные для того дни и не чаще, какъ черезъ два дня на третій; 2) не должна я доставлять ему никакихъ вещей, денегъ, бумаги, чернилъ, карандашей безъ вѣдома коменданта, или офицера. Равнымъ образомъ не должна принимать отъ него вещей, особливо же писемъ, записокъ и никакихъ бумагъ для отсылки; 3) не должна ни подъ какимъ видомъ никому писать и отправлять моихъ писемъ и другихъ бумагъ иначе, какъ только черезъ г. коменданта, равно, если будутъ присланы черезъ родныхъ или постороннихъ людей, должна я ихъ ему же, коменданту, при полученіи объявлять; 4) изъ числа вещей, при мнѣ находящихся и коихъ регистръ имѣется у коменданта, я не въ правѣ безъ вѣдома его продавать ихъ, дарить кому или уничтожать. Деньгамъ же моимъ собственнымъ обязуюсь вести приходо-расходную книгу и въ оную расписывать всѣ мои издержки, сохраняя между тѣмъ сію книгу въ цѣлости. Въ случаѣ востребованія г. комендантомъ, оную ему немедленно представлять. Если окажутся вещи и деньги сверхъ тѣхъ, которыя были мною скрыты, я подвергаюсь за противоучиненный поступокъ законному сужденію; 5) также не должна я мужу моему присылать никакихъ хмельныхъ напитковъ: водки, вина, пива, меду, кромѣ съѣстныхъ припасовъ,

да и тѣ доставлять ему чрезъ старшаго унтеръ-офицера, а не черезъ людей моихъ, коимъ воспрещено личное свиданіе съ мужемъ моимъ; 5) обязуюсь имѣть свиданіе съ мужемъ моимъ не иначе, какъ въ арестантской палатѣ, гдѣ указано будетъ въ назначенное для того время, не говорить съ нимъ ничего излишняго и паче чего-либо не принадлежащаго; вообще имѣть съ нимъ дозволенный разговоръ на одномъ русскомъ языкѣ; 7) не должна я нанимать себѣ никакихъ слугъ, или работниковъ, а довольствоваться только послугами предоставленныхъ мнѣ: одного мужчины и одной женщины, за которыхъ также отвѣтствую, что они не будутъ имѣть никакого сношенія съ моимъ мужемъ, и вообще за ихъ поведеніе; 8) наконецъ, давши такое обязательство, не должна и сама никуда отлучаться отъ мѣста, гдѣ пребываніе мое будетъ, равно и посылать куда-нибудь слугъ моихъ по произволу моему, безъ вѣдома коменданта или, въ случаѣ отбытія его, безъ вѣдома старшаго офицера.

Подписавъ это обязательство, Волконская сдѣлала послѣдній и самый рѣшительный шагъ. Съ этой минуты она была отдѣлена отъ прежняго общества и отъ родныхъ и всецѣло отдалась мужу. Вскорѣ она прибыла въ Благодатскъ, гдѣ находился Сергѣй Григорьевичъ. Прибытіе жены благодѣтельно подѣйствовало на Волконскаго. Ея нравственная поддержка была ему необходима, такъ какъ жизнь въ Благодатскѣ оказалась преисполненной всѣми ужасами и непріятностями тюрьмы. Въ Благодатскомъ рудникѣ было назначено пребываніе 8 декабристамъ. Тюрьма, отведенная для нихъ, состояла изъ двухъ избъ. Въ передней помѣщались караульные, а въ задней — ссыльные. Задняя изба состояла изъ большой комнаты съ русской печью и изъ трехъ грязныхъ, темныхъ чулановъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого тонкими перегородками. Въ чуланахъ-то и помѣщались декабристы. Тѣсно было очень. Приходилось спать въ

три яруса. Кромѣ того, эти конуры отличались грязью, такъ что тамъ завелись насѣкомыя, причиняющія заключеннымъ неимовѣрныя страданія. Днемъ и ночью мучили они ихъ лишая силъ, которыя нужны были для работы въ рудникахъ. Несчастные принуждены были мазать тѣло скипидаромъ, но насѣкомыя, покрывавшія ихъ, не унимались. Тѣло отъ скипидара горѣло какъ въ огнѣ, и кожа сходила. Скверная пища сотвѣтствовала прочей обстановкѣ. Черезъ три дня послѣ прибытія декабристовъ въ Благодатскъ, каждому изъ нихъ назначили работу въ рудникѣ, снабдивъ фонаремъ, сальной свѣчкой и киркой. Въ руководители даны каторжники, которые часто, пользуясь отсутствіемъ караульныхъ, помогали „князьямъ“ (такъ они называли декабристовъ, потому что въ числѣ послѣднихъ было много князей) работать. На работу выходили два раза въ день: утромъ отъ 5 часовъ до 11 и пополудни отъ 1-го часу до 6. Но насѣкомыя, недостатокъ пищи и тяжелый трудъ были менѣе невыносимы для декабристовъ, чѣмъ грубое обращеніе начальника Нерчинскихъ заводовъ, Бурнашева, обладавщаго всѣми свойствами палача и тюремщика, которому недоступно ни одно гуманное чувство. Онъ назначилъ несчастныхъ восемь человѣкъ въ ближайшій отъ себя заводъ, приказавъ содержать ихъ какъ можно строже. Когда Бурнашевъ получилъ приказаніе зоботиться о здоровьѣ находящихся въ его вѣдѣніи декабристовъ, онъ внѣ себя отъ злости воскликнулъ: „Чортъ побери! какія глупыя инструкціи даютъ нашему брату: содержать строго и беречь ихъ здоровье! Безъ этого смѣшного прибавленія я бы выполнилъ, какъ должно, инструкцію и въ полгода вывелъ бы ихъ всѣхъ въ расходъ!“ Сердце княгини обливалось кровью при видѣ тѣхъ страданій и мукъ, которыя доставались на долю ея мужа и его товарищей въ Благодатскѣ. Ужасное положеніе Сергѣя Григорьевича удвоило энергію княгини Волконской, и она вмѣстѣ съ

Трубецкой начала здѣсь ту высокую миссію, которую такъ доблестно довела до конца. Обѣ женщины значительно улучшили бытъ восьми заключенныхъ. Онѣ тайно переписывали и отсылали ихъ письма къ роднымъ, собственноручно чинили ихъ платье, приготовляли и приносили въ тюрьму разныя кушанья. Два раза въ недѣлю имъ было разрѣшено приходить къ мужьямъ, и дни ихъ посѣщеній были настоящимъ праздникомъ для заключенныхъ. Въ бесѣдѣ съ этими прекрасными женщинами забывалось горе. Посѣщенія ихъ озаряли свѣтомъ тюремныя конуры. Въ остальные дни недѣли дамы подходили къ окну тюрьмы и взорами поддерживали ихъ душевныя силы. Въ Благодатскѣ княгиня Волконская прожила до сентября 1827 года, когда ея мужа вмѣстѣ съ другими семью перевели въ Читу и соединили съ прочими декабристами. Комендантомъ Читы былъ генералъ Станиславъ Романовичъ Лепарскій, человѣкъ въ высшей степени благородный и добрый. Лепарскій не выходя изъ границъ офиціальныхъ отношеній, сумѣлъ, однако, значительно улучшить жизнь ссыльныхъ.

Пріѣхавъ въ Читу, Марія Николаевна купила небольшой домъ и поселилась въ немъ съ горничной и лакеемъ. Добрый Станиславъ Романовичъ заботился о томъ, чтобы получше устроить ея жизнь. Желая доставить ей хоть какое-нибудь развлеченіе, онъ присылалъ княгинѣ свои сани, и она каждый день каталась. Въ одномъ изъ писемъ къ свекрови, Волконская такъ отзывается о Лепарскомъ: „онъ ангелъ хранитель, дозволяющій мнѣ все возможное, чтобъ облегчить мое страшное положеніе“.

Въ Читѣ было уже нѣсколько дамъ, пріѣхавшихъ раздѣлить тяжкій жребій мужей, такъ что княгиня могла проводить съ ними время. Жизнь шла однообразно. Марія Николаевна вела дѣятельную переписку съ родными и знакомыми, занималась рукодѣліемъ; въ тѣ дни, когда бывала у мужа, читала вмѣстѣ съ нимъ книги,

которыми въ изобиліи снабжали Волконскихъ родные. Вскорѣ молодая женщина получила изъ Петербурга фортепіано, и музыкой сокращала скучные годы добровольнаго изгнанія. Мужу, большому любителю садоводства, княгиня выписала различныя сѣмена, которыми онъ засѣялъ небольшой огородъ на острожномъ дворѣ. Случалось, что деньги, которыя получала Марія Николаевна для своего содержанія, немного опаздывали, тогда ей приходилось терпѣть нѣкоторое время нужду, потому что мѣстные жители сначала относились съ большимъ недовѣріемъ къ ссыльнымъ, и не у кого было даже на короткій срокъ занять денегъ (у другихъ заключенныхъ лишнихъ денегъ не водилось). Но такія отношенія продолжались не долго, и скоро всѣ жители Читы полюбили декабристовъ и ихъ женъ. Первое время Волконская страдала и отъ холода, но скоро получила отъ свекрови теплую одежду.

Въ 1829 году, Марія Николаевна получила печальное извѣстіе о кончинѣ отца. Старая княгиня Волконская знала, какой ударъ нанесетъ дочери это несчастіе. Поэтому она написала письмо Лепарскому, съ просьбой приготовить Марію Николаевну къ постигшему ее горю. Комендантъ съ заботливостью нѣжнаго отца исполнилъ просьбу княгини Александры Николаевны. Смерть горячо любимаго отца сильно подѣйствовала на Волконскую, тѣмъ болѣе, что она чувствовала себя отчасти виноватою передъ нимъ, такъ какъ ослушалась его воли и осталась въ Сибири болѣе одного года. (Марія Николаевна передъ отъѣздомъ изъ дому обѣщалась отцу оставаться въ Сибири не болѣе года.)

Н. Н. Раевскій скончался на 59-мъ году своей жизни, 16 сентября 1829 года, въ своемъ селѣ Каменкѣ Кіевской губерніи, Чигиринскаго повѣта, гдѣ жилъ съ женой и незамужними дочерьми. Раевскій не оставилъ послѣ себѣ ни одного человѣка, который бы имѣлъ причину помянуть его недобрымъ словомъ. Объ услугахъ,

оказанныхъ имъ отечеству, свидѣтельствуетъ потомству надпись на его памятникѣ:

Онъ былъ въ Смоленскѣ щитъ,
Въ Парижѣ — мечъ Россіи.

Генералъ до послѣдняго дня не могъ примириться съ судьбою дочери. Но, хотя и противъ его желанія оставалась княгиня въ Сибири, Николай Николаевичъ глубоко уважалъ дочь, сознавая въ душѣ величіе ея подвига. Все семейство окружало умирающаго, даже старшій сынъ его, Александръ Николаевичъ, сосланный въ Полтавскую губернію, съ разрѣшенія губернатора князя Репнина, пріѣхалъ проститься съ отцомъ; не доставало одной Маріи Николаевны Волконской. Генералъ замѣтилъ ея отсутствіе и, указывая на портретъ дочери, сказалъ другу своему доктору Фишеру: „voila la plus admirable femme, que j'ai connue“ („вотъ самая чудная женщина, которую я когда-либо зналъ“). Немалымъ утѣшеніемъ послужили княгинѣ эти слова, дошедшія до нея въ Сибирь.

Отрывокъ изъ письма Волконской къ свекрови, посланнаго вскорѣ послѣ смерти отца, даетъ понятіе о томъ душевномъ состояніи, въ которомъ находилась молодая княгиня.

„8 декабря 1829 года. Чита, острогъ. Вы видѣли изъ предыдущаго моего письма, обожаемая маменька, что мнѣ извѣстна вся глубина моего несчастія. Сергѣй и я — мы у вашихъ ногъ. Онъ за мной ухаживаетъ, не отходитъ отъ меня и принялъ мое несчастіе почти такъ же горячо, какъ я сама. Милая маменька, поберегите ваше здоровье ради нашего счастія и спокойствія. Нельзя перенести двухъ разъ того, что я испытываю въ эту минуту. Я получила письмо моей доброй сестры Репниной, но, къ душевному сожалѣнію, не могу отвѣчать ей сегодня. Ей я обязана первымъ облегченіемъ въ моемъ страданіи. Я столько упрекала себя

за письма, которыми огорчала отсюда обожаемаго отца, а наканунѣ своей смерти онъ говорилъ обо мнѣ съ похвалой и любовью, показывая мой портретъ доктору Фишеру. Не могу вамъ сказать, какую отраду доставили мнѣ эти подробности. Благословляю добрую сестру, которая мнѣ ихъ сообщила, и обнимаю ее отъ глубины сердца. Цѣлую, руки ея мужа и прошу его благословенія. Сергѣй и я, мы здоровы, милая маменька; въ доказательство скажу вамъ, что онъ уже диктуетъ мнѣ письма къ посторонним лицамъ. Пока у меня остается хоть искра жизни, я не могу отказаться въ услугахъ и помощи столькимъ несчастнымъ родителямъ".

Своею жизнью въ Читѣ, исполненной самоотверженія и любви къ ближнимъ, находящимся въ несчастіи, княгиня Волконская пріобрѣла всеобщія симпатіи и уваженіе. Ея доброта, ласковый характеръ всюду находили себѣ поклонниковъ и возбуждали восторгъ знавшихъ ее людей.

Много уже выстрадала княгиня въ Сибири, много лишеній перенесла она уже съ того дня, какъ уѣхала изъ Петербурга, но все это не сломило ея геройской рѣшимости и, черезъ три года послѣ своего отъѣзда изъ Россіи, она съ неменьшей энергіей и покорностью судьбѣ готова была исполнить свой обѣтъ. Вотъ письмо, которое представляетъ читателю состояніе духа молодой женщины послѣ трехлѣтней ссылки, писанное Марьей Николаевной 5 іюня 1829 года изъ Читы:

„Сегодня Сергіевъ день, милая маменька, и, съ тѣхъ поръ, какъ мы женаты, я имѣю въ первый разъ счастіе провести его съ мужемъ. Въ первый годъ я была въ Одессѣ, а онъ въ лагерѣ; 1826-й годъ былъ преисполненъ страданіемъ для насъ, а съ тѣхъ поръ этотъ день не совпадалъ никогда съ нашими свиданіями. Но теперь мой дорогой Сергѣй — со мной, окружаетъ меня, какъ и прежде, вниманіемъ и любовью. Вы подумаете о насъ, добрая маменька и, сквозь ваши слезы, благословите

насъ отъ глубины сердца. Вы желаете намъ счастія въ будущемъ, но судьба наша не измѣнится и не можетъ измѣниться. Я не обманываю себя на этотъ счетъ. Мой мужъ испиваетъ чашу страданія съ покорностью и твердостью, а я сумѣю все перенести возлѣ него. Будьте же спокойны на нашъ счетъ, обожаемая маменька; да не будутъ ваши драгоцѣнные дни омрачены нашей судьбой, какъ скоро она неизмѣнима. Здоровье вашего сына очень хорошо; онъ много занимается своимъ садикомъ, нашимъ домашнимъ хозяйствомъ, словомъ — всѣмъ. Я ни во что не вмѣшиваюсь, и все для меня готово, словно чародѣйствомъ, какъ и въ былое время. Прощаюсь съ вами, цѣлую ваши ручки милліонъ разъ. Передайте отъ меня много нѣжностей Репнинымъ. Прося вашего благословенія для Сергѣя и для меня, остаюсь ваша покорная дочь Марія Волконская“.

Спокойное ожиданіе грядущей судьбы, здравый взглядъ на свое положеніе, любовь къ мужу, обиліе душевныхъ силъ, которыми дышатъ эти строки, ни на одну минуту не оставляли княгиню. Единственно на что жаловалась Волконская, такъ это на то, что ей не позволялось видаться съ мужемъ болѣе двухъ разъ въ недѣлю, да и то въ присутствіи дежурнаго офицера. Неоднократно проситъ она княгиню Александру Николаевну исходатайствовать у императора позволеніе поселиться въ тюрьмѣ. Желаніе княгини раздѣлить заключеніе мужа удовлетворили не ранѣе 1830 года, когда всѣ декабристы были переведены изъ Читы въ Петровскій желѣзный заводъ. Въ Читѣ Волконская пробыла болѣе 3-хъ лѣтъ и покидала ее съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ. Еще будучи въ Читѣ, княгиня Марья Николаевна купила себѣ домикъ въ Петровскомъ заводѣ, такъ что, когда она пріѣхала туда, помѣщеніе для нея было уже заранѣе приготовлено. По прибытіи въ Петровскій заводъ, декабристы были освобождены на нѣсколько дней отъ работъ, и женатые получили разрѣшеніе провести

это время вмѣстѣ съ женами въ ихъ домахъ, такъ что Волконская въ первый разъ со времени пріѣзда въ Сибирь имѣла съ мужемъ свиданіе, не стѣсняемое присутствіемъ официальнаго лица. Дни свиданія пролетѣли незамѣтно, и Сергѣй Григорьевичъ перешелъ опять въ тюрьму. Кругъ дамъ увеличился въ это время М. К. Юшневской и баронессой А. В. Розенъ, прибывшими во время перехода изъ Читы въ Петровскъ. Вскорѣ женамъ декабристовъ было объявлено комендантомъ, что мужей больше не будутъ отпускать на свиданіе съ ними, но что они сами могутъ переселиться въ острогъ, съ условіемъ оставить дома дѣтей и слугъ. Такимъ образомъ, завѣтное желаніе княгини Волконской жить вмѣстѣ съ мужемъ исполнилось. Княгиня немедленно перешла въ тюрьму и поселилась съ мужемъ въ двухъ, отведенныхъ для нея, номерахъ. Она постаралась устроиться поуютнѣе, желая смягчить тяжелое впечатлѣніе, производимое тюремной обстановкой. Съ этой цѣлью Марья Николаевна перевезла изъ своего домика небогатую мебель, имѣвшуюся тамъ, и украсила назначенные ей номера; эта мебель состояла изъ овальнаго стола, нѣсколькихъ креселъ, комода, на которомъ красовался чайный сервизъ, двухъ шкафовъ съ книгами и фортепіано. По стѣнамъ комнатъ были развѣшаны фамильные портреты. Все было бы довольно сносно, если бы не отсутствіе свѣта, которое было причиною многихъ неудобствъ и непріятностей. Княгиня писала въ Петербургъ, прося родныхъ похлопотать о разрѣшеніи прорубить окна въ наружной стѣнѣ острога. Наконецъ, просьбы ея были исполнены, и въ камерахъ сдѣлалось свѣтлѣе. Комнатки Волконскихъ были любимымъ и обыкновеннымъ мѣстомъ собранія декабристовъ. Часто проводили они здѣсь вечера, свободные отъ работъ. Здѣсь велись оживленные бесѣды, споры, вспоминали о прошедшемъ, передавали другъ другу новости, полученныя съ родины. Иногда у Волконскихъ устраивались чтенія. Сергѣй Григорье-

вичъ занималъ товарищей своими интересными разсказами: онъ говорилъ очень хорошо, многое видалъ на своемъ вѣку, многое зналъ, такъ какъ принадлежалъ къ высшей аристократіи, находился во время службы при государѣ или при главнокомандующихъ и исполнялъ чрезвычайно важныя порученія. Особенно увлекался князь, разсказывая о военныхъ дѣйствіяхъ. Жена его, обладавшая очень хорошимъ голосомъ и основательными музыкальными знаніями, услаждала всѣхъ своимъ пѣніемъ и игрою на фортепіано. Много пріятныхъ минутъ доставила княгиня Волконская обитателямъ тюрьмы, и ея келья была свѣтлою точкою среди окружающаго мрака. Марья Николаевна прожила въ Петровскѣ шесть лѣтъ. Въ іюлѣ 1836 года Волконскій съ женой былъ отправленъ на поселеніе въ Иркутскъ. Тамъ они наняли довольно большой домъ и вообще устроились хорошо. Князь развелъ за городомъ садъ и проводилъ въ немъ бóльшую часть времени, будучи, какъ уже замѣчено выше, страстнымъ любителемъ цвѣтовъ и вообще всякихъ растеній.

Марья Николаевна родила въ Сибири четырехъ дѣтей, изъ которыхъ только двое остались въ живыхъ, дочь и сынъ, Михаилъ Сергѣевичъ, получившій образованіе въ иркутской гимназіи и уѣхавшій на службу въ Россію. Въ 1856 году князь Сергѣй Григорьевичъ, по высочайшему манифесту, вмѣстѣ съ женою оставилъ Сибирь. Извѣстіе объ окончаніи своего изгнанія онъ получилъ черезъ сына, который съ этой цѣлью отправился въ Сибирь. Князь Волконскій умеръ въ 1865 году въ имѣніи своемъ, въ селѣ „Коронки“, Черниговской губерніи, а двумя годами раньше въ Москвѣ скончалась его супруга. Врядъ ли найдется много женщинъ, на долю которыхъ выпало столько страданій, сколько ихъ пришлось пережить княгинѣ Волконской.

Общее удивленіе возбуждаетъ геройскій подвигъ этой женщины, отважившейся въ девятнадцать лѣтъ бросить семью, роскошь и блескъ своего положенія и послѣ-

довавшей за мужемъ въ глубь сибирскихъ рудниковъ. Испытанія, перенесенныя княгиней, твердость духа, не покидавшая ее во все время жизни въ Сибири, безграничная любовь къ мужу, святое исполненіе долга, утѣшенія, доставленныя ссыльнымъ, самоотверженіе, наконецъ, образованіе и умъ, дѣлаютъ княгиню М. Н. Волконскую достойнѣйшею представительницею русскихъ женщинъ, пріобрѣтаютъ ей уваженіе потомства и отводятъ ей видное мѣсто среди женщинъ-героинь.

Хинъ.

Княгиня Волконская въ Нерчинскихъ рудникахъ, Читѣ и Петровскѣ.

На другой день по пріѣздѣ въ Благодатскъ, я встала съ разсвѣтомъ и пошла по деревнѣ, спрашивая о мѣстѣ, гдѣ работаетъ мужъ. Я увидѣла дверь, ведущую какъ бы въ подвалъ для спуска подъ землю и рядомъ съ нею вооруженнаго сторожа. Мнѣ сказали, что отсюда спускаются наши въ рудникъ; я спросила, можно ли ихъ видѣть на работѣ; этотъ добрый малый поспѣшилъ дать мнѣ свѣчу, нѣчто въ родѣ факела, и я, въ сопровожденіи другого, старшаго, рѣшилась спуститься въ этотъ темный лабиринтъ. Тамъ было довольно тепло, но спертый воздухъ давилъ грудь; я шла быстро и услышала за собой голосъ, громко кричавшій мнѣ, чтобы я остановилась. Я поняла, что это былъ офицеръ, который не хотѣлъ мнѣ позволить говорить съ ссыльными. Я потушила факелъ и пустилась бѣжать впередъ, такъ какъ видѣла въ отдаленіи блестящія точки: это были они, работающіе на небольшомъ возвышеніи. Они спустили мнѣ лѣстницу, я взлѣзла по ней, ее втащили, — и, такимъ образомъ, я могла повидать товарищей моего мужа, сообщить имъ извѣстія изъ Россіи и передать привезенныя мною письма. Мужа тутъ не было, не было ни Оболенскаго, ни Якубовича, ни Трубец-

кого; я увидѣла Давыдова, обоихъ Борисовыхъ и Артамона Муравьева. Они были въ числѣ первыхъ 8, высланныхъ изъ Россіи и единственныхъ, попавшихъ въ Нерчинскіе заводы. Между тѣмъ, внизу офицеръ терялъ терпѣніе и продолжалъ меня звать; наконецъ, я спустилась; съ тѣхъ поръ было строго запрещено впускать насъ въ шахты. Артамонъ Муравьевъ назвалъ эту сцену „моимъ сошествіемъ въ адъ“.

Пріѣздъ нашъ принесъ много пользы заключеннымъ. Не имѣя разрѣшенія писать, они были лишены извѣстій о своихъ, а равно и всякой денежной помощи. Мы за нихъ писали, и съ той поры они стали получать письма и посылки. Между тѣмъ, у насъ не хватало денегъ; я привезла съ собой всего 700 рублей ассигнаціями; остальное мое имущество находилось въ рукахъ губернатора. У Каташи (Трубецкой) не оставалось больше ничего. Мы ограничили свою пищу: супъ и каша, вотъ нашъ обыденный столъ; ужинъ отмѣнили. Каташа, привыкшая къ изысканной кухни отца, ѣла кусокъ чернаго хлѣба и запивала его квасомъ. За такимъ ужиномъ засталъ ее одинъ изъ сторожей тюрьмы и передалъ объ этомъ ея мужу. Мы имѣли обыкновеніе посылать обѣдъ нашимъ; надо было чинить ихъ бѣлье. Какъ сейчасъ вижу передъ собой Каташу съ поваренной книгой въ рукахъ, готовящую для нихъ кушанья и подливы. Какъ только они узнали о нашемъ стѣсненномъ положеніи, они отказались отъ нашего обѣда; тюремные солдаты все добрые люди, стали на нихъ готовить. Это было весьма кстати, такъ какъ наши дѣвушки стали очень упрямиться, не хотѣли намъ ни въ чемъ помогать, и начинали себя дурно вести, сходясь съ тюремными унтеръ-офицерами и казаками. Начальство вмѣшалось и потребовало ихъ удаленія. Не могу передать, съ какой грустью мы смотрѣли на ихъ отъѣздъ въ Россію; заключенные стояли всѣ у оконъ, провожая глазами ихъ телѣгу; каждый изъ нихъ думалъ: „этотъ путь загра-

жденъ для меня". Мы остались безъ горничныхъ; я мела полы, прибирала комнату, причесывала Каташу, и, увѣряю васъ, что дѣло ва нашемъ хозяйствѣ шло лучше.

Когда началась оттепель, я стала замѣчать, какъ несчастные безсемейные каторжники, жившіе въ общей казармѣ, садились часто у порога тюрьмы и глядѣли вдаль. Я спросила о причинѣ, и мнѣ сказали, что съ приближеніемъ весны ими овладѣвало неотразимое желаніе бѣжать, и что они встрѣчали радостно таяніе снѣга: не имѣя ни шубы ни сапогъ, они не могли зимою отваживаться на побѣгъ, весною же большая часть ихъ убѣгала; нѣкоторые изъ нихъ доходили до Россіи; ихъ никогда не выдавали, и они доживали тамъ свой вѣкъ.

Первое время наши прогулки съ Каташею ограничивались деревенскимъ кладбищемъ, и мы спрашивали другъ друга: „Здѣсь ли насъ похоронятъ"? Но эта мысль была до того безотрадна, что мы перестали ходить въ эту сторону. Лѣтомъ мы дѣлали отъ 10 до 15 верстъ пѣшкомъ. Нашимъ любимымъ препровожденіемъ времени было сидѣть на камнѣ противъ окна тюрьмы; я оттуда разговаривала съ мужемъ и довольно громко, такъ какъ разстояніе было значительное. Меня очень стѣсняло то, что я видѣла, какъ выходили изъ тюрьмы несчастные, отправлявшіеся за водой или за дровами; они были безъ рубашекъ или въ одномъ необходимомъ бѣльѣ. Я купила холста и заказала имъ бѣлье. Наши деньги были сданы начальнику заводовъ; Каташа и я, мы были обязаны отправляться по-очередно въ Большой заводъ для представленія отчета въ нашихъ ежедневныхъ расходахъ. Я ѣздила въ телѣгѣ со своимъ человѣкомъ, но прилично одѣтая и въ соломенной шляпѣ съ вуалью. Мы съ Каташей всегда одѣвались опрятно, такъ какъ не слѣдуетъ никогда ни падать духомъ ни распускаться, тѣмъ болѣе въ этомъ краѣ, гдѣ, благодаря нашей одеждѣ, насъ узнавали издали и подходили

къ намъ съ почтеніемъ. Я возвращалась съ купленной провизіей, иногда сидя на кулѣ муки; это не умаляло уваженія ко мнѣ, и народъ всегда мнѣ кланялся. Однажды, для разнообразія, я вздумала поѣхать туда верхомъ, взяла казачью лошадь, велѣла привязать къ сѣдлу еще рожокъ и поѣхала веселая, въ сопровожденіи своего человѣка, чтобъ представить Бурнашеву свои счеты. Онъ всегда прочитывалъ ихъ со вниманіемъ, а на этотъ разъ разсердился не на шутку и сказалъ мнѣ: „Вы не имѣете права раздавать рубашки; вы можете облегчать нищету раздавая по 5 или 10 копеекъ нищимъ, но не одѣвать людей, находящихся на иждивеніи правительства“. — Въ такомъ случаѣ, милостивый государь, прикажите сами ихъ одѣть, такъ какъ я не привыкла видѣть полуголыхъ людей на улицѣ“. — „Ну, не сердитесь, сударыня; впрочемъ, вы откровенны, какъ дитя, я это предпочитаю; а ваша подруга всегда хитритъ со мной“. Своимъ простымъ здравымъ смысломъ онъ понялъ это: у Каташи былъ очень тонкій умъ. Я положила конецъ разговору, сказавъ, что должна ѣхать, такъ какъ не хочу, будучи верхомъ, запаздывать въ горахъ. „Какъ вы верхомъ?“ И онъ пошелъ за мною. Онъ никогда не видалъ дамскаго сѣдла и выразилъ мнѣ свое удивленіе: тамошнія женщины ѣздили всегда верхомъ по-мужски.

Съ тѣхъ поръ я стала дѣлать большія прогулки; я доставляла себѣ удовольствіе въѣзжать въ Китай, отъ границы котораго мы находились, по прямому пути, только въ 12 верстахъ. Жители Благодатска отправлялись ежегодно, въ извѣстные дни, на границу для обмѣна своихъ скромныхъ произведеній на кирпичный чай и просо. Этотъ видъ контрабанды существовалъ долго и былъ подспорьемъ для бѣдныхъ людей, у которыхъ не было бы чѣмъ уплатить таможенныя пошлины.

Я только два раза въ недѣлю ходила на свиданіе съ мужемъ. Въ одинъ изъ промежутковъ времени между

этими свиданіями произошло событіе, очень насъ напугавшее и огорчившее. Господинъ Рикъ, горный офицеръ, которому былъ порученъ надзоръ за тюрьмою, придумалъ усугубить тяготы заключенныхъ: онъ потребовалъ, чтобы, тотчасъ по возвращеніи съ работъ, вмѣсто того, чтобы вымыться и обѣдать вмѣстѣ, они шли каждый въ свое отдѣленіе и тамъ ѣли, что будетъ подано. Кромѣ того, онъ изъ экономіи пересталъ имъ давать свѣчи. Оставаться же безъ свѣчи съ 3 часовъ пополудни до 7 часовъ утра зимой, въ какой-то клѣткѣ, гдѣ можно было задохнуться, было настоящею пыткою; при всемъ томъ, онъ запретилъ всякіе раговоры изъ одного отдѣленія въ другое. Зная, до какой степени тюремщики боятся, чтобы ввѣренные имъ арестанты не покушались на свою жизнь, наши сговорились не принимать никакой пищи, дабы напугать Рика. Цѣлый день они ничего не ѣли; обѣдъ и ужинъ они отослали нетронутыми; на второй день — та же самая исторія. Рикъ потерялъ голову, онъ немедленно послалъ докладъ о томъ, будто государственные преступники въ полномъ возмущеніи и хотятъ уморить себя голодомъ. Это было еще зимою, черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда. Я ничего не подозрѣвала, Каташа тоже. Велико было наше удивленіе, когда мы увидѣли, что пріѣхалъ Бурнашевъ со своей свитою. Они остановились въ избѣ, рядомъ съ нашею; вокругъ собрались мѣстные жители. Я спросила у одной изъ женщинъ, что все это значило; она мнѣ отвѣтила: „Секретныхъ судить будутъ". Я увидѣла мужа и Трубецкого, медленно подходившихъ подъ конвоемъ солдатъ. Каташа, легко терявшая голову, сказала мнѣ, что у Сергѣя руки связаны за спиной; этого не было: я знала его привычку такъ ходить. Затѣмъ я вижу, она подбѣгаетъ къ стоявшему тамъ солдату горнаго вѣдомства; она возвращается съ довольнымъ лицомъ и говоритъ мнѣ: „Мы можемъ быть спокойны, ничего не случилось, я сейчасъ спросила у

солдата, *приготовили ли розги*, онъ мнѣ сказалъ, что нѣтъ". — „Каташа, что вы сдѣлали! Мы и допускать не должны подобной мысли". Мой мужъ приближался; я стала на колѣни на снѣгу, умоляя его не горячиться, онъ мнѣ это обѣщалъ. Бурнашевъ (какъ я узнала позже) принялъ строгій и крутой видъ, грозя имъ наказаніемъ кнутомъ въ случаѣ возмущенія, и, послѣ длинной рѣчи, позволилъ имъ объясниться. Сергѣй сказалъ ему, что никто и не думалъ о возмущеніи, но что господинъ Рикъ запиралъ ихъ, по возвращеніи съ работъ, въ отдѣленіяхъ безъ свѣта, не позволяя имъ обѣдать вмѣстѣ; отдѣленія же эти были низки и темны, въ нихъ нельзя было даже выпрямиться. Я увидѣла мужа, шедшаго обратно; онъ спокойно сказалъ мнѣ: „Все вздоръ", и разсѣялъ мою тревогу, увѣряя, что все обойдется благополучно. Затѣмъ привели остальныхъ; имъ было легко отвѣчать, такъ какъ Сергѣй предупредилъ о вопросахъ, которые имъ будутъ поставлены. Когда всѣхъ увели, мы съ Каташею вошли къ Бурнашеву, котораго я прямо спросила о причинѣ всего происшедшаго. Онъ мнѣ отвѣчалъ: „Ничего, ничего, мой офицеръ сдѣлалъ изъ мухи слона". Все же было замѣтно, что онъ раздѣлялъ боязнь Рика, такъ какъ приказалъ немедленно отпереть отдѣленія, дозволилъ нашимъ проводить время въ тюрьмѣ, какъ они желаютъ, и разрѣшилъ выдавать имъ вечеромъ свѣчи. Вскорѣ послѣ этого Рикъ былъ уволенъ и замѣненъ господиномъ Резановымъ, честнымъ и достойнымъ человѣкомъ, въ преклонныхъ уже лѣтахъ. Онъ приходилъ въ тюрьму играть въ шахматы и водилъ нашихъ на прогулку, когда наступила теплая погода; прогулки эти длились по нѣскольку часовъ; при этомъ братья Борисовы, страстные естествоиспытатели, собирали травы и составили коллекцію насѣкомыхъ и бабочекъ.

Кромѣ нашей тюрьмы была еще другая, въ которой содержались бѣгавшіе нѣсколько разъ и совершавшіе

грабежи. Ихъ кандалы были гораздо тяжелѣе и работы труднѣе. Между ними находился извѣстный разбойникъ Орловъ, герой своего рода. Онъ никогда не нападалъ на бѣдныхъ, а только на купцовъ и, въ особенности, на чиновниковъ; онъ даже доставилъ себѣ удовольствіе нѣкоторыхъ изъ нихъ высѣчь. У этого Орлова былъ чудный голосъ, онъ составилъ хоръ изъ своихъ товарищей по тюрьмѣ, и, при заходѣ солнца, я слушала, какъ они пѣли съ удивительной стройностью и выраженіемъ; одну пѣснь, полную глубокой грусти, они особенно часто повторяли: „Воля, воля дорогая". Пѣніе было ихъ единственнымъ развлеченіемъ; скученные въ тѣсной, темной тюрьмѣ, они выходили изъ нея только на работы. Я имъ помогала, насколько позволяли мои средства и поощряла ихъ пѣніе, садясь у ихъ грустнаго жилища. Однажды я вдругъ узнала, что Орловъ бѣжалъ. Всѣ поиски за нимъ остались тщетны. Гуляя какъ-то въ направленіи нашей тюрьмы, я увидѣла слѣдовавшаго за мной каторжника; это былъ когда-то бравый гусаръ; онъ мнѣ сказалъ вполголоса: „княгиня, Орловъ меня посылаетъ къ вамъ, онъ скрывается на этихъ горахъ, въ скалахъ надъ вашимъ домомъ; онъ уже давно тамъ и проситъ васъ прислать ему денегъ на шубу; ночи стали уже холодныя". Я очень испугалась этого сообщенія, а, между тѣмъ, какъ оставить несчастнаго безъ помощи? Я вернулась домой и взяла 10 рублей; я заранѣе сказала бывшему гусару, чтобы онъ за мной не слѣдовалъ, но замѣтилъ бы то мѣсто, гдѣ я во время прогулки нагнусь, чтобы положить деньги подъ камень. Онъ все исполнилъ, какъ я ему сказала, и тотчасъ же нашелъ ихъ. Прошло двѣ недѣли; я была одна въ своей комнатѣ; Каташа еще не возвращалась со свиданія съ мужемъ; я пѣла за фортопіано, было довольно темно; вдругъ кто-то вошелъ, очень высокаго роста, и сталъ на колѣни у порога. Я подошла — это былъ Орловъ „въ шубѣ" съ двумя

ножами за поясомъ. Онъ мнѣ сказалъ: „Я опять къ вамъ, дайте мнѣ что-нибудь, мнѣ нечѣмъ больше жить; Богъ вернетъ вамъ, ваше сіятельство!“ Я дала ему пять рублей, прося его скорѣе уйти. Каташа, по возвращеніи изъ тюрьмы, очень встревожилась отъ этого появленія, да и было отчего, какъ вы увидите. Я легла поздно, все думая объ этомъ разбойникѣ, котораго могли схватить, и тогда Бурнашевъ не преминулъ бы повторить свои обычныя слова: „Вы хотите поднять каторжниковъ“. Среди ночи я услыхала выстрѣлы. Бужу Каташу, и мы посылаемъ въ тюрьму за извѣстіями. Тамъ все спокойно; но вся деревня поднялась на ноги, и мнѣ говорятъ, что бѣглыхъ схватили на горѣ и всѣхъ арестовали, кромѣ Орлова, который бѣжалъ, вылѣзши сквозь трубу, или, вѣрнѣе, сквозь дымовое отверстіе. Несчастный, вмѣсто того, чтобы купить себѣ хлѣба, устроилъ попойку съ товарищами, празднуя ихъ побѣгъ. На другой день наказаніе плетьми съ цѣлью узнать, отъ кого получены деньги на покупку водки; никто меня не назвалъ: гусаръ предпочелъ обвинить себя въ кражѣ, чѣмъ выдать меня, какъ онъ мнѣ сказалъ впослѣдствіи. Сколько чувствъ благодарности и преданности въ этихъ людяхъ, которыхъ мнѣ представляли, какъ извергов!

Настал Великій постъ. Наши не могли добиться священника и, такъ какъ въ деревнѣ не было церкви, мы съ Каташей рѣшили поѣхать въ Большой заводъ, чтобы тамъ говѣть. Это заняло у насъ четыре дня. Мы грустно провели праздники: единственнымъ нашимъ развлеченіемъ было сидѣть на камнѣ противъ тюрьмы. Я также играла съ деревенскими дѣтьми, разсказывала имъ священную исторію; они меня слушали съ восторгомъ. Однажды утромъ открывается дверь, и къ намъ является чиновникъ, совершенно пьяный, который поздравляетъ насъ съ праздникомъ, и подходитъ христосоваться, по народному обычаю; я ему отвѣчала, что

въ Россіи это не принято, а, между тѣмъ, загородившись стуломъ и влача его за собой дошла до двери и открыла ее. Вошелъ мой человѣкъ; въ это время Каташа разговаривала съ этимъ господиномъ, который оказался почтмейстеромъ. Евфимъ сказалъ ему, что у начальника тюрьмы его ждетъ завтракъ; не видя ничего у насъ на столѣ, онъ ушелъ. На другой день Каташа отправилась въ Большой заводъ къ обѣднѣ и зашла къ купцу, у котораго намъ было приказано всегда останавливаться въ виду того, что онъ былъ доносчикомъ Бурнашева. У хозяйки было много гостей, приглашенныхъ къ обѣду; она пригласила Каташу къ столу; отказаться значило бы нанести смертельную обиду, такъ какъ гостепріимство было главнымъ качествомъ сибиряковъ. Каташа подчинилась и, чтобъ скрыть свое смущеніе, заговорила со своимъ сосѣдомъ, который оказался никѣмъ инымъ, какъ нашимъ почтмейстеромъ. Она ему говоритъ: „Мы старые знакомые, не правда ли?“ — „Нисколько, потому что я былъ у васъ въ пьяномъ видѣ“. Каташа, совсѣмъ смущенная, разговаривала послѣ этого только съ хозяйкой дома и тотчасъ послѣ обѣда уѣхала.

Было запрещено *(въ Большомъ Заводѣ)* не только съ нами видѣться, но и здороваться съ нами; всѣ, кого мы встрѣчали, сворачивали въ другую улицу или отворачивались. Наши письма вручались открытыми Бурнашеву, отсылались имъ въ канцелярію коменданта, затѣмъ шли въ канцелярію гражданскаго губернатора въ Иркутскѣ, и, наконецъ, въ Петербургъ въ III Отдѣленіе Канцеляріи Его Величества, такъ что они шли безконечно долгое время, пока доходили до нашихъ родственниковъ.

Ко всѣмъ страданіямъ, которыя испытывались нашими заключенными, прибавилось еще новое: на нихъ напали клопы и въ такомъ количествѣ, что Трубецкой натиралъ себя скипидаромъ, и то не помогало. Реза-

новъ позволилъ имъ ночевать на чердакѣ, что на нѣсколько часовъ избавляло ихъ отъ клоповъ. Когда я возвращалась изъ тюрьмы, я вытрясала свое платье, такъ ихъ на мнѣ было много. Для нашихъ это было почти равносильно наказанiю, налагаемому въ Персiи на преступниковъ, которыхъ отдаютъ на съѣденiе насѣкомымъ.

Мы получили, наконецъ, извѣстiя отъ Александрины Муравьевой, которая находилась въ Читинскомъ острогѣ, иначе сказать, въ Читѣ — большой деревнѣ, гдѣ находились уже ея мужъ и нѣсколько другихъ заключенныхъ, привезенныхъ, по обыкновенiю, въ почтовой телѣгѣ, подъ конвоемъ жандармовъ при фельдъегерѣ. Александрина сообщала намъ о прибытiи коменданта Лепарскаго съ его свитой и о томъ, что насъ всѣхъ переведутъ въ Читу. Для насъ была большою радостью мысль, что насъ соединятъ съ другими и что мы не будемъ больше подъ начальствомъ чиновниковъ горнаго вѣдомства. Мы уже укладывались, когда Бурнашевъ велѣлъ о себѣ доложить; онъ вошелъ со своей свитой, все время стоявшей на ногахъ, и спросилъ меня, начала ли я готовиться къ отъѣзду. Я ему отвѣчала съ довольнымъ видомъ, что мы уже собрались. „Ну, такъ не спѣшите, вы еще не такъ скоро уѣдете, дороги ненадежны; каторжники, шедшiе изъ Россiи, взбунтовались и занялись грабежомъ“. Дѣло было отчасти справедливо: бунтъ произошелъ вслѣдствiе того, что эти бѣдные люди были лишены всего необходимаго. Бурнашевъ боялся вовсе не за насъ, а за самого себя, вообразивъ, что наши могутъ присоединиться къ этимъ преступникамъ. Наконецъ, черезъ двѣ недѣли, мы получили разрѣшенiе ѣхать.

Мы купили двѣ телѣги, одну для себя, другую подъ вещи, и поѣхали. Я съ удовольствiемъ возвращалась по этой дорогѣ, окаймленной теперь красивымъ лѣсомъ и чудными цвѣтами. Я опять остановилась у того бо-

гатаго купца, который такъ хорошо меня принялъ. Наконецъ, мы пріѣхали въ Читу уставшія, разбитыя и остановились у Александрины Муравьевой. Нарышкина и Ентальцева недавно прибыли изъ Россіи. Мнѣ сейчасъ же показали тюрьму или острогъ, уже наполненныя заключенными: тюрьмъ было три, въ родѣ казармъ, окруженныхъ частоколами, высокими, какъ мачты. Одна тюрьма была довольно большая, другія — очень маленькія. Александрина жила противъ одной изъ послѣднихъ, въ домѣ казака, который устроилъ большое окно изъ находившагося на чердакѣ слухового отверстія. Александрина повела меня туда и показывала заключенныхъ, называла ихъ мнѣ по именамъ по мѣрѣ того, какъ они выходили въ свой огородъ. Они ходили, кто съ трубкой, кто съ заступомъ, кто съ книгой. Я никого изъ нихъ не знала; они казались спокойными, даже веселыми и были очень опрятно одѣты. Въ числѣ ихъ были совсѣмъ молодые люди, выглядѣвшіе 18—19-лѣтними, какъ, напримѣръ, Фроловъ и братья Бѣляевы.

Наши ходили на работу, но такъ какъ въ окрестностяхъ не было никакихъ рудниковъ, — такъ правительство плохо знало топографію государства, предполагая, что они есть во всей Сибири, — то комендантъ придумалъ для нихъ другія работы: онъ заставлялъ ихъ чистить казенные хлѣвы и конюшни, давно заброшенные, какъ конюшни Авгіевы миѳологическихъ временъ. Такъ было еще зимой, задолго до нашего пріѣзда, а когда настало лѣто, они должны были мести улицы. Мой мужъ пріѣхалъ двумя днями позже насъ со своими товарищами и съ неизбѣжными ихъ спутниками. Когда улицы были приведены въ порядокъ, комендантъ придумалъ для работъ ручныя мельницы; заключенные должны были смолоть опредѣленное количество муки въ день; эта работа, налагаемая, какъ наказаніе, въ монастыряхъ, вполнѣ отвѣчала монастырскому образу ихъ жизни. Такъ провела большая часть ихъ 15 лѣтъ своей

юности въ заточенiи, тогда какъ приговоръ установлялъ ссылку и каторжныя работы, а никакъ не тюремное заточенiе.

Мнѣ нужно было искать себѣ помѣщенiе. Нарышкина уже жила съ Александриною. Я пригласила къ себѣ Ентальцеву и, втроемъ съ Каташею, мы заняли одну комнату въ домѣ дьякона; она была раздѣлена перегородкой, и Ентальцева взяла меньшую половину для себя одной. Этой прекрасной женщинѣ минуло уже 44 года; она была умна, прочла все, что было написано на русскомъ языкѣ, и ея разговоръ былъ прiятенъ. Она была предана душой и сердцемъ своему угрюмому мужу, бывшему полковнику артиллерiи. Каташа была нетребовательна и всѣмъ довольствовалась, хотя выросла въ Петербургѣ, въ великолѣпномъ домѣ Лаваля, гдѣ ходила по мраморнымъ плитамъ, принадлежавшимъ Нерону и прiобрѣтеннымъ ея матерью въ Римѣ, — но она любила свѣтскiе разговоры, была тонкаго и остраго ума, имѣла характеръ мягкiй и прiятный.

Заговоривъ о своихъ подругахъ, я должна вамъ сказать, что къ Александринѣ Муравьевой я была привязана больше всѣхъ; у нея было горячее сердце, благородство проявлялось въ каждомъ ея поступкѣ; восторгаясь мужемъ, она его боготворила и хотѣла, чтобы и мы къ нему относились также. Никита Муравьевъ былъ человѣкъ холодный, серiозный — человѣкъ кабинетный и никакъ не живого дѣла; вполнѣ уважая его, мы, однакоже, не раздѣляли ея восторженности. Нарышкина, маленькая, очень полная, нѣсколько аффектированная, но, въ сущности вполнѣ достойная женщина; надо было привыкнуть къ ея гордому виду, и тогда нельзя было ее не полюбить. Фонвизина прiѣхала вскорѣ послѣ того, какъ мы устроились; у нея было совершенно русское лицо, бѣлое, свѣжее, съ выпуклыми голубыми глазами; она была маленькая, полненькая, при этомъ — очень болѣзненная; ея безсонницы сопровождались видѣнiями;

она кричала по ночамъ такъ, что слышно было на улицѣ. Все это у нея прошло, когда она переѣхала на поселеніе, но у нея осталась манія, уставивъ на васъ глаза, предсказывать вамъ вашу будущность, однако, и эта странность у нея потомъ прошла. По возвращеніи въ Россію, она лишалась мужа и 53 лѣтъ отъ роду вышла вторично замужъ за Пущина, крестнаго отца моего сына. Анненкова пріѣхала къ намъ, нося еще имя M-lle Поль (Гебль). Это была молодая француженка, красивая, лѣтъ 30; она кипѣла жизнью и веселіемъ и умѣла удивительно выискивать смѣшныя стороны въ другихъ. По ея пріѣздѣ комендантъ тотчасъ объявилъ ей, что уже получилъ повелѣніе Его Величества относительно ея свадьбы. Съ Анненкова, какъ того требуетъ законъ, сняли кандалы, когда повели въ церковь и, по возвращеніи, ихъ опять на него надѣли. Дамы проводили M-lle Поль въ церковь; она не понимала по-русски и все время пересмѣивалась съ шаферами — Свистуновымъ и Александромъ Муравьевымъ. Подъ этой кажущейся безпечностью скрывалось глубокое чувство любви къ Анненкову, заставившее ее отказаться отъ своей родины и отъ независимой жизни. Когда она подавала просьбу Его Величеству о разрѣшеніи ей ѣхать въ Сибирь, онъ былъ на крыльцѣ; садясь въ коляску, онъ спросилъ ее: „Вы замужемъ“? — „Нѣтъ, Государь, но я хочу раздѣлить участь сосланнаго“. Она осталась преданной женой и нѣжной матерью; она работала съ утра до вечера, сохраняя при этомъ изящество въ одеждѣ и свой обычный говоръ. На слѣдующій годъ къ намъ пріѣхала Давыдова. Она привезла мою дѣвушку Машу, которая умоляла моихъ родителей позволить ей ѣхать ко мнѣ. Позже прибыли къ намъ еще три дамы (всего десять).

Письма изъ Россіи приходили къ намъ болѣе аккуратно, а ровно и посылки. Я получила „обозъ“ съ провизіей: сахаръ, вино, прованское масло, рисъ и даже

портеръ; это единственный разъ, что я имѣла это удовольствіе позже я узнала причину невниманія этого рода: мои родные уѣхали за границу. Между тѣмъ, Александрина, Каташа и Нарышкина получали ежегодно все необходимое, такъ что всегда имѣлись вино и крупа для больныхъ. Скоро намъ разрѣшили свиданіе на дому, и какъ разъ въ это время я получила свою провизію; все было распредѣлено между товарищами. Затрудненіе состояло въ передачѣ вина, строго запрещавшагося въ тюрьмѣ. Во время свиданія Сергѣй клалъ по двѣ бутылки въ карманы и уносилъ съ собою; такъ какъ у меня ихъ было всего пятьдесятъ, то перенесены онѣ были скоро.

Въ Читѣ наша жизнь стала сноснѣе; дамы видѣлись между собою во время прогулокъ въ окрестностяхъ деревни; мужчины вновь сошлись со своими старыми друзьями. Въ тюрьмѣ все было общее — вещи, книги; но было очень тѣсно: между постелями было не болѣе аршина разстоянія; звонъ цѣпей, шумъ разговоровъ и пѣсенъ были нестерпимы для тѣхъ, у которыхъ здоровье начинало слабѣть. Тюрьма была темная, съ окнами подъ потолкомъ, какъ въ конюшнѣ. Лѣтомъ заключенные проводили время на воздухѣ; каждый изъ нихъ имѣлъ на большомъ дворѣ клочокъ земли, который и обрабатывалъ; но зимою было невыносимо. Въ Читѣ ихъ было 73 человѣка.

Такъ какъ свиданія допускались лишь два раза въ недѣлю, то мы ходили къ тюремной оградѣ — высокому частоколу изъ толстыхъ, плохо соединенныхъ бревенъ; такимъ способомъ мы видались и разговаривали другъ съ другомъ. Первое время это дѣлалось подъ страхомъ быть застигнутыми старымъ комендантомъ или его несносными адъютантами, бродившими кругомъ; мы давали на чай часовому, и онъ насъ предупреждалъ о ихъ приближеніи. Однажды одинъ изъ солдатъ горнаго вѣдомства счелъ своимъ долгомъ раскричаться на насъ

и, не довольствуясь этимъ, ударилъ Каташу кулакомъ. Видя это, я побѣжала къ господину Смольянинову, начальнику на деревнѣ, который пригрозилъ солдату наказаніемъ, и тотчасъ же написала очень сильное письмо коменданту; онъ обидѣлся и надулся на меня, но съ тѣхъ поръ мы могли, сколько хотѣли, оставаться у ограды. Каташа тамъ устраивала пріемъ, приносила отъ себя складной стулъ, такъ какъ была очень полна, и садилась; внутри тюремнаго двора собирался кружокъ, и каждый ждалъ своей очереди для бесѣды. Наше спокойствіе было нарушено появленіемъ фельдъегеря, который пріѣхалъ, чтобы увезти одного изъ арестантовъ въ Петербургъ для новаго допроса. Намъ необходимо было узнать, кого именно это касалось: каждая изъ насъ боялась за своего мужа. Я пошла гулять по направленію къ комендантскому дому и встрѣтила фельдъегеря, который узналъ меня,—онъ меня видѣлъ у князя Петра Волконскаго,—поклонился мнѣ и сказалъ, проходя мимо, что долженъ увезти одного изъ заключенныхъ, но имени его не знаетъ. Тогда я его попросила притти на другой день, въ воскресенье, въ церковь и сказать мнѣ. Я встала рано утромъ, пошла въ церковь и отъ всего сердца молила милосерднаго Господа, чтобы не увозили моего мужа. Слышу шпоры фельдъегеря: онъ становится за мной и, кладя земной поклонъ говоритъ мнѣ: „Это Корниловичъ“. Я благодарила Бога и осталась до конца обѣдни, несмотря на нетерпѣніе пойти успокоить мужа, но адъютанты и доносчики коменданта были тутъ и не спускали съ насъ глазъ. Какъ только я отъ нихъ освободилась, я пустилась бѣжать, чтобы повѣстить объ этомъ въ трехъ тюрьмахъ и нашихъ дамъ. Это происходило среди зимы, было 40° мороза. Что за ужасный холодъ, и сколько онъ унесъ у меня здоровья!

Все же мы не вполнѣ вѣрили словомъ фельдъегеря, который мнѣ также сказалъ, что уѣзжаетъ въ ту же

ночь. Мы рѣшили не ложиться и распредѣлили между собой для наблюденія всѣ улицы деревни; я выбрала улицу коменданта, такъ какъ острогъ, въ которомъ находился мужъ, былъ недалеко отъ его дома. Холодъ стоялъ жестокій; отъ времени до времени я заходила къ Александринѣ, чтобы проглотить чашку чая; она была въ центрѣ нашихъ дѣйствій и противъ тюрьмы своего мужа; у нея все время кипѣлъ самоваръ, чтобы мы могли согрѣваться. Полночь, часъ ночи, два часа— ничего новаго. Наконецъ, Каташа является и говоритъ намъ, что на почтовой станціи движеніе, и выводятъ лошадей изъ конюшни. Я бѣгу къ тюрьмѣ мужа, въ которой сидѣлъ и Корниловичъ, и вижу какъ приближаются офицеры и казаки, которые даютъ ему приказаніе укладываться для отправленія въ Петербургъ. Я возвращаюсь къ Александринѣ, и мы всѣ становимся за заборомъ. Была чудная лунная ночь; мы стоимъ молча, въ ожиданіи событія. Наконецъ, мы видимъ приближающуюся шагомъ кибитку; подвязанные колокольчики не звенятъ; офицеры штаба коменданта идутъ за кибиткой; какъ только они съ нами поровнялись, мы разомъ вышли впередъ и закричали: „Счастливаго пути, Корниловичъ, да сохранитъ васъ Богъ“! Это было театральной неожиданностью; конвоировавшіе высылаемаго не могли притти въ себя отъ удивленія, не понимая, какъ мы могли узнать объ этомъ отъѣздѣ, который ими держался въ величайшей тайнѣ. Старикъ комендантъ долго надъ этимъ раздумывалъ.

Корниловичъ не вернулся. Пройдя черезъ ненужный допросъ, онъ былъ заключенъ въ одну изъ крѣпостей Финляндіи, гдѣ и умеръ нѣсколько лѣтъ спустя. Это былъ человѣкъ твердаго характера, и уже, конечно, не путемъ всевозможныхъ униженій и нравственныхъ страданій можно было надѣяться получить отъ него точныя свѣдѣнія о дѣлѣ, приводившемъ въ ужасъ императора Николая до конца его дней.

Одинъ за другимъ пріѣзжали и остальные изгнанники и размѣщались по тюрьмамъ. Привезли и двухъ поляковъ, изъ которыхъ одинъ, Рукевичъ, насъ забавлялъ своими сарматскими выходками. Едва онъ успѣлъ войти въ острогъ, противъ дома Александрины, какъ сталъ у ограды и съ сентиментальнымъ видомъ и съ сильнымъ польскимъ акцентомъ запѣлъ старый французскій романсъ: „Въ стѣнахъ мрачной башни младой король тоскуетъ". Онъ не былъ ни молодъ, ни красивъ, ни привлекателенъ; эта претензія на французскій романсъ, при незнаніи языка, насъ очень забавила. Нѣкоторые изъ заключенныхъ, которымъ пришелъ срокъ, были отправлены на поселеніе, то-есть освобождены отъ работъ и разселены по всей Сибири: Лихаревъ, графъ Чернышевъ (братъ Александрины), Лисовскій, Кривцовъ и другіе. Я должна была разстаться съ бѣдной Ентальцевой, которая уѣхала въ Березовъ, маленькій и самый сѣверный городъ Тобольской губерніи. Прощаніе Александрины съ братомъ было раздирающее; они больше не свидѣлись. Годъ или два спустя, Чернышевъ былъ переведенъ солдатомъ на Кавказъ. Мы занимались одеждою уѣзжающихъ; безъ насъ некому было снабдить ихъ бѣльемъ и платьемъ. Комендантъ далъ имъ разрѣшеніе проститься съ дамами.

1 августа 1829 г. пришла великая новость: фельдъегерь привезъ повелѣніе снять съ заключенныхъ кандалы. Мы такъ привыкли къ звуку цѣпей, что я даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ прислушивалась къ нему: онъ меня увѣдомлялъ о приближеніи Сергѣя при нашихъ встрѣчахъ.

Первое время нашего изгнанія я думала, что оно, навѣрное, кончится чрезъ пять лѣтъ, затѣмъ я себѣ говорила, что это будетъ чрезъ 10, потомъ чрезъ 15 лѣтъ, но послѣ 25 лѣтъ я перестала ждать. Я просила у Бога только одного: чтобъ онъ вывелъ изъ Сибири моихъ дѣтей.

Въ Читѣ я получила извѣстіе о смерти моего бѣднаго Николая, моего первенца, оставленнаго мною въ Петербургѣ. Пушкинъ прислалъ мнѣ эпитафію на него.

Чрезъ годъ я узнала о смерти моего отца. Я такъ мало этого ожидала, потрясеніе было до того сильно, что мнѣ показалось, что небо на меня обрушилось; я заболѣла; комендантъ разрѣшилъ Вольфу, доктору и товарищу моего мужа, навѣщать меня подъ конвоемъ солдатъ и офицера.

Въ это время прошелъ слухъ, что комендантъ строитъ въ 600 верстахъ отъ насъ громадную тюрьму съ отдѣленіями безъ оконъ; это насъ очень огорчило. Я забыла сказать вамъ, что насъ встревожило еще болѣе; за годъ передъ тѣмъ черезъ Читу прошли каторжники; съ ними было трое нашихъ ссыльныхъ: Сухининъ, баронъ Соловьевъ и Мозгалевскій. Всѣ трое принадлежали къ Черниговскому полку и были товарищами покойнаго Сергѣя Муравьева; они прошли пѣшкомъ весь путь до Сибири вмѣстѣ съ обыкновенными преступниками. Они насъ извѣстили о своемъ прибытіи; мужъ велѣлъ мнѣ къ нимъ пойти, оказать имъ помощь, постараться успокоить Сухинина, который былъ очень возбужденъ, и внушить ему терпѣніе.

Острогъ, гдѣ останавливались каторжные, находился за деревней, въ трехъ верстахъ отъ моего помѣщенія. Я разбудила Каташу и Ентальцеву на зарѣ, и мы отправились, конечно, пѣшкомъ, въ страшный холодъ; сдѣлавъ большой крюкъ, чтобы избѣжать часовыхъ, мы дошли до острога. Когда мы приблизились къ оградѣ, эти господа уже стояли тамъ и насъ ожидали; было довольно темно. Сухининъ былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи, что и слушать насъ не хотѣлъ; онъ говорилъ только о томъ, что надо поднять каторжныхъ въ Нерчинскѣ, вернуться въ Читу и освободить государственныхъ преступниковъ. Соловьевъ, очень спокойнаго характера, очень терпѣливый, сказалъ мнѣ, что это лишь временное возбужденіе, что онъ успокоится. Наконецъ,

я ушла, грустная и встревоженная. Къ несчастію, мои опасенія сбылись. Сухининъ, какъ только прибылъ въ Нерчинскій заводъ, сталъ остерегаться своихъ товарищей, отстранился отъ нихъ и отдался въ руки мѣстныхъ каторжниковъ; они вооружились чѣмъ попало и, въ числѣ 200 человѣкъ, отступили къ китайской границѣ: и тутъ плохой расчетъ, такъ какъ китайцы всегда выдаютъ русскому правительству бѣглецовъ, которые имъ себя ввѣряютъ; но наши несчастные безумцы не подверглись и этому: они всѣ были перехвачены казаками, охраняющими границу, и заперты. Отправленъ былъ курьеръ къ Его Величеству, привезшій повелѣніе судить ихъ въ 24 часа и разстрѣлять наиболѣе виновныхъ. Нашъ комендантъ отправился въ рудники и исполнилъ въ точности, что ему было повелѣно. Сухининъ узналъ о приговорѣ надъ нимъ наканунѣ дня, назначеннаго для его казни, и когда вошли въ его тюрьму, то нашли его мертвымъ: онъ повѣсился на балкѣ, подпиравшей потолокъ, и ремень, которымъ поддерживались его кандалы, послужилъ ему веревкою. Всѣ остальные, приговоренные, были выведены за деревню и, въ числѣ 20 человѣкъ преданы смерти, но какимъ образомъ! Солдатамъ скомандовали стрѣлять, но ихъ ружья были стары и заржавлены, а сами они, не умѣя цѣлиться, давали промахи или попадали то въ руку, то въ ногу; словомъ — это было настоящее истязаніе. На другой день комендантъ велѣлъ похоронить умершихъ, и, когда всѣ удалились, онъ преклонился передъ каждой могилой, прося прощенія. Мы узнали всѣ эти подробности отъ Соловьева и Мозгалевскаго, которыхъ къ намъ перевели. Это навело на насъ глубокую тоску; комендантъ вернулся мрачный и безпокойный: онъ видѣлъ передъ собой только побѣги да пожары и спѣшилъ окончаніемъ постройки Петровской тюрьмы.

Александрина, получавшая тайкомъ много денегъ отъ своей свекрови, то черезъ посылаемаго къ ней слугу,

то другимъ какимъ-либо путемъ, выстроила себѣ домъ вблизи этой тюрьмы; постройка эта, при помощи богатаго подарка, была произведена тѣмъ же инженеромъ, который строилъ и самую тюрьму. Такъ какъ намъ съ Каташей едва хватало средствъ на жизнь, то мы и не помышляли о домѣ; въ такомъ же положеніи находились и другія дамы.

Петровская тюрьма была устроена: комендантъ приказалъ заключеннымъ готовиться къ отъѣзду. Это перемѣщеніе совершилось пѣшкомъ въ августѣ мѣсяцѣ; дѣлали по 30 верстъ въ день и на другой день отдыхали то въ деревнѣ, то у бурятъ, въ юртахъ. Александрина и двѣ другія дамы уѣхали впередъ. Нарышкина, Фонвизина и я ѣхали слѣдомъ въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія. Въ 6 верстахъ отъ города Верхнеудинска сдѣлали привалъ. Вблизи этого города, баронесса Розенъ встрѣтила своего мужа. Это была отличная женщина, нѣсколько методичная. Она осталась съ нами въ Петровскѣ всего годъ и уѣхала съ мужемъ на поселеніе въ Тобольскую губернію. Въ это же время прибыла и Юшневская. Уже пожилая, она ѣхала отъ Москвы цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ, повсюду останавливаясь, находя знакомыхъ въ каждомъ городѣ; въ ея честь давались вечера, устраивались катанья на лодкахъ; наконецъ, повеселившись въ дорогѣ и узнавъ, что баронесса Розенъ уже въ Верхнеудинскѣ, она наняла почтовую телѣгу, какъ молнія, пролетѣла вдоль нашего каравана и остановилась у крестьянской избы, въ которой ждалъ ее мужъ. Ей было 44 года; совсѣмъ сѣдая, она сохранила веселость своей первой молодости.

Мы вновь пустились въ дорогу. На послѣдней станціи, не доѣзжая Петровска, мы застали коменданта; онъ передалъ намъ письма изъ Россіи и газеты. Здѣсь мы узнали объ іюльской революціи. Всю ночь то и дѣло раздавались среди нашихъ пѣсни и крики ура; часовые были въ недоумѣніи — какъ могли они забавляться

пѣніемъ, приближаясь къ каземату. Дѣло въ томъ, что эти люди ничего не понимали въ политикѣ.

Подъѣзжая къ Петровску, я увидѣла громадную тюрьму, въ формѣ подковы, подъ красною крышею. Она казалась мрачною: ни одного окна не выходило наружу; насъ значитъ не обманули, сказавъ, что тюрьма была безъ оконъ. Я забыла вамъ передать, что изъ Читы всѣ дамы писали Бенкендорфу (шефу жандармовъ), прося разрѣшенія жить въ тюрьмѣ; намъ это было дозволено. Такъ какъ домъ Александрины былъ готовъ, то она поселилась въ немъ внѣ каземата, но всѣ остальныя дамы провели нѣсколько дней въ номерахъ своихъ мужей. Я купила крестьянскую избушку для моей дѣвушки и для человѣка; я ходила туда переодѣваться и брать ванну, и доставляла себѣ *удовольствіе* проводить ночь за тюремными затворами. Увѣряю васъ, что слышать шумъ замковъ было очень страшно. Только годъ спустя, семейнымъ сосланнымъ было разрѣшено жить внѣ тюрьмы. Самое нетерпимое въ казематѣ было отсутствіе оконъ. У насъ весь день горѣлъ огонь, что утомляло зрѣніе. Каждая изъ насъ устроила свою *тюрьму*, по-возможности, лучше; въ нашемъ номерѣ я обтянула стѣны шелковой матеріей (мои бывшія занавѣски, присланныя изъ Петербурга). У меня было піанино, шкапъ съ книгами, два диванчика, словомъ было почти что нарядно. Мы всѣ написали графу Бенкендорфу, прося его разрѣшенія сдѣлать въ казематѣ окна; разрѣшеніе было дано, но нашъ старый комендантъ, болѣе трусливый, чѣмъ когда-либо, придумалъ пробить ихъ высоко, подъ самымъ потолкомъ. Мы жили уже въ своихъ домахъ, когда получилось это разрѣшеніе. Наши заключенные устроили подмостки къ окнамъ, чтобы имѣть возможность читать.

Нашъ дамскій кружокъ увеличился съ пріѣздомъ Камиллы Ледантю, помолвленной за Ивашева; она была дочь гувернантки, жившей въ ихъ домѣ; женихъ зналъ

ее еще въ отроческомъ возрастѣ. Это было прелестное созданіе во всѣхъ отношеніяхъ, и жениться на ней было большимъ счастіемъ для Ивашева. Свадьба состоялась при менѣе мрачныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ свадьба Анненкова: не было больше кандаловъ на ногахъ, женихъ вошелъ торжественно со своими шаферами (хотя и въ сопровожденіи солдатъ безъ оружія). Я была посаженой матерью молодой четы; всѣ наши дамы проводили ихъ въ церковь. Мы пили чай у молодыхъ и на другой день у нихъ обѣдали. Словомъ, мы начали мало-по-малу возвращаться къ обычному порядку жизни; на кухнѣ мы больше не работали, имѣя для этого наемныхъ людей, но солдатъ всегда былъ налицо и сопровождалъ повсюду заключеннаго, дабы тотъ не забывалъ своего положенія. Тоже было и со всѣми женатыми.

Въ этомъ 1832 году явился на свѣтъ мой обожаемый Миша, на радость и счастье родителей. Я была кормилицей, нянькой и частью учительницей, и, когда нѣсколько лѣтъ спустя, Богъ даровалъ мнѣ Нелли, мое счастье было полное. Я жила только для нихъ, я почти не ходила къ своимъ подругамъ. Моя любовь къ нимъ обоимъ была безумная и ежеминутная.

Шесть мѣсяцевъ послѣ рожденія Миши заболѣла Александрина Муравьева. Вольфъ не выходилъ изъ ея комнаты; онъ сдѣлалъ все, чтобы спасти ее, но Господь судилъ иначе. Ея послѣднія минуты были величественны: она продиктовала прощальныя письма къ роднымъ и, не желая будить свою четырехлѣтнюю дочь „Нонушку“, спросила ее куклу, которую и поцѣловала вмѣсто нея. Исполнивъ свой христіанскій долгъ, какъ святая, она занялась исключительно своимъ мужемъ, утѣшая и ободряя его. Она умерла на своемъ посту, и эта смерть повергла насъ въ глубокое уныніе и горе. Каждая себя спрашивала: „Что станется съ моими дѣтьми послѣ меня?“

Такъ начался въ Петровскѣ длинный рядъ годовъ безъ всякой перемѣны въ нашей участи. Тѣ изъ заклю-

ченныхъ, которымъ срокъ кончался, уѣзжали, унося съ собой сожалѣніе тѣхъ, которые оставались. Нѣкоторыя изъ дамъ также уѣхали — Фонвизина, Розенъ, Нарышкина и Ивашева. Послѣдняя тоже скончалась на поселеніи и еще очень молодая; мужъ скоро послѣдовалъ за нею, и ея мать, пріѣзжавшая къ нимъ для свиданія, увезла ихъ сиротъ въ Россію.

Заключенные, внѣ часовъ, назначенныхъ для казенныхъ работъ, проводили время въ научныхъ занятіяхъ, чтеніи, рисованіи. Н. Бестужевъ составилъ собраніе портретовъ своихъ товарищей; онъ занимался механикой, дѣлалъ часы и кольца; скоро каждая изъ насъ носила кольцо изъ желѣза мужниныхъ кандаловъ. Торсонъ дѣлалъ модели мельницъ и молотилокъ; другіе занимались столярнымъ мастерствомъ, посылали намъ рабочіе столики и чайные ящики. Князь Одоевскій занимался поэзіей; онъ писалъ прелестные стихи и, между прочимъ, написалъ и слѣдующіе въ воспоминаніе того, какъ мы приходили *къ оградѣ*, принося заключеннымъ письма и извѣстія:

Былъ край, слезамъ и скорби посвященный, —
Восточный край, гдѣ розовыхъ зарей
Лучъ радостный, на небѣ тамъ рожденный,
Не услаждалъ страдальческихъ очей,
Гдѣ душенъ былъ и воздухъ, вѣчно ясный,
И узникамъ кровъ свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ обширный и прекрасный
Мучительно на волю вызывалъ.
Вдругъ ангелы съ лазури низлетѣли
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя земныя пелены,
И вѣстники благіе Провидѣнья
Явилися, какъ дочери земли,
И узникамъ съ улыбкой утѣшенья
Любовь и миръ душевный принесли.
И каждый день садились у ограды,
И сквозь нея небесныя уста
По каплѣ имъ точили медъ отрады.

Съ тѣхъ поръ лились въ темницѣ дни, лѣта,
Въ затворникахъ печали всѣ уснули,
И лишь они страшились одного, —
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили бъ покрова своего

Бѣдный Одоевскій, по окончаніи срока каторжныхъ работъ, уѣхалъ на поселеніе близъ гор. Иркутска; затѣмъ его отецъ выхлопоталъ, въ виду милости, переводъ его солдатомъ на Кавказъ, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ въ экспедиціи противъ черкесовъ.

Казематъ понемногу пустѣлъ; заключенныхъ увозили по наступленіи срока каждаго, и разселяли по обширной Сибири. Эта жизнь безъ семьи, безъ друзей, безъ всякаго общества была тяжелѣе ихъ первоначальнаго заключенія.

Наконецъ, настала и наша очередь. Вольфъ, Никита и Александръ Муравьевы и мы выѣхали одни за другими, чтобы не оставаться безъ лошадей на станціяхъ. Мужъ заранѣе просилъ, чтобъ его поселили вмѣстѣ съ Вольфомъ, докторомъ и старымъ его товарищемъ по службѣ; я этимъ очень дорожила, желая воспользоваться совѣтами этого прекраснаго врача для своихъ дѣтей; о мѣстѣ же, куда насъ забросила судьба, мы нисколько не безпокоились. Господь былъ милостивъ къ намъ и дозволилъ, чтобы насъ поселили въ окрестностяхъ Иркутска, столицы Восточной Сибири, въ Урикѣ, селѣ довольно унылом̃ъ, но со сноснымъ климатомъ: мнѣ же все казалось хорошо, лишь бы имѣть для моихъ дѣтей медицинскую помощь на случай надобности.

Изъ „Записокъ“ княгини Волконской.

Екатерина Ивановна Трубецкая, урожденная графиня Лаваль.

Піонеркой безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ исторіи подвига — добровольнаго слѣдованія за своими мужьями на каторгу, въ рудники — была княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая, урожденная графиня Лаваль. Она, безповоротно рѣшивъ, въ лучшіе годы своей жизни, заживо похоронить себя въ пустынной и мрачной Сибири, перенести всѣ ужасы пожизненной ссылки — первая проложила дорогу, дорогу дальнюю, невѣдомую, по которой, съ большей вѣрою въ себя и съ меньшею боязнію, слѣдомъ за ней шли другія. Этотъ самоотверженный, полный обаянія подвигъ, служилъ безусловно ободряющимъ примѣромъ для другихъ женъ, не отличавшихся такимъ избыткомъ силъ.

Обстановка, среди которой росла Трубецкая, и среда, въ которой она вращалась на родинѣ и за границей, много способствовали ея развитію, расширенію ея кругозора и выработкѣ опредѣленнаго міровоззрѣнія. Онѣ помогли ей, и отъ природы богато одаренной, стать просвѣщенной и образованной женщиной. Этому развитію интеллектуальныхъ способностей гармонировало развитіе сердца, согрѣтаго теплотой, сердечностію и отзывчивостію, и твердаго необоримаго характера, всегда готоваго, во имя возвышенныхъ и благородныхъ идей, на самопожертвованіе.

Отецъ ея — эмигрантъ, занимавшій въ царствованіе Александра видный постъ, сначала какъ членъ главнаго правленія училищъ, потомъ дѣятель въ министерствѣ

иностранныхъ дѣлъ и какъ редакторъ „Journal S.-Petersbourg“.

Графъ Лаваль жилъ открыто, какъ именитый баринъ прошлыхъ временъ. Въ роскошномъ своемъ домѣ, на Англійской набережной, около Сената, онъ устраивалъ пышныя торжества для членовъ царской фамиліи; по средамъ двери его салона были открыты избранной публикѣ — представителямъ дипломатическаго корпуса и всему фешенебельному Петербургу. Сюда-то привлекало знать не только положеніе графа — вліятельнаго человѣка, но и личныя его свойства. Въ такой блестящей обстановкѣ Екатерина Ивановна провела свою молодость. Здѣсь-то, встрѣтившись съ С. П. Трубецкимъ, полюбила его всѣми силами своей души и вышла за него замужъ; но счастіе семейной жизни было очень кратковременнымъ — не болѣе полугода. 14-го октября разлучили ихъ: князь былъ арестованъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость.

Слабый лучъ надежды свидѣться съ своимъ мужемъ поддерживалъ силы обезумѣвшую отъ горя княгиню. Сначала она получила отказъ; но полугодичныя просьбы, моленія, хлопоты увѣнчались успѣхомъ и дали успокоеніе истерзанной страданіями женщинѣ. Они свидѣлись.

„Въ понедѣльникъ на Святой недѣлѣ“, пишетъ князь въ „Запискахъ“, „я имѣлъ неожиданное счастіе обнять мою жену. Не легко изобразить чувства наши при этомъ свиданіи. Казалось, всѣ несчастія были забыты; всѣ лишенія, всѣ страданія, всѣ безпокойства исчезли. Добрый вѣрный другъ мой — она ожидала съ твердостію всего худшаго для меня, но давно уже рѣшилась, если только я останусь живъ, раздѣлить участь мою съ ней, и не показала ни малѣйшей слабости. Она молилась, чтобы Богъ сохранилъ мою жизнь и далъ мнѣ силы перенести съ твердостію теперешнее и будущее положеніе мое. Наше свиданіе было подобно свиданію моему съ сестрой, въ присутствіи коменданта, который, какъ будто

Екатерина Ивановна Трубецкая.

для того, чтобы дать намъ болѣе свободы, притворился спящимъ въ своихъ креслахъ. До сихъ поръ я не имѣлъ никакой надежды увидать когда-нибудь жену мою; но это свиданіе заставило меня надѣяться, что мы опять будемъ когда-нибудь вмѣстѣ; и поэтому, можетъ быть, часъ разлуки не такъ показался мнѣ тягостнымъ, какъ должно было ожидать. Воспоминаніе о проведенныхъ вмѣстѣ часахъ сладостно занимало меня многія дни. Я благодарилъ Бога отъ глубины души за то, что Онъ милостію Своею такъ поддержалъ ее и въ чувствахъ внутреннихъ и въ наружномъ видѣ. Ничего отчаяннаго, убитаго не было ни на лицѣ ни въ одеждѣ; во всемъ соблюдено пристойное достоинство. Видъ ея и разговоръ съ нею укрѣпили во мнѣ упованіе въ Бога и я съ тѣхъ поръ покорился волѣ Провидѣнія, предавшись всѣми моими чувствами, съ полною искренностію, всему, что Ему угодно будетъ мнѣ послать въ будущности".

Какъ идеальная жена, для которой „милъ ея семейный кругъ", Трубецкая считала главнѣйшей задачей своей жизни заботиться о спокойствіи мужа, поддерживать его, ободрять въ трудахъ, на которыхъ лежитъ печать честности и мудрости, а при несчастіяхъ облегчать страданія. Какъ только она узнала, что ему пощажена жизнь, то сейчасъ же, презрѣвъ мечты молодости, блестящую карьеру, рѣшилась раздѣлить съ нимъ судьбу при всякой обстановкѣ. Поэтому никакая сила не только не могла удержать ее отъ немедленнаго слѣдованія за мужемъ, но даже сколько-нибудь охладить этого благороднаго рѣшенія. Начертанный въ ея сердцѣ девизъ: „все принести въ жертву мужу"— былъ непоколебимъ. Всѣ просьбы, мольбы матери и родныхъ остались тщетны. Она сама ѣздила къ Государю и вымолила себѣ позволеніе. Недолго до отъѣзда она вторично видѣлась съ мужемъ и на другой же день, послѣ его отправки, послѣдовала за нимъ въ сопровожденіи секретаря своего отца.

Объ этомъ второмъ свиданіи князь въ своихъ „Запискахъ" (Лейпцигъ, 1879, 78—9) пишетъ: „Въ пятницу, 12-го, я видѣлся съ женою у коменданта. Съ нею пріѣхала моя теща и оба мои братья. Этого свиданія описать нельзя. Жена впилась въ меня, братья бросились въ ноги и обнимали колѣна, и теперь при воспоминаніи ихъ любви, слеза навертывается на глаза. Теща была также очень нѣжна и много плакала. Я возвратился въ свою тюрьму въ большомъ волненіи; часть ночи не спалъ, писалъ письмо, которое хотѣлъ отдать женѣ при первомъ свиданіи, другую часть отъ блохъ".

Любимица своихъ родителей, воспитанная въ роскоши и нѣгѣ, Трубецкая въ 1826 г. оставляетъ свой родной кровъ, и во время своего далекаго пути испытываетъ мытарства. Въ Красноярскѣ заболѣваетъ ея провожатый, и она ѣдетъ одна, недалеко отъ города ломается ея экипажъ, и она продолжаетъ путь на перекладной почтовой телѣгѣ. Въ Иркутскѣ, куда она стремительно неслась, новое горе — мужъ уже въ Нерчинскѣ, въ 700 верстахъ отъ нея. Наконецъ, она въ Нерчинскѣ, но *здѣсь* выпали на долю Трубецкой самыя тяжкія испытанія: на ней былъ апробованъ тайный циркуляръ, предписывавшій всѣми мѣрами преграждать проникновеніе въ Сибирь женамъ декабристовъ. Губернаторъ Цейдлеръ въ точности исполнилъ предписаніе, всячески отклонялъ ее отъ поѣздки — сначала перспективою физическихъ страданій, лишеній, ужасной жизни среди 5000 каторжниковъ, что ей придется „переносить все, что такое состояніе можетъ имѣть тягостнаго, когда даже само начальство не въ состояніи будетъ защищать отъ ежечасныхъ, могущихъ быть оскорбленій, отъ людей самаго развратнаго и презрительнаго класса, которые найдутъ въ томъ какъ будто нѣкоторое право, несущаго равную съ ними участь, себѣ подобною. Оскорбленія могутъ быть насильственныя: „закоренѣлымъ злодѣямъ не страшно наказаніе". Княгиня Трубецкая непоколебима. На другой день — Цейдлеръ

грозилъ ей потерею политическихъ и имущественныхъ правъ. Онъ предлагаетъ ей подписать бумагу объ отреченіи отъ правъ на дворянство, имущество, отъ могущихъ правъ на наслѣдство. Трубецкая съ радостью исполняетъ это. Видя безуспѣшность своихъ убѣжденій, онъ, подъ предлогомъ болѣзни, не принимаетъ ее нѣсколько дней, въ надеждѣ, что она уразумѣетъ всю тяжесть своего положенія. При новой встрѣчѣ тѣ же просьбы съ ея стороны о немедленномъ отправленіи и новыя запугиванія со стороны губернатора: онъ разрѣшаетъ ей дальнѣйшее путешествіе, но по этапу вмѣстѣ съ каторжниками, связанной съ ними канатомъ. Трубецкая соглашается и на это. Видя, что никакія угрозы не возымѣли желаннаго дѣйствія, губернаторъ прибѣгаетъ къ другой тактикѣ: онъ проситъ, умоляетъ оставить свое намѣреніе, но безрезультатно.

Пораженный такимъ героизмомъ, Цейдлеръ, не смогши овладѣть собой, заплакалъ и сказалъ: „вы ѣдете.“ Прибывшій въ то время въ Нерчинскъ комендантъ Лепарскій — подъ вліяніемъ тоже высоты подвига, постарался безъ замедленія устроить отъѣздъ для нея и кн. Волконской, недавно туда пріѣхавшей, безъ дальнѣйшихъ затрудненій.

29 лѣтъ прожила Екатерина Ивановна въ рудникахъ. Игнорируя лично всѣ лишенія, она истощила всѣ сокровища своей души на поддержаніе въ мужѣ бодрости въ перенесеніи стрясшагося надъ нимъ злосчастія, на утѣшеніе и облегченіе его положенія.

Все время своего пребыванія она прожила съ кн. Волконской въ дружбѣ и единомысліи и реализаціи ихъ завѣтной мысли — ослаблять остріе постигшаго ихъ мужей удара.

Въ 1845 г. кн. Трубецкая переѣхала съ своимъ мужемъ въ село Оёкъ Иркутской губерніи. Съ разрѣшеніемъ государя дочери Трубецкихъ были помѣщены въ Иркутскій институтъ.

Но эта великая женщина не дождалась зари освобожденія, и не удалось ей еще разъ передъ смертію взглянуть на дорогую родину, на родныхъ и знакомыхъ. Освобожденіе было въ 1856 г., отецъ ея умеръ въ 1846 г., а сама она, измученная и совершенно сломленная долговременнымъ пребываніемъ въ Сибири и затратой всѣхъ своихъ силъ и своей нечеловѣческой энергіи, скончалась въ 1853 г. на рукахъ нѣжно любимаго мужа, всего лишь за три года до того великаго момента, когда царственное слово величайшаго изъ государей возвратило ея мужу и его товарищамъ полное прощеніе и совершенное забвеніе прошлаго, возвратило ихъ снова къ жизни, къ службѣ на пользу и славу для дорогой ихъ родины, когда ея собственный подвигъ и подвиги ея товарокъ были всенародно признаны и окружили этихъ великихъ женщинъ, заслуженнымъ ореоломъ святыхъ подвижницъ.

Щеглятьевъ.

Камилла Петровна Ивашева, урожденная Ледантю.

Въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія въ Симбирской губерніи, въ приволжскомъ селеніи Ундорахъ, жило семейство Ивашевыхъ, богатыхъ помѣщиковъ, проводившихъ зимній сезонъ въ Петербургѣ или Москвѣ. Семейство это состояло изъ генерала Петра Никифоровича, бывшаго адъютанта Суворова, его жены и пятерыхъ дѣтей. Люди состоятельные и развитые, Ивашевы заботились дать своимъ дѣтямъ основательное образованіе. Достойныя гувернантки наблюдали за воспитаніемъ дочерей, а гувернеру m-r Dinocourt былъ порученъ старшій сынъ Василій. Въ то время французскіе воспитатели были въ модѣ; революція 1789 и послѣдующихъ годовъ наводнила Россію толпою эмигрантовъ, изъ которыхъ многіе были очень хорошими педагогами. Къ числу послѣднихъ принадлежали и двѣ француженки, воспитывавшія дочерей генерала Ивашева, госпожа де-Санси (Sancy) и Ледантю (Ledantu). Это были женщины пожилыя, которыя настолько привязались къ своимъ воспитанницамъ, что сохранили съ ними дружескія отношенія и послѣ того, какъ разлучились съ ними по окончаніи ихъ воспитанія. Когда старшая дочь П. Н. Ивашева, Елисавета Петровна, вышла замужъ за симбирскаго помѣщика П. М. Языкова, брата поэта, сдѣлавшагося, въ свою очередь, извѣстнымъ своими геологическими работами, то ея бывшая гувернантка, г-жа Ледантю,

продолжала бывать у нея съ своими дочерьми, изъ числа которыхъ три были еще подростками, а старшая Сидонія Петровна, вышла, въ концѣ 20-хъ годовъ, замужъ за тульскаго помѣщика Григоровича и сдѣлалась матерью извѣстнаго русскаго писателя Дмитрія Васильевича.

Василій Петровичъ Ивашевъ недолго оставался подъ ферулой французскаго гувернера; 14 лѣтъ отъ роду онъ былъ отданъ въ пажескій корпусъ, изъ котораго вышелъ офицеромъ въ кавалергардскій полкъ. Его качества, образованность и способности привлекли къ нему вниманіе начальства, и онъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ былъ назначенъ состоять при графѣ Витгенштейнѣ въ качествѣ адъютанта главнокомандующаго 2-й арміей. Вторая армія была тогда наполнена цвѣтомъ русской молодежи. Въ ней служили многіе офицеры Семеновскаго полка, переведенные изъ гвардіи за исторію 1820 года, какъ, напр., Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ; въ ней находились при разныхъ штатныхъ должностяхъ многіе гвардейцы, какъ, напр., князь Александръ Барятинскій, Николай Васильевичъ Басаргинъ, Александръ Крюковъ, А. Корниловичъ, Ѳедоръ Вадковскій. Наконецъ, въ лицѣ Пестеля и Свистунова Ивашевъ нашелъ своихъ однокашниковъ по пажескому корпусу. Надъ этими малочинными людьми начальствовали лица, подобныя Киселеву, Михаилу Ѳедоровичу Орлову, С. Г. Волконскому. Это все были люди образованные, дѣятельные, принадлежавшіе къ высшимъ слоямъ русскаго дворянства. Можно безъ преувеличенія сказать, что 2-я армія, по составу офицерскаго корпуса, соперничала съ тогдашней гвардіей. Ивашевъ былъ скоро оцѣненъ по достоинству своими новыми товарищами, которые полюбили его за его простой характеръ, благородство и доброту.

Бездѣйствіе мирнаго времени доставляло Ивашеву частые досуги, которыми онъ пользовался для посѣщенія своихъ родныхъ, проводившихъ лѣто обыкновенно въ

Камилла Петровна Ивашева, урожденная Ледантю.

своей симбирской деревнѣ. Тамъ же жила и его замужняя сестра, Языкова. Пріѣзды молодого, веселаго и талантливаго юноши привѣтствовались, какъ радостныя событія въ его семействѣ, но въ особенности они производили впечатлѣніе на молодое сердце Камиллы Петровны, дочери г-жи Ледантю, жившей у Языковой. Эта молодая дѣвушка, естественно, способна была испытывать нравственное удовольствіе въ разговорѣ и обществѣ образованнаго и по-тогдашнему блестящаго офицера. Но, съ другой стороны, и сама она была хороша собой и не могла не оказать вліянія на воображеніе Василія Петровича. Молодые люди подружились, чему не мало способствовали привычка и знакомство съ дѣтства. Эта ребяческая дружба обратилась мало-по-малу во взаимное уваженіе и поддерживала ихъ хорошія отношенія. Камилла находила, что Basile, какъ она его привыкла звать, превосходитъ всѣхъ молодыхъ людей своей любезностью и умомъ, но въ этомъ случаѣ она была только отголоскомъ общественнаго мнѣнія, составившагося о немъ. Василію Петровичу, можетъ-быть, тоже нравилась юная француженка, но онъ былъ совершенно далекъ отъ намѣренія связать съ ней свою судьбу. Въ ихъ отношеніяхъ не было ни малѣйшей тѣни нѣжности или любви. Даже въ томъ случаѣ, если бы молодая дѣвушка способна была предаться увлеченіямъ своего сердца, ея малѣйшія попытки къ невинному кокетству останавливались передъ требованіями приличія и собственнаго достоинства. Она скрывала отъ другихъ впечатлѣніе, производимое на нее Базилемъ, изъ страха подвергнуться упрекамъ въ погонѣ за богатымъ женихомъ. Но эта внутренняя борьба, при отсутствіи откровенности даже съ родною матерью,—борьба, въ которой нельзя было ожидать никакой чужой, внѣшней помощи, способна была раздуть полудѣтское увлеченіе до глубокой привязанности, даже до страсти, какъ оно въ дѣйствительности и случилось. Камилла Петровна, сама того не

сознавая, полюбила Ивашева, но, не замѣчая никакихъ особенныхъ признаковъ взаимности съ его стороны, она отказалась отъ всякой надежды на счастіе. Только печальное обстоятельство въ жизни Ивашева дало ей случай открыто заявить о своей страсти къ нему и достигнуть способа доставить прочное, хотя и недолговременное, счастіе любимому человѣку.

Товарищи Ивашева по 2-й арміи, о которой мы выше упомянули, принадлежали къ тайному политическому союзу, который извѣстенъ подъ именемъ „южнаго общества“. Въ то время значительная часть русскаго образованнаго дворянства принадлежала или къ этому обществу, или къ „сѣверному“. Ивашевъ скоро, по пріѣздѣ въ Тульчинъ, гдѣ находилась главная квартира графа Витгенштейна, былъ принятъ членомъ въ тайное политическое общество, къ которому принадлежало большинство его новыхъ товарищей и знакомыхъ. Это было еще въ 1820 году, а въ февралѣ слѣдующаго года Ивашевъ уже является въ числѣ *бояръ*, т.-е. старѣйшихъ и важнѣйшихъ членовъ тайнаго союза. Незадолго передъ тѣмъ Николай Ивановичъ Тургеневъ, предсѣдатель существовавшаго до тѣхъ поръ „союза благоденствія“, собиралъ въ Москвѣ представителей разныхъ мѣстныхъ отдѣловъ этого союза и объявилъ имъ о закрытіи его. Но это была мѣра не дѣйствительная, а фиктивная, принятая съ цѣлью отвязаться отъ членовъ ненадежныхъ и безполезныхъ, въ виду расширенія политической программы. Депутаты тульчинскаго отдѣла, Бурцевъ и Колошинъ, привезли во 2-ю армію извѣстіе объ этомъ закрытіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сложили съ себя званіе членовъ союза. Но остальные члены прежняго общества, во главѣ которыхъ были П. И. Пестель, командиръ Вятскаго пѣхотнаго полка, и Юшневскій, генералъ-интендантъ 2-й арміи, не покорились рѣшенію депутатовъ и организовали отдѣльный союзъ подъ именемъ „южнаго общества“, въ который затруднили доступъ членамъ

прежняго „союза благоденствія“. Новое общество, при первоначальномъ составѣ, состояло изъ трехъ директоровъ, которыми были избраны оба указанныя лица и Никита Михайловичъ Муравьевъ, капитанъ гвардейскаго генеральнаго штаба, также бывшій членомъ уничтоженнаго союза, и 9 бояръ, въ числѣ которыхъ былъ и Ивашевъ. Первыя засѣданія новаго общества были посвящены подробностямъ организаціи и ближайшему опредѣленію цѣлей. Главный директоръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, главный двигатель всего дѣла, Пестель, между прочимъ, предложилъ измѣнить форму существующаго правленія и, для достиженія этой цѣли, не останавливаться ни предъ какими мѣрами. Ивашевъ находился въ числѣ 6 бояръ, вмѣстѣ съ Юшневскимъ, единогласно принявшихъ эти предложенія. Участіе въ этомъ засѣданіи было впослѣдствіи поставлено въ вину Василію Петровичу и послужило основаніемъ для обвиненія его въ государственномъ преступленіи. Дѣятельность его, какъ заговорщика, ограничилась однимъ этимъ обстоятельствомъ и дальнѣйшихъ слѣдовъ ея незамѣтно ни по офиціальнымъ ни по другимъ источникамъ. „Съ половины 1821 года по самое то время, какъ арестовали насъ, — говоритъ Басаргинъ въ своихъ *Запискахъ*, — я и нѣкоторые изъ моихъ друзей (въ числѣ которыхъ былъ и Ивашевъ) не принимали уже прежняго участія въ обществѣ и не были ни на одномъ засѣданіи. Заговоръ разразился первоначально возмущеніемъ 14 декабря 1825 года на Сенатской площади, въ Петербургѣ. Но доносы о существованіи „южнаго общества“ начались еще ранѣе, именно съ іюня того же года, и первые аресты его членовъ совпали съ бунтомъ 14-го декабря. Въ этотъ самый день былъ арестованъ Пестель, а за нимъ, въ концѣ 1825 и въ началѣ 1826 гг., одинъ за другимъ и прочіе его сообщники, изъ которыхъ только нѣсколько человѣкъ, съ двумя братьями Муравьевыми-Апостолами во главѣ, оказали правительственной власти

вооруженное сопротивленіе, воспользовавшись возмутившеюся частью Черниговскаго полка. Въ январѣ 1826 г. всѣ попытки возстанія были уже окончательно подавлены, и большинство заговорщиковъ привлечено къ отвѣтственности. Верховный уголовный судъ присудилъ Ивашева, какъ государственнаго преступника второго, т.-е. одного изъ важнѣйшихъ разрядовъ, къ третьей категоріи казни, т.-е. къ политической смерти и вѣчной каторгѣ. Политическая смерть означала, по тогдашнему уголовному кодексу, лишеніе всѣхъ правъ состоянія и исполнялась съ нѣкоторою формальностью, состоявшею въ томъ, что преступникъ выслушивалъ рѣшеніе по своему осужденію съ головою, положенною на плаху, и съ поднятымъ надъ нею топоромъ палача. Государь, по представленіи ему окончательнаго приговора надъ всѣми 120 лицами, замѣшанными въ дѣлѣ заговора, смягчилъ на нѣсколько степеней опредѣленныя имъ наказанія. На долю Ивашева досталось лишеніе дворянства и чиновъ и 20 лѣтъ каторги, вмѣсто 25, которыя по закону составляютъ срокъ вѣчности. Осенью 1826 г. Ивашевъ изъ петербургской Петропавловской крѣпости, гдѣ содержался во время слѣдствія, былъ отправленъ въ Сибирь для заключенія въ острогъ въ городѣ Читѣ. Ему было въ это время 28 лѣтъ.

Со времени своего ареста, послѣдовавшаго вскорѣ за арестомъ Пестеля, Ивашевъ, конечно, уже былъ лишенъ всякой возможности видѣться съ Камиллой Ледантю. Когда его для слѣдствія перевезли въ Петербургъ, то лишь ближайшіе родственники могли найти средство получить доступъ для свиданія съ нимъ. Но и это было очень трудно и разрѣшалось лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ. При этихъ кратковременныхъ свиданіяхъ, по всей вѣроятности, ни отецъ ни мать Ивашева не имѣли надобности упоминать ему объ имени Камиллы, да и самъ онъ думалъ о другомъ и, въ концѣ-концовъ, забылъ объ ея существованіи.

Но на молодую француженку судьба Василія Петровича подѣйствовала совершенно иначе. Она была въ Петербургѣ въ 14-е декабря, слышала разсказы и слухи о замышлявшемся переворотѣ и предстоящихъ осужденіяхъ. Отъ самихъ Ивашевыхъ могла она узнать о томъ, что и Василій Петровичъ былъ замѣшанъ въ число заговорщиковъ, и ужаснулась при мысли о грозившей ему судьбѣ. Но чувство ея не ограничилось однимъ состраданіемъ и мало-по-малу развилось до глубокой страсти къ несчастному, къ которому она была когда-то неравнодушна. Мать увезла ее изъ Петербурга, но жизнь въ Москвѣ и въ деревнѣ, среди любимыхъ близкихъ родныхъ, матери и сестеръ, не могла изгладить изъ ея памяти печальныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дорогихъ воспоминаній. Горькія мечты о несчастной участи Василія Петровича неотступно преслѣдовали бѣдную дѣвушку. Камилла не обладала крѣпкимъ здоровьемъ. Всегда печальная, грустно настроенная, скрывающая свое горе и тайну своего сердца даже отъ родной сестры, принимавшей въ ней участіе, она, наконецъ, не выдержала и занемогла года черезъ два послѣ осужденія Ивашева. Болѣзнь она приняла, какъ милость, и увидѣла въ ней надежду на освобожденіе отъ жизни, которая становилась ей тягостною. Даже нѣжныя отношенія ея къ своей матери и любимымъ сестрамъ едва могли умѣрять ея желанія скорой смерти. Однако, въ концѣ-концовъ, молодость превозмогла, и здоровье Камиллы стало мало-по-малу поправляться. Между тѣмъ, лица, принимавшія участіе въ ней, заботились объ устройствѣ ея судьбы, пріискивали ей жениховъ. Но всѣ ихъ заботы встрѣчали непреодолимое препятствіе въ твердомъ рѣшеніи не выходить замужъ, которое приняла Камилла, не объявляя никому о причинахъ. Она не прельстилась даже и молодымъ помѣщикомъ, владѣльцемъ 1.000 душъ, котораго г. Шарль Санси предлагалъ сосватать для нея. Она продолжала не жить,

а прозябать, отказавшись отъ возможности какого бы то ни было счастья. Пріѣздъ въ концѣ 1829 года стариковъ Ивашевыхъ и Языковыхъ въ Москву, гдѣ въ то время находилась г-жа Ледантю вмѣстѣ съ Камиллой, сдѣлалъ большое впечатлѣніе на послѣднюю, возбудивъ и ожививъ всѣ ея воспоминанія и душевныя страданія. Увидѣвъ портретъ Василія Петровича, привезенный его родителями, она пришла въ такое возбужденное нервное состояніе, что потеряла сонъ и ни о чемъ другомъ не могла думать, какъ о несчастномъ, занимавшемъ всѣ ея мысли. Даже чтеніе евангелія не могло ее успокоить. Черты любимаго человѣка неотвязчиво носились передъ ея глазами, а имя его мелькало между строками священнаго писанія. Въ то же время Камилла была подъ впечатлѣніемъ разсказовъ о свадьбѣ декабриста Анненкова, романтическія подробности которой сильно занимали тогдашнее общество. Анненковъ до своей ссылки въ Сибирь былъ въ короткихъ отношеніяхъ съ француженкою Гебль. Женщина эта питала къ нему чувство, выходящее изъ границъ обыденныхъ привязанностей, и, побуждаемая желаніемъ утѣшить любимаго человѣка въ его несчастіи, обратилась къ императору съ прошеніемъ о томъ, чтобы ей позволено было послѣдовать за Анненковымъ въ Сибирь. Разрѣшеніе было дано, и m-lle Geuble вступила въ бракъ.

Все это легко можетъ объяснить причину тяжелой нервной горячки, которою захворала Камилла Ледантю въ началѣ марта 1830 года. Ея мать, которая жила также въ Москвѣ, но въ другомъ домѣ, поспѣшила навѣстить свою дочь при первомъ извѣстіи о ея болѣзни. Материнская проницательность и неясные намеки другой ея дочери, Луизы, помогли ей замѣтить, что Камиллу уложило въ постель не какое-нибудь чисто-физическое разстройство, а тяжелая внутренняя борьба и ни съ кѣмъ не раздѣленное горе. Разспросы и увѣщанія, въ которыхъ отражалось искреннее участіе, при-

вели къ полному, откровенному признанію со стороны больной.

Покрывая поцѣлуями руки своей матери, Камилла просила у нея позволенія воспользоваться примѣромъ француженки, послѣдовавшей въ Сибирь за товарищемъ Ивашева по несчастію.

— Могу ли я, — говорила она, — раздѣлить участь человѣка, котораго я долго любила, какъ брата, и котораго я продолжала уважать за его несомнѣнныя достоинства, хотя несчастіе и обрушилось на него по волѣ судьбы? Скажите, дорогая матушка, способны ли вы разстаться съ дочерью, если бъ я хоть чѣмъ-нибудь могла утѣшить Базиля?

— Я бы не поколебалась, — отвѣчала ей мать, — если бъ была увѣрена, что жертва моя можетъ возвратить тебѣ здоровье, успокоить тебя и послужить къ доставленію счастія тѣмъ, кто такъ его достоинъ. Но, милая дочь, ты любишь того, кто и не подозрѣваетъ о твоемъ чувствѣ. Ты о немъ думаешь, а твое присутствіе, можетъ быть, было бы ему въ тягость; наконецъ, если бъ даже онъ и обратилъ вниманіе на твое предложеніе, полагаешь ли ты, что онъ также готовъ принять его и не имѣетъ весьма основательныхъ причинъ отказаться отъ счастія именно изъ-за жертвы, на которую ты готова?

Камилла предвидѣла всѣ эти возраженія и, оправдываясь въ скрытности, которою упрекала ее мать, говорила ей:

— Я сама считала свои надежды неосуществимыми вслѣдствіе голоса разсудка, который доказывалъ мнѣ то же самое, что и вы. Но бросимъ разговоръ объ этомъ. Если мнѣ суждено отказаться отъ любимой мечты, то я постараюсь преодолѣть свое безразсудное желаніе. Мнѣ ничего не нужно. Я отказываюсь отъ сватовства г. Санси. Я не могу выйти замужъ.

Разговоръ этотъ не возобновлялся, потому что болѣзнь Камиллы развилась до такой степени, что она

принуждена была лечь въ постель и въ теченіе 22 дней не могла принимать твердой пищи. Несмотря на попеченіе д-ра Мандилинга, извѣстнаго въ то время врача, и нѣжную заботливость матери и двухъ сестеръ, изъ которыхъ одна пріѣхала въ Москву съ цѣлью исполнять обязанности сидѣлки у постели больной, послѣдняя подавала мало надежды на выздоровленіе. Жизнь ея висѣла на волоскѣ. Г-жа Ледантю, потерявъ надежду на медицинскую помощь и очень хорошо сознавая, что болѣзнь ея дочери происходитъ отъ причинъ нравственныхъ, рѣшилась на крайнее средство и, только что больной стало немного легче, написала своей пріятельницѣ, г-жѣ де-Санси, письмо, содержаніе котораго просила довести до свѣдѣнія матери Василія Петровича.

Описавъ свою тревогу и безпокойство за сохраненіе жизни любимой дочери, разсказавъ въ подробности всю исторію несчастной любви Камиллы и изложивъ вкратцѣ ходъ ея болѣзни, бѣдная женщина оканчивала свое письмо слѣдующими словами:

„Если заботы и любовь моей дочери могутъ принести хоть какую-нибудь отраду и утѣшеніе для несчастнаго молодого человѣка, то мои слезы, при разлукѣ съ ней, не уничтожатъ въ моемъ сердцѣ радости въ виду необходимой жертвы, на которую я, какъ мать, готова, лишь бы не лишить жизни родное дѣтище. Не будете ли вы столь добры передать генеральшѣ все, что я пишу вамъ о состояніи Камиллы и объ ея чувствѣ. Я предлагаю ей пріемную дочь съ благородной, чистой и любящей душою. Если бъ я боялась упрековъ въ искательствѣ выгоднаго и знатнаго жениха, то я бы сумѣла схоронить тайну моей дочери даже отъ васъ, мой лучшій другъ; но цѣль Камиллы — лишь облегчить тяжесть цѣпей, раздѣлить горе, и, не краснѣя за чувства моей дочери, я не скрывала бы ихъ отъ самой нѣжной матери, если бъ я ранѣе узнала о нихъ. Однако, я намѣрена обо всемъ молчать передъ моими родными до тѣхъ поръ,

пока или не получу вашъ отвѣтъ, или не увижу генеральши при ея возвращеніи въ Москву. Если Ивашевы имѣютъ кого-нибудь въ виду для своего сына, или самъ онъ къ кому-нибудь неравнодушенъ, то я увѣрена, что никто, кромѣ васъ и меня, не узнаетъ о содержаніи этого письма. Здоровье Камиллы немедленно будетъ возстановляться. Мнѣ сказалъ объ этомъ докторъ, которому я должна была признаться въ нравственныхъ причинахъ болѣзни. Луиза пробудетъ это время съ сестрой, я же должна провести лѣто у своей дочери Сидоніи, которая ждетъ меня въ маѣ мѣсяцѣ, но теперь я положительно не знаю, что мнѣ дѣлать".

Г-жа де-Санси находилась въ это время въ симбирскомъ помѣстьи Елисаветы Петровны Языковой, которую она посѣтила, чтобъ вмѣстѣ встрѣтить Пасху и провести святую недѣлю. Почта въ то время ходила очень медленно и требовалось около двухъ недѣль для доставленія писемъ изъ Москвы въ Симбирскъ.

Тотчасъ по полученіи этого письма, г-жа де-Санси поспѣшила написать генеральшѣ Ивашевой и препроводила ей въ подлинникѣ самое письмо. Поздравляя Ивашевыхъ съ прошедшими праздниками, выражая имъ теплыя пожеланія относительно прекращенія ихъ семейнаго горя и скорѣйшаго возвращенія Василія Петровича, вотъ что, между прочимъ, писала г-жа де-Санси отъ 15 апрѣля изъ Симбирска: „Материнскія чувства Сесиліи (г-жа Ледантю) проходятъ также чрезъ горькое испытаніе. Вы узнаете о нихъ изъ ея письма и поймете ея страданія, когда увидите, въ чемъ они состоятъ и отчего происходятъ. Я боюсь, что средство, которое можетъ помочь дѣлу, не достижимо. Ваше сострадательное сердце укажетъ вамъ, какъ отвѣчать несчастной; сознаніе невозможности цѣли способно ее убить, между тѣмъ какъ одинъ лучъ надежды можетъ вернуть ее къ жизни и утѣшить ея бѣдную мать, прошедшую черезъ страхъ ея смерти".

Г-жа Ледантю, извѣщенная своею пріятельницею о ея дѣйствіяхъ, съ нетерпѣніемъ ожидала извѣстій изъ Петербурга отъ Ивашевыхъ. Между тѣмъ, здоровье Камиллы стало мало-по-малу поправляться. По совѣту доктора, ее перевезли на дачу въ шести верстахъ отъ Москвы. При ней неотлучно находилась ея сестра Луиза. Мать, живя въ городѣ, безпрестанно навѣщала больную и каждый разъ находила, что выздоровленіе ея идетъ очень успѣшно. Она слышала ея пѣніе и вполнѣ успокоилась за грудь дочери, которая пугала ее во время болѣзни. Къ Камиллѣ возвратился прежній хорошій цвѣтъ лица.

Наконецъ, въ началѣ мая пріѣхалъ въ Москву князь Волконскій, которому Ивашевы поручили доставить свой отвѣтъ г-жѣ Ледантю. Необычное посѣщеніе князя и его словесныя сообщенія уже возбудили предположенія о благопріятномъ содержаніи писемъ Петра Никифоровича и его жены. Письма эти дышали благодарностью, были полны лестныхъ и нѣжныхъ выраженій относительно Камиллы и ея матери. Но родители Василія Петровича не рѣшались отвѣчать за него. Ручаясь за то, что его сердце свободно, они сочли за самое лучшее переслать къ нему въ Сибирь копію съ письма г-жи Ледантю къ г-жѣ де-Санси отъ 30 марта. Но въ ожиданіи отвѣта отъ сына, старики Ивашевы радостно открывали свои объятія Камиллѣ, благодаря ее и ея мать за готовность на принесеніе тяжкихъ жертвъ.

— Вы выражаете мнѣ благодарность, — отвѣчала г-жа Ледантю генеральшѣ, — но я сама надѣюсь быть обязанной вамъ. Если бъ вы отклонили мою просьбу, то одинъ Богъ знаетъ, сколько времени я была бы осуждена видѣть страданія моей дочери. Я никогда не забуду вашей доброты къ Камиллѣ, даже и въ томъ случаѣ, если бъ вашъ любезный сынъ и не согласился утѣшить ее. Вы мнѣ говорите о жертвѣ, которую я приношу, какъ мать, но вы знаете только ея половину.

Луиза хочетъ сопутствовать своей сестрѣ. — Не зная, на что рѣшиться, и предвидя невозможность одинокаго путешествія для Камиллы, г-жа Ледантю умоляетъ помочь ей совѣтами и выражаетъ нетерпѣливую надежду на свиданіе съ стариками Ивашевыми. Описывая тайну любви своей дочери, она говоритъ, что Камилла въ теченіе трехъ лѣтъ ѣздила въ свѣтъ противъ воли и чувствовала себя одинокой вдали отъ матери и сестеръ. Она забыла свою страсть къ музыкѣ, стала пренебрегать своимъ голосомъ и, несмотря на увѣщанія, ни за что не хотѣла брать уроковъ пѣнія.

Вмѣстѣ съ письмомъ къ Ивашевой, г-жа Ледантю отправила свой отвѣтъ Петру Никифоровичу, въ которомъ она благодарила его за участіе и, намекая на извѣщеніе Василія Петровича о несчастной любви Камиллы, сознавалась, что не ожидала этого, предвидя, что родители молодого человѣка постараются сперва вывѣдать состояніе его сердца.

Не желая возбуждать напрасныхъ надеждъ, г-жа Ледантю не сказала дочери ни слова о своей перепискѣ съ Ивашевыми и, въ ожиданіи отвѣта отъ Василія Петровича, который никакъ не могъ притти ранѣе двухъ или трехъ мѣсяцевъ, обратила все свое вниманіе на скорѣйшее выздоровленіе Камиллы. Она оставила ее въ окрестностяхъ Москвы на попеченіи одной знакомой дамы, а сама отправилась лѣтомъ къ Григоровичамъ. Луиза также уѣхала изъ Москвы во Владиміръ, къ женѣ тамошняго губернатора Апраксина. Такимъ образомъ, все семейство разъѣхалось. Но Камилла, не знавшая ничего о дѣйствіяхъ своей матери, не могла сама и подозрѣвать, что рѣшеніе ея судьбы близится къ своей развязкѣ.

Доставленный въ 1827 году въ Сибирь, Ивашевъ былъ первоначально помѣщенъ вмѣстѣ съ частью своихъ товарищей въ Читинскомъ острогѣ, такъ какъ казематы въ Петровскомъ заводѣ, назначенные для заклю-

ченія политическихъ преступниковъ, еще не были окончены постройкою. Жизнь каторжниковъ текла однообразно, скучно и, несмотря не нѣкоторыя развлеченія, которыя позволялись заключеннымъ, по добротѣ коменданта Лепарскаго, была тяжела, а подчасъ и невыносима. Ивашевъ, скучая въ острогѣ, прибѣгалъ для сокращенія времени къ помощи любимыхъ имъ искусствъ и свободное время употреблялъ на занятія живописью и словесностью. Онъ нарисовалъ виды Читы, нѣкоторыхъ казематовъ, снялъ портреты съ нѣсколькихъ товарищей по заключенію, сочинилъ цѣлую поэму въ стихахъ о Стенькѣ Разинѣ. Но тоска, тѣмъ не менѣе, продолжала одолѣвать его.

Несмотря на увѣщанія нѣкоторыхъ товарищей, старавшихся поддержать его и внушить ему болѣе твердости, онъ поражалъ ихъ своимъ всегда грустнымъ, мрачнымъ и задумчивымъ видомъ. По всей вѣроятности, онъ былъ подъ впечатлѣніемъ возстанія, произведеннаго Сухинцнымъ, Мозгалёвскимъ и Соловьевымъ, и увлекался примѣрами бѣгства съ каторги, которому предавались нѣкоторые изъ заключенныхъ, но всегда безуспѣшно. Или ихъ ловили близъ острога и подвергали еще тягчайшему наказанію, или же они сами отказывались отъ своего намѣренія въ виду непреодолимыхъ трудностей его исполненія. Въ случаяхъ побѣга декабристы разсчитывали обыкновенно на помощь неполитическихъ каторжниковъ, предлагавшихъ свои услуги очень часто съ корыстною цѣлью воспользоваться имуществомъ бѣглецовъ или доносомъ на нихъ заслужить расположеніе начальства. Кромѣ того, разстояніе до китайской границы, за которою только и можно было спастись отъ преслѣдованія, было, все-таки, очень значительно и прохожденіе этого пространства угрожало смертью или отъ голода, или отъ дикихъ звѣрей. Тѣмъ не менѣе, каторга была до такой степени невыносима для Ивашева, что онъ, около четырехъ лѣтъ тяготясь

ею, наконецъ, не выдержалъ и рѣшился попробовать освободиться отъ нея и задумалъ цѣлый планъ бѣгства. Онъ вошелъ въ сношеніе съ бѣглымъ ссыльно-рабочимъ, который обѣщалъ провести его за границу Китая. Этотъ бѣглый успѣлъ уже подпилить тынъ, окружавшій казематъ, и приготовилъ, такимъ образомъ, мѣсто для безпрятственнаго тайнаго выхода изъ острога. Сообщникъ Ивашева долженъ былъ ожидать его въ условленную заранѣе ночь за оградой и провести въ ближній лѣсъ, гдѣ, въ теченіе нѣкотораго времени, можно было спокойно скрываться въ неизвѣстномъ никому подземельи и питаться сложенными тамъ съѣстными припасами. Когда же поиски прекратятся, то они предполагали пробраться въ Китай и тамъ дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ.

Къ счастію, для Василія Петровича, его намѣренія сдѣлались извѣстными двумъ его товарищамъ по заключенію, которыхъ онъ особенно любилъ и уважалъ. Мухановъ, содержавшійся съ нимъ въ одномъ и томъ же казематѣ, который зналъ о намѣреніи Ивашева изъ его собственнаго признанія, поспѣшилъ сообщить Басаргину, котораго встрѣтилъ во время работы, о замыслѣ ихъ пріятеля. Нужно было во что бы то ни стало отговорить Ивашева, которому его предпріятіе могло стоить жизни, не принеся никакой пользы. Но, съ другой стороны, мѣшкать не было никакой возможности, такъ какъ побѣгъ долженъ былъ состояться въ слѣдующую затѣмъ ночь.

„Выслушавъ Муханова,—пишетъ Басаргинъ въ своихъ *Запискахъ*,—я сейчасъ послѣ работы отправился къ Ивашеву и сказалъ ему, что мнѣ извѣстно его намѣреніе и что я пришелъ съ нимъ объ этомъ переговорить. Онъ очень спокойно отвѣчалъ мнѣ, что, съ моей стороны, было бы напраснымъ трудомъ его отклонять, что онъ твердо рѣшился исполнить свое намѣреніе и что потому только давно мнѣ не сказалъ о томъ, что не

желалъ подвергать меня какой-либо отвѣтственности. На всѣ мои убѣжденія, на всѣ доводы о неосновательности его предпріятія и объ опасности, ему угрожающей, онъ говорилъ одно и тоже, что уже рѣшился, что далѣе оставаться въ казематѣ онъ не въ состояніи, что лучше умереть, чѣмъ жить такимъ образомъ. Однимъ словомъ, истощивъ всѣ возраженія, я не зналъ, что дѣлать. Время было такъ коротко, завтрашній день былъ уже назначенъ и оставалось одно только средство остановить его — дать знать коменданту. Но ужасно быть доносчикомъ, тѣмъ болѣе на своего товарища, на своего друга. Наконецъ, видя всѣ мои убѣжденія напрасными, я рѣшительно сказалъ ему: „Послушай, Ивашевъ, именемъ нашей дружбы прошу тебя отложить исполненіе своего намѣренія на одну только недѣлю. Въ одну недѣлю обсудимъ хорошенько твое предпріятіе, взвѣсимъ хладнокровно, le pour et le contre, и если ты останешься при тѣхъ же мысляхъ, то обѣщаю тебѣ не препятствовать“.

— „А если я не соглашусь откладывать на недѣлю?“ — возразилъ онъ.

— „Если не согласишься, — воскликнулъ я съ жаромъ, — ты заставишь меня сдѣлать изъ любви къ тебѣ то, чѣмъ я гнушаюсь: сейчасъ попрошу свиданія съ комендантомъ и разскажу ему все. Ты знаешь меня довольно, чтобы вѣрить, что я это сдѣлаю, и сдѣлаю именно по убѣжденію, что это осталось единственнымъ средствомъ для твоего спасенія“.

„Мухановъ меня поддерживалъ и, наконецъ, Ивашевъ далъ намъ слово подождать недѣлю. Я не опасался, чтобы онъ нарушилъ его, тѣмъ болѣе, что Мухановъ жилъ съ нимъ и могъ за нимъ наблюдать“.

Басаргинъ не могъ въ то время подозрѣвать значеніе своихъ стараній для судьбы Ивашева. Сама случайность, казалось, помогала ему. На третій день послѣ своего перваго разговора съ Василіемъ Петровичемъ, Басаргинъ, съ разрѣшенія коменданта, снова посѣтилъ

его и вмѣстѣ съ Мухановымъ возобновилъ свои доводы въ пользу невѣроятности успѣха. Во время жаркаго спора, въ которомъ Ивашевъ продолжалъ настаивать на необходимости привести свое намѣреніе въ исполненіе, дверь въ комнату вдругъ отворилась и вошедшій унтеръ-офицеръ потребовалъ Ивашева къ коменданту. Первая мысль Василія Петровича была, что товарищи его выдали. Но, побѣдивъ въ себѣ подозрѣніе, онъ поспѣшилъ отправиться къ Лепарскому, недоумѣвая относительно причинъ такого внезапнаго свиданія съ комендантомъ. Мухановъ и Басаргинъ, не имѣвшіе ничего на своей совѣсти, остались у своего друга, въ ожиданіи его скораго возвращенія. Но, проведя около двухъ часовъ въ томительномъ ожиданіи его, они стали уже немного безпокоиться и, не зная, чему приписать долгое отсутстіе Ивашева, пришли, наконецъ, къ подозрѣнію о какомъ-нибудь доносѣ на него со стороны его сомнительнаго сообщника.

Василій Петровичъ вернулся въ свой казематъ сильно разстроеннымъ и поспѣшилъ объявить ожидавшимъ его товарищамъ поразительную и необычайную новость. Онъ получилъ предложеніе со стороны одной молодой дѣвушки, и Лепарскій желалъ узнать отъ него отвѣтъ на это предложеніе. Сообщеніе Лепарскаго было основано на полученномъ въ тотъ день письмѣ г-жи Ледантю, которое мать Ивашева препроводила въ копіи вмѣстѣ съ своимъ письмомъ, предварительно испросивъ чрезъ графа Бенкендорфа согласіе Государя на бракъ ея сына съ Камиллою Петровной. Лепарскій дѣйствовалъ вслѣдствіе предписаній графа Бенкендорфа. Припомнивъ содержаніе письма г-жи Ледантю къ г-жѣ де-Санси, приведенное выше, легко догадаться о впечатлѣніи, которое оно произвело на Ивашева. Пораженный признаніями Камиллы, онъ не могъ собраться съ мыслями и просилъ коменданта дать ему нѣсколько подумать, прежде чѣмъ высказать свой рѣшительный отвѣтъ. Онъ поспѣшилъ

сообщить Муханову и Басаргину всѣ обстоятельства, которыя могли оправдывать чувство, питаемое къ нему молодой француженкой и разсказалъ имъ все то, что что уже извѣстно изъ вышеизложеннаго. Припоминая нѣкоторыя подробности своихъ сношеній съ Камиллой, онъ увидѣлъ нѣкоторые очень ясные намеки на искренность и глубину ея привязанности къ нему. Но, съ другой стороны, онъ хорошо сознавалъ всю громадность жертвы, которую она готова была принести, разставаясь съ нѣжно любимыми родными и вступая въ новое семейство лишь для того, чтобъ ѣхать на край свѣта и тамъ, въ глуши, въ дали отъ всего близкаго и дорогого сердцу, влачить печальную и тяжелую жизнь жены несчастнаго каторжника. Вопросъ о томъ, вознаградитъ ли онъ ее за эту жертву своей любовью, будетъ ли она съ нимъ счастлива, не придется ли имъ впослѣдствіи раскаяться, не давалъ Ивашеву покоя и сильно тревожилъ его. Мухановъ и Басаргинъ очень настаивали на томъ, чтобы ихъ другъ принялъ предложеніе Камиллы. Зная его простой характеръ и всѣ его прекрасныя качества, они не сомнѣвались въ томъ, что Ивашевъ не только самъ достоинъ счастія, но что онъ способенъ и доставить его. Разставшись съ пріятелями послѣ продолжительнаго разговора съ ними, Василій Петровичъ провелъ ночь въ размышленіяхъ, которыя, наконецъ, привели его къ твердому и положительному рѣшенію.

На слѣдующій день онъ, по обѣщанію, явился съ своимъ отвѣтомъ къ Лепарскому и продиктовалъ ему письмо слѣдующаго содержанія, адресованное къ Петру Никифоровичу Ивашеву:

„М. Г., письмо вашего пр — ва отъ 3 числа прошлаго мая, доставленное мнѣ III отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи съ приложеніемъ письма къ сыну вашему Василію Петровичу и копія съ другого письма, имѣлъ я честь получить 20 сего мѣсяца. Въ тотъ же день, вруча, спрашивалъ его лично о согласіи

по предмету, в. пр — вомъ изложенному. Сынъ вашъ принялъ ваше предложеніе касательно дѣвицы Камиллы Ледантю съ тѣмъ чувствомъ изумленія и благодарности къ ней, которыя ея самоотверженіе должно ему было внушить.

„Онъ проситъ васъ сообщить ей не только его сожалѣніе, когда узналъ о несчастномъ состояніи ея здоровья, угрожавшемъ ея жизни, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, проситъ и сообщить ей всѣ права, которыя она имѣла и имѣетъ на его чувство. Отеческое согласіе ваше и надежда, вами питаемая получить соизволеніе высшаго начальства на его бракъ, есть истинное для него утѣшеніе, и онъ совершенно уповаетъ на ваше дѣятельное ходатайство, свойственное вашей къ нему любви, доказанной отъ дѣтства во всѣхъ случаяхъ его жизни.

„Но по долгу совѣсти онъ еще проситъ васъ предварить молодую дѣвушку, чтобъ она съ размышленіемъ представила себѣ и разлуку съ нѣжной матерью и слабость здоровья своего, подвергаемаго отъ дальней дороги новымъ опасностямъ, какъ и то, что жизнь, ей здѣсь предстоящая, можетъ по однообразности и грусти, сдѣлаться для нея еще тягостнѣе. Онъ проситъ ее видѣть будущность свою въ настоящихъ краскахъ, и потому надѣется, что рѣшеніе ея будетъ обдуманнымъ. Онъ не можетъ увѣрить ее ни въ чемъ болѣе, какъ въ неизмѣнной своей любви, въ искреннемъ желаніи ея благополучія, въ нѣжнѣйшемъ о ней попеченіи и въ томъ отеческомъ вашемъ расположеніи, которое она раздѣлитъ съ нимъ.

„Если она останется тверда въ своемъ намѣреніи и рѣшится на то, чтобъ оставить своихъ родственниковъ и удалиться на всю жизнь въ Сибирь, въ такомъ случаѣ сынъ вашъ повторяетъ убѣдительнѣйшую свою просьбу о вашемъ ходатайствѣ и, прося вашего благословенія, поручаетъ ея судьбу нѣжнѣйшему попеченію своихъ родителей.

„Передавъ вашему пр—ству всѣ собственныя слова, объявленныя мнѣ сыномъ вашимъ Василіемъ Петровичемъ, честь имѣю быть“ и т. д.

Само собою разумѣется, что Ивашевъ бросилъ всякую мысль о побѣгѣ.

Отвѣтъ Ивашева съ нетерпѣніемъ ожидался въ Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ находилась Камилла, оставленная на попеченіи г-жи Хвощинской. Ея мать была въ это время въ деревнѣ у своей дочери Григоровичъ, которая не задолго передъ тѣмъ лишилась своего мужа. Наконецъ, въ августѣ получено было въ Петербургѣ письмо, продиктованное Ивашевымъ Лепарскому. Петръ Никифоровичъ и жена его поспѣшили доставить эти строки съ своими письмами г-жѣ Ледантю и Камиллѣ. Они воспользовались для этого отъѣздомъ въ Москву князя Волконскаго, котораго просили лично навѣстить ихъ будущую невѣстку и ея мать. Волконскій отправился къ г-жѣ Хвощинской, передалъ Камиллѣ словесное порученіе Ивашевыхъ и вручилъ ей ихъ письма, а письма къ г-жѣ Ледантю отправилъ съ нарочнымъ въ тульскую деревню Григоровича. До пріѣзда матери молодая дѣвушка не хотѣла рѣшать окончательно своей судьбы, но должна была во всемъ признаться г-жѣ Хвощинской, пораженной неожиданностью посѣщенія Волконскаго. Г-жа Ледантю поспѣшила пріѣхать въ Москву. Здѣсь она увидѣлась и съ самимъ княземъ, который словесно дополнилъ ей содержаніе писемъ Ивашевыхъ. Хотя въ виду приближавшейся зимы путешествіе въ Сибирь и представляло большія затрудненія и даже опасности для здоровья Камиллы, тѣмъ не менѣе, нельзя было медлить рѣшеніемъ ея судьбы. 26-го августа г-жа Ледантю написала два письма будущимъ свекру и свекрови своей дочери. Объясняя медленность своего отвѣта необходимостью дать Камиллѣ нѣсколько дней на размышленіе, она, между прочимъ, писала Петру Никифоровичу, что князь Волконскій

былъ предупрежденъ заранѣе о невѣдѣніи Камиллы относительно всего того, что было предпринято въ виду устройства ея судьбы. Она узнала обо всемъ лишь по полученіи согласія Василія Петровича, которымъ ея мать хотѣла сперва заручиться. „Вы поймете, генералъ, — писала г-жа Ледантю, — впечатлѣніе, которое должно было сдѣлать на Камиллу посѣщеніе князя и привезенное имъ письмо. Она глубоко тронута чувствами къ ней, которыми проникнуты ваши письма, но ваше отеческое сердце легко представитъ себѣ все, что она должна испытывать при мысли о предстоящей разлукѣ. Прежде чѣмъ сдѣлать окончательный шагъ подачею прошенія на имя Государя, она желаетъ, чтобъ вы обезпечили ея путешествіе пріисканіемъ ей спутницы, которая могла бы замѣнить ей родную мать въ дорогѣ. Я надѣюсь, что вы не упрекнете ее этимъ желаніемъ, основаннымъ на понятіяхъ о приличіи, въ которыхъ она была воспитана и которыми дорожитъ тѣмъ болѣе, что надѣется назвать васъ своимъ отцомъ. Я полагаю, что по причинѣ близкой зимы путешествіе Камиллы придется отложить до весны и что вы не откажетесь доставить ея просьбу Государю, не дожидаясь личнаго съ нимъ свиданія“.

Въ письмѣ къ генеральшѣ г-жа Ледантю повторяла свои убѣжденія о невозможности одинокаго путешествія въ Сибирь для Камиллы и просила озаботиться пріисканіемъ ей вѣрной и надежной спутницы.

Камилла, съ своей стороны, отправила къ г-жѣ Ивашевой въ тотъ же день письмо слѣдующаго содержанія:

„Я провела въ слезахъ четыре мучительныхъ дня, съ тѣхъ поръ какъ узнала о всемъ, что сдѣлано для меня вашимъ благосклоннымъ ко мнѣ расположеніемъ. Вы ждете моего отвѣта, отъ котораго должна зависѣть не только моя личная судьба, но и участь человѣка, на облегченіе страданій котораго я готова приложить всю силу и нѣжность своего сердца.

„Ваша истинная доброта проститъ мнѣ нерѣшительность и сомнѣнія, въ виду жертвы, которую я должна избрать между предметами моей нѣжнѣйшей привязанности. Вы меня назвали дочерью, и это такъ меня трогаетъ, что я рѣшаюсь во всемъ вамъ признаться. До пріѣзда моей матушки я не подозрѣвала о предстоящей перемѣнѣ моей судьбы, я даже готова была отказаться отъ мысли разлучиться съ семействомъ, сознаваясь въ невозможности быть когда-нибудь полезной человѣку, котораго выбрало мое сердце. Я уже рѣшилась пожертвовать мечтой, такъ увлекавшей мое воображеніе и исполненіе которой опечалило бы моихъ близкихъ родныхъ. Но моя милая матушка здѣсь, со мной, и ей-то я обязана своимъ счастіемъ. Прочтя ваши нѣжныя письма, я увидѣла, что вашъ милый и несчастный сынъ уже знаетъ о моихъ къ нему чувствахъ, я увеличила бы только его и мои страданія, если бъ медлила дольше своимъ согласіемъ. Я не могу болѣе колебаться въ выборѣ жертвы. Я предвижу только одно, послѣднее затрудненіе. Когда я предполагала посвятить свою жизнь на утѣшеніе вашего сына, я надѣялась, что моей матушкѣ будетъ возможно довезти меня до предѣловъ Сибири. Но теперь, когда я, къ сожалѣнію, должна отказаться отъ этой надежды, я умоляю васъ, моя вторая мать, разрѣшить мнѣ ѣхать не одной. Не найдется ли какая-нибудь, подобная мнѣ, женщина, которой также предстоитъ путешествіе въ тотъ далекій край, для утѣшенія кого-нибудь изъ близкихъ ея сердцу? Повѣрьте, что я не боюсь лишеній, на которыя осуждена самою жизнію съ Базилемъ, но согласитесь, что мнѣ нужно запастись большею силой воли, чѣмъ я въ дѣйствительности обладаю, при мысли о путешествіи, въ которомъ я должна имѣть спутниками только мужчинъ. Я повремению вамъ отсылкою моего прошенія до тѣхъ поръ, пока не получу отъ васъ извѣщеніе, что это послѣднее препятствіе устра-

нено. Умоляю васъ видѣть въ замедленіи моего рѣшительнаго шага отнюдь не отказъ съ моей стороны, а только послѣднее испытаніе, которое еще предстоитъ мнѣ“.

17-го сентября былъ день именинъ матери Василія Петровича. Пользуясь этимъ случаемъ, Камилла написала ей второе свое письмо, въ которомъ увѣряла ее въ неизмѣнности своего рѣшенія и оправдывала свою медленность въ отсылкѣ прошенія.

„Только теперь вы узнаете, — писала она, — всю радость, ощущаемую мною, отъ послѣдствій моего признанія. Только теперь я могу предаться ей безъ сомнѣнія и безъ страха. Я упрекала себя за сомнительную надежду, которую могла подать милому Базилю, думала, что онъ можетъ уже опасаться за будущность, которая ему улыбается. Что бы было со мною, если бы я сознавала себя виновною въ невольномъ возмущеніи его спокойствія? Я не скрою отъ васъ, какъ я счастлива чувствами, которыя онъ выражаетъ, и какъ мнѣ пріятно быть въ состояніи утѣшить и успокоить его почтенныхъ родителей. Однако, я должна сознаться, что я далеко не заслуживаю вашихъ похвалъ, такъ какъ я не всегда увѣрена въ утѣшеніи, которое могу доставить вамъ. Наконецъ, въ чемъ же состоитъ моя заслуга? Я не приношу большой жертвы, отказываясь отъ свѣта, который меня вовсе не привлекаетъ. Мнѣ дорого только мое семейство, съ которымъ придется разстаться. Но вотъ уже четвертый годъ, какъ мои родные страдаютъ за меня при видѣ моей непонятной скрытности, которая ихъ такъ поражала... Любите меня, — заключаетъ Камилла, — такъ же какъ я васъ люблю, любите меня какъ мать, которая позволяетъ мнѣ посвятить жизнь для ея дорогого сына. Вся моя добродѣтель заключается въ моемъ чувствѣ къ нему, и я ограничиваю свое честолюбіе частицей любви, которую его родители согласятся удѣлить мнѣ“.

Это письмо было написано, вѣроятно, еще до полученія отъ Ивашевыхъ обѣщанія найти Камиллѣ спутницу для ея путешествія въ Сибирь. Скоро послѣ этого времени пришелъ ожидаемый отвѣтъ и было составлено прошеніе на имя Государя, въ которомъ Камилла въ слѣдующихъ выраженіяхъ высказывала свои желанія.

„Государь, состраданіе къ какому бы то ни было несчастію найдетъ себѣ, безъ всякаго сомнѣнія, извиненіе въ Вашихъ глазахъ. Я слишкомъ глубоко въ этомъ убѣждена, чтобъ не отважиться на откровенное признаніе Вашему Императорскому Величеству въ искренней, глубокой, непоколебимой любви, которой исполнено мое сердце съ минуты его перваго самосознанія. Любовь эта навѣки соединяетъ меня съ однимъ изъ тѣхъ несчастныхъ, которыхъ постигла кара закона, — съ сыномъ генерала Ивашева. Почувствовавъ со времени его несчастія, насколько его жизнь дорога для меня, я дала обѣтъ раздѣлить его горькую участь. Моя мать соглашается на бракъ мой съ тѣмъ, кому я хочу облегчить страданія, и родители несчастнаго молодого человѣка, зная о состояніи его сердца, съ своей стороны, не видятъ препятствій къ исполненію моего желанія“.

Прошеніе это, изъ котораго приводится только отрывокъ, было препровождено къ Государю при посредствѣ графа Бенкендорфа, начальника III отдѣленія собственной канцеляріи. Отправляя это прошеніе, г-жа Ледантю и Камилла присовокупили къ нему коротенькое письмо на имя графа съ просьбою о его содѣйствіи. „Для матери столь же странно, сколько для ея сердца трудно согласиться на разлуку съ дочерью, особенно когда разлука эта готовитъ ей ссылку“, — писала, между прочимъ, г-жа Ледантю, объясняя всю сознательность своего поступка.

При докладѣ этого прошенія Государь собственноручно написалъ: „Ежели точно родители ея и Ивашевы на то согласны, то, съ моей стороны, конечно, не бу-

детъ препятствій". Петръ Никифоровичъ былъ письменно увѣдомленъ Бенкендорфомъ объ этой резолюціи.

Наконецъ, всѣ предварительныя мѣры были приняты и Камиллѣ разрѣшено вступить въ бракъ и обѣщано спутничество надежной женщины, которая должна была сопровождать ее въ Сибирь. Петръ Никифоровичъ просилъ Лепарскаго объ участіи къ его сыну и о томъ, чтобы онъ былъ посаженымъ отцомъ Василія Петровича. Добрый комендантъ согласился на просьбу стараго генерала и обѣщалъ не только заступить мѣсто отца при священномъ обрядѣ, но даже быть, по-возможности, полезнымъ для молодыхъ супруговъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ будетъ не доставать присутствія или совѣтовъ ихъ родителей. Между тѣмъ, наступила зима, и хотя судьба Камиллы была уже окончательно рѣшена, но слабое ея здоровье и, главное, суровость сибирскаго климата заставили ее отложить свое путешествіе до весны. Она уже заранѣе была принята въ свое новое семейство. У Ивашевыхъ былъ въ Москвѣ домъ, въ которомъ они прожили часть зимы 1829—1830 гг. Они поспѣшили предложить этотъ домъ своей будущей невѣсткѣ и ея матери. Камилла нетерпѣливо ждала свиданія съ своимъ будущимъ свекромъ и свекровью, но появившаяся въ 1830 году холера оцѣпила карантинами обѣ столицы, и Ивашевы принуждены были остаться въ Петербургѣ и не вызывать къ себѣ г-жи Ледантю съ ея дочерью. Послѣднее письмо, которое еще не приведено изъ переписки, относится именно къ этому времени и въ немъ Камилла, обращаясь къ г-жѣ Ивашевой, въ первый разъ подписывается „ея преданной дочерью".

„Наконецъ, благодаря заботливости самыхъ нѣжныхъ родителей, — такъ начинается это письмо, писанное 1-го октября, — я освободилась отъ страха за отказъ. Я надѣюсь, что небо, до сихъ поръ благопріятное вашимъ желаніямъ, не лишитъ меня и теперь своей помощи

и что я, съ вашего благословенія, доставлю утѣшеніе тому, кого желала бы вернуть вамъ цѣною собственной жизни.

„Никогда не стремилась я такъ, какъ теперь, къ счастію чувствовать себя въ вашихъ объятіяхъ. Но не пріѣзжайте сюда ранѣе того времени, когда будете увѣрены въ прекращеніи болѣзни, которая здѣсь господствуетъ. Мнѣ кажется, что я вполнѣ обезпечена отъ всякой опасности, такъ какъ живу въ вашемъ домѣ и ввѣрена попеченіямъ д-ра Мандилинга, который весьма щедръ на предосторожности. Вы можете представить себѣ, какъ мы живемъ въ томъ главномъ домѣ, который вы занимали прошлой зимой. Наша дорогая и добрая Лиза провела здѣсь 4 дня, которые показались ей долгими вслѣдствіе томительнаго нетерпѣнія свидѣться съ мужемъ и дѣтьми. Мы разстались съ ней 23-го сентября, и хотя она обѣщала не оставлять насъ безъ извѣстій, но, по всей вѣроятности, дорога ея продлится вслѣдствіе карантиновъ, а письма ея задержатся почтою“.

„Молитесь о вашей дочери! — восклицаетъ Камилла, обращаясь къ своей будущей матери. — Я подъ рукою Провидѣнія, оно доведетъ свою милость до конца и, надѣюсь, не откажетъ мнѣ въ счастіи скораго свиданія съ вами“.

Намъ неизвѣстно, какъ провела Камилла зиму, когда именно и съ кѣмъ она отправилась слѣдующею весною въ Сибирь, но записки Басаргина даютъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о житьѣ-бытьѣ Василія Петровича съ того времени, какъ онъ принялъ предложеніе своей невѣсты, до того, какъ она пріѣхала къ нему.

Ивашевъ не долго оставался въ Читѣ послѣ полученія неожиданнаго извѣстія, имѣвшаго такое рѣшительное вліяніе на его судьбу.

Лѣтомъ 1830 года казематъ въ Петровскомъ заводѣ былъ отстроенъ и окончательно изготовленъ. Въ іюлѣ

мѣсяцѣ началось переселеніе каторжниковъ, раздѣленныхъ на нѣсколько партій. Путешествіе въ 600 верстъ потребовало около мѣсяца времени. Дорогою Ивашевъ не разлучался съ Басаргинымъ и Мухановымъ, своими ближайшими товарищами по заключенію. Наконецъ, къ осени каторжники были размѣщены въ новыхъ казематахъ, приспособленныхъ большею частью къ одиночному заключенію. Днемъ они могли видѣться другъ съ другомъ на работахъ и на прогулкахъ, которыя имъ иногда дозволялись въ тюремномъ садикѣ. Ихъ бывшій начальникъ Лепарскій былъ переведенъ вмѣстѣ съ ними въ Петровскій заводъ и продолжалъ снисходительно къ нимъ относиться. Нѣкоторыя изъ женъ заключенныхъ пріѣхали къ мужьямъ изъ Россіи и составили цѣлую дамскую слободку, построенную вблизи каземата. Товарищи по заключенію продолжали жить дружно между собою. По добротѣ Лепарскаго, они могли свободно предаваться любимымъ своимъ занятіямъ. Кто рисовалъ и писалъ стихи, какъ, напр., Ивашевъ, кто занимался ремеслами. Нѣкоторые изучали новые языки, другіе интересовались разными научными предметами. Всѣ, вообще, слѣдили за литературными новостями по газетамъ и журналамъ, получавшимся на счетъ суммъ артели, которая составилась между каторжниками для удовлетворенія матеріальныхъ нуждъ на общинныхъ началахъ и въ которой Ивашевъ участвовалъ на сумму 1000 рублей ассигнаціями. Такъ прошла первая зима въ Петровскомъ заводѣ.

Камилла Петровна пріѣхала въ Петровскій заводъ осенью 1831 года, т.-е. черезъ годъ послѣ того, какъ Ивашевъ узналъ о ея любви и предложеніи раздѣлить съ нимъ горькую судьбу. Въ ожиданіи пріѣзда невѣсты Василій Петровичъ озаботился постройкою для нея дома и обзаведеніемъ первоначальнаго хозяйства. По всей вѣроятности, онъ употребилъ на это 500 руб., оставшіеся у него отъ вклада въ артель. Камилла по-

мѣстилась на время у княгини М. Н. Волконской, но не долго прождала свадьбы. Черезъ пять дней по пріѣздѣ она была обвѣнчана съ Ивашевымъ. Лепарскій разрѣшилъ молодымъ провести медовый мѣсяцъ въ своемъ собственномъ домѣ. Затѣмъ Камилла раздѣлила заключеніе своего мужа и перешла въ его № каземата. Такъ прожила она до разрѣшенія всѣмъ женатымъ каторжникамъ жить въ своихъ домахъ.

Камилла произвела на товарищей Ивашева очень хорошее впечатлѣніе. По отзыву Басаргина, это была милая, образованная молодая женщина. Она раздѣляла заботы и труды остальныхъ женъ каторжниковъ и заслужила наравнѣ съ ними эпитетъ ангела, которымъ эти самоотверженныя женщины надѣляются въ запискахъ декабристовъ и въ стихотвореніяхъ А. И. Одоевскаго. Ивашевы были особенно дружны съ Басаргинымъ, съ которымъ Василій Петровичъ сблизился, какъ мы видѣли, еще во время своей холостой жизни. „Я имѣлъ большое утѣшеніе въ семействѣ Ивашевыхъ, — говоритъ Басаргинъ въ своихъ запискахъ, — живя съ ними, какъ съ самыми близкими родными, какъ съ братомъ и сестрой. Видались мы почти каждый день, вполнѣ сочувствовали другъ другу и дѣлились между собою всѣмъ, что было на умѣ и на сердцѣ“. Басаргинъ былъ крестнымъ отцомъ перваго сына, родившагося у Ивашевыхъ. Но ребенокъ этотъ прожилъ не долго и умеръ на второмъ году. Опечаленные родители были вскорѣ утѣшены рожденіемъ дочери, которую тоже крестилъ Басаргинъ. Послѣдній въ 1834 году былъ боленъ воспаленіемъ въ мозгу. Во время его мучительной и опасной болѣзни Ивашевъ и его жена безпрестанно навѣщали его. Камилла готовила ему кушанье у себя на дому. Басаргинъ съ горячей признательностью говоритъ объ этомъ времени и упоминаетъ о попеченіяхъ и предупредительной заботливости окружавшихъ его, какъ объ условіяхъ, оказавшихся благопріятными для его выздоровленія.

При такихъ отношеніяхъ понятны желаніе Ивашевыхъ не разставаться съ своимъ другомъ даже при предстоящемъ освобожденіи изъ острога и мѣры, принятыя ими для того, чтобы быть назначенными къ поселенію въ одномъ мѣстѣ съ Басаргинымъ. Василій Петровичъ выражалъ это желаніе въ письмахъ къ своимъ родителямъ. Петръ Никифоровичъ и его жена выхлопотали чрезъ графа Бенкендорфа своему сыну позволеніе не разлучаться съ Басаргинымъ и по окончаніи срока заключенія.

Между тѣмъ, срокъ каторги, назначенный для осужденныхъ по II разряду, былъ сокращенъ на половину, по поводу различныхъ придворныхъ событій, и въ концѣ 1835 года Ивашеву и Басаргину было объявлено, что они выпускаются изъ тюрьмы и назначаются на поселеніе. Пока продолжалась переписка по этому предмету, въ виду неимѣнія никакихъ ясныхъ распоряженій изъ Петербурга, прошло еще полгода, въ теченіе котораго каторжники II разряда стали пользоваться полною свободой. Начались посѣщенія товарищей, прощальные обѣды. Наконецъ, къ іюлю мѣсяцу пришло изъ Петербурга распредѣленіе мѣстъ, въ которыя бывшіе каторжники назначались на поселеніе. Ивашеву, по просьбѣ его матери, было опредѣлено жить вмѣстѣ съ Басаргинымъ въ Туринскѣ, городѣ Тобольской губерніи. Въ іюлѣ 1836 года началось отправленіе поселенцевъ изъ Петровскаго завода. Сперва уѣхали холостые. Басаргинъ остался, дожидаясь Ивашевыхъ, которыхъ ему позволили сопутствовать, такъ какъ они отправлялись въ одно и то же мѣсто. Передъ отъѣздомъ переселенцы не забыли выразить своей благодарности доброму старику Лепарскому и со слезами простились съ нимъ.

„Прощальный обѣдъ нашъ былъ у Волконскаго, — разсказываетъ Басаргинъ. — Тутъ собралась большая часть товарищей нашихъ. Съ тѣми же, которые не могли на немъ присутствовать, мы простились въ казематахъ.

Шумно и грустно провели мы послѣдніе часы. Тостовъ было много. Наконецъ, мы крѣпко, со слезами, обнялись другъ съ другомъ, простились со всѣми и, размѣстившись въ экипажи, оставили Петровскій".

Путь въ Туринскъ лежалъ черезъ озеро Байкалъ, Иркутскъ, Красноярскъ, Томскъ и Тобольскъ. Въ Иркутскѣ и Красноярскѣ путешественники отдыхали по нѣскольку дней. Изъ Томска, гдѣ Ивашевы были задержаны около двухъ недѣль болѣзнью ребенка, Басаргинъ поѣхалъ одинъ впередъ.

Наконецъ, къ сентябрю 1836 года друзья снова соединились въ Туринскѣ. Сперва они жили тамъ втроемъ, а потомъ, года черезъ три, туда пріѣхали нѣкоторые изъ осужденныхъ по I разряду, которымъ тоже былъ сокращенъ срокъ наказанія, именно Пущинъ и Анненковъ съ женою.

Ивашевы скромно и спокойно зажили на поселеніи и вскорѣ заслужили общую любовь и уваженіе жителей Туринска. Чиновники и начальство вѣжливо обращались съ ними. Семейство Василія Петровича увеличилось въ это время рожденіемъ двухъ дѣтей и состояло теперь изъ двухъ дѣвочекъ и одного мальчика. Петръ Никифоровичъ, его жена и дочери продолжали быть въ самыхъ родственныхъ отношеніяхъ съ Камиллой, ея мужемъ и дѣтьми. Письма изъ Россіи поражали Басаргина нѣжною заботливостью, душевною преданностью и неограниченною любовью.

Но Василію Петровичу не долго суждено было наслаждаться семейнымъ счастьемъ. Въ 1839 году умерла жена его отъ родильной горячки. Ровно черезъ годъ, день въ день, послѣ смерти Камиллы Петровны апоплексическій ударъ прекратилъ жизнь ея мужа. Маленькія дѣти ихъ остались на попеченіи бабушки Ледантю, И. И. Пущина, жившаго въ одномъ домѣ съ Ивашевыми, и Басаргина. Е. П. Языкова, тетка ихъ, узнавъ о смерти брата, поспѣшила вмѣстѣ съ другими родственниками

выхлопотать разрѣшеніе отъ правительства на право возвращенія въ Россію дѣтей и М. П. Ледантю, которая поѣхала въ Сибирь въ 1838 году, подчинившись всѣмъ условіямъ, которымъ подлежатъ поселенцы. Разрѣшеніе это послѣдовало только въ 1841 году, съ условіемъ поселиться безвыѣздно въ Симбирской губерніи. Сначала родственники помѣстили дѣтей въ имѣніи покойнаго ихъ дѣда, Ивашева, Ундорахъ, гдѣ они и прожили два года до продажи имѣнія въ ихъ пользу. Впослѣдствіи дѣтямъ Ивашева было предоставлено имя ихъ отца. Послѣ продажи Ундоръ княгиня Хованская, старшая сестра В. П. Ивашева, жившая постоянно въ своемъ имѣніи около Симбирска, взяла дѣтей брата къ себѣ и воспитала ихъ вмѣстѣ съ своими дѣтьми. Сынъ Василія Петровича былъ опредѣленъ въ артиллерійское училище, а дочери вышли замужъ: старшая за Трубникова, бывшаго издателя *Биржевыхъ Вѣдомостей*, а другая — за Черкесова, бывшаго владѣльца извѣстнаго книжнаго магазина. *Веневитиновъ.*

Камилла Петровна Ивашева пріѣхала въ Читу, и черезъ два дня состоялся, весьма рѣдкій, вѣроятно, во всемъ мірѣ бракъ. Этотъ необычайный въ бытовой жизни поступокъ тронулъ душевныя струны поэта А. И. Одоевскаго и вызвалъ къ свѣту его стихотвореніе: „На пріѣздъ въ Сибирь къ жениху“, гдѣ онъ рисуетъ поэтически свѣтлый образъ Камиллы Петровны:

По дорогѣ столбовой
Колокольчикъ заливается,
Что не парень удалой
Мягкимъ снѣгомъ опушается;
Нѣтъ, то ласточка летитъ
По дорогѣ, красна дѣвица.
Мчатся кони... отъ копытъ
Вьется легкая метелица.

* * *

Кроясь въ пухѣ соболей,
Вся душою вдаль уносится,
Изъ задумчивыхъ очей
Капля слезъ за каплей просится...
Грустно ей... Родная мать
Тужитъ тугою сердечною
Больно душу оторвать
Отъ души разлукой вѣчною!

* * *

Сердце горю суждено:
Сердце на двое не дѣлится:
Разрывается оно...
Дальній путь предъ нею стелется.
Но зачѣмъ въ степную даль
Свѣтъ — душа стремится взорами?
Ждетъ и тамъ ее печаль
За желѣзными затворами.

* * *

Съ другомъ любо и въ тюрьмѣ!
Въ думѣ мыслитъ красна дѣвица:
Свѣтъ онъ мнѣ въ могильной тьмѣ
Встань, неси меня, метелица!
Занеси въ его тюрьму!
Пусть, какъ птичка домовитая,
Прилечу и я къ нему,
Притаюсь людьми забытая.

Щеглятьевъ.

Наталья Дмитріевна Фонфизина.

Въ личности и судьбѣ Натальи Дмитріевны необходимо остановить вниманіе, прежде всего на всемъ томъ, что такъ или иначе служитъ связующимъ звеномъ между нею и всѣмъ остальнымъ кружкомъ декабристовъ, такъ какъ общая участь, долговременная жизнь вмѣстѣ, среди одинаковыхъ условій, взаимное уваженіе и преданность, одинаковыя или сходныя надежды, огорченія и утраты, безъ сомнѣнія, не могли не сообщить всѣмъ имъ извѣстную оригинальную окраску, такъ сказать, нравственную физіономію. Общею чертою Натальи Дмитріевны съ другими декабристами слѣдуетъ считать ея возвышенное, идеалистическое настроеніе. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ исключительныхъ тяжелыхъ условій, среди которыхъ печально доживали свой тревожный вѣкъ декабристы, у нѣкоторыхъ изъ нихъ могли и даже *должны были* развиваться ненормальныя психическія проявленія, иногда достигавшія поразительныхъ размѣровъ, какъ у Энтальцева, Н. С. Бобрищева-Пушкина и пр., чаще же принимавшія характеръ скрытой, но убійственной, неизлѣчимой сердечной язвы. Такъ въ личности Натальи Дмитріевны, еще съ дѣтства нервной и экзальтированной, впослѣдствіи нельзя отрицать какого-то явно болѣзненнаго психическаго напряженія, дѣлавшаго ее часто слишкомъ пугливой безъ причины, иногда крайне раздражительной и, наконецъ, вообще, такъ сказать, субъектомъ истерическимъ, вслѣдствіе чего минутныя впечатлѣнія, какъ

мы не разъ увидимъ, часто имѣли надъ нею неотразимую силу. Въ зрѣлые годы Наталья Дмитріевна любила анализировать свои чувства и ощущенія; искать таинственной мистической связи между разными незначительными случайностями своей жизни; усматривать что-нибудь знаменательное, какой-то перстъ судьбы въ самыхъ обыденныхъ вещахъ; легко настраивалась въ мистическомъ духѣ и часто воспринимала внѣшнія впечатлѣнія съ такимъ исключительнымъ напряженіемъ чувства, что, кажется, нельзя и сомнѣваться въ тяжеломъ вліяніи жизненныхъ условій на весь складъ ея характера, а также и на своеобразное направленіе, которое подъ ихъ гнетомъ принимали ея врожденныя наклонности. Нерѣдко въ ея письмахъ чувствуется какая-то надорванная нота, показывающая, что автору много пришлось вынести и пережить на своемъ незавидномъ изгнанническомъ поприщѣ. Припомнимъ, что напр. у Достоевскаго, также обреченнаго на подобную участь, въ сочиненіяхъ то и дѣло вырывается надрывающій и щемящій душу вопль, и притомъ вопль не отъ временнаго тяжелаго настроенія, а отъ застарѣлой хронической боли въ сердцѣ. Въ обоихъ указанныхъ отношеніяхъ личность нашей героини получаетъ несомнѣнный интересъ въ довольно широкомъ смыслѣ; но, сверхъ того, какъ свидѣтельствуютъ всѣ сохранившіяся о ней воспоминанія, она и сама по себѣ была натурой чрезвычайно даровитой, разносторонней и въ высокой степени оригинальной. При этомъ считаемъ необходимымъ оговориться, что послѣднее замѣчаніе можетъ показаться съ перваго взгляда ослабляющимъ наши предыдущія слова; но, по нашему мнѣнію, индивидуальныя черты, никогда не сливаясь совершенно съ общими, должны гораздо рѣзче оттѣнять послѣднія въ томъ случаѣ, когда онѣ ярки и болѣе или менѣе значительны; въ натурахъ менѣе даровитыхъ и менѣе оригинальныхъ и общій элементъ отразится блѣднѣе и безцвѣтнѣе.

Наталья Дмитріевна Фонвизина.

Указывая всѣ эти соображенія, которыя сами собой возникаютъ при ближайшемъ изученіи личности Натальи Дмитріевны, мы просимъ читателей имѣть ихъ въ виду вообще при дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи, такъ какъ отмѣчать ихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ и примѣрахъ намъ не придется,—это было бы и безполезно, и утомительно: что справедливо въ общемъ, то при примѣненіи въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ имѣть значеніе личнаго и ни для кого необязательнаго соображенія.

Наталья Дмитріевна Фонвизина, дочь костромского предводителя Дмитрія Акимовича Апухтина, съ ранняго дѣтства обнаруживала задатки натуры богато-одаренной, въ высокой степени предпріимчивой къ красотамъ природы и необыкновенно склонной къ религіозному экстазу. Отличаясь выдающейся красотой, она въ то же время обладала душой сильной, энергической и всего менѣе способной мириться съ безцѣльной сутолокой обыденнаго существованія. Съ ранняго возраста у нея стало замѣчаться пренебрежительное и враждебное отношеніе къ пустотѣ и лжи свѣтскихъ условій. Одна изъ ея хорошихъ знакомыхъ и подругъ, М. Д. Францева, такъ разсказываетъ по слухамъ о ея дѣтствѣ: „Въ костромскихъ лѣсахъ воспитывалась ея *поэтическая натура*. Она любила поля, лѣса и вообще привольную жизнь среди народа и природы, не стѣсненную никакими лживыми личинами свѣтской жизни въ городѣ. Въ перепискѣ Н. Д. Фонвизиной въ самомъ дѣлѣ, даже въ довольно позднемъ возрастѣ, звучатъ иногда ноты искренняго поэтическаго чувства, особенно въ минуты глухого, тяжкаго отчаянія, когда она ощущала въ душѣ пустоту и содрогалась, вспоминая былое счастливое время. Такъ въ одномъ изъ писемъ къ Францевой Наталья Дмитріевна въ слѣдующихъ словахъ описываетъ свое внутреннее состояніе: „Терзаюсь, страдаю — и только!... Вѣрно, ты подумаешь: почему бы не молиться, и я

также думаю. Да вѣдь Господь даетъ молитву молящемуся. Я какъ будто и молюсь и сердце до краевъ полно, да что толку? лучше бы ужъ прежняя пустота, чѣмъ тѣснота теперешняя... Свѣтъ-то мои цвѣточки прежніе! Прекрасныя творенія Божія! какъ легко было мнѣ любить ихъ! Какъ дитя неразумное, возилась съ ними! И горе, и заботы, и душевныя волненія исчезали при видѣ ихъ и тонули въ ихъ благоуханіи... А теперь, Боже, Боже мой! и цвѣты бы мои всѣ разнесло и поломало внутреннимъ ураганомъ, все коверкающимъ, все исторгающимъ до корней въ моей духовной области". Такъ, сливая въ одинъ образъ буквальное собственное и аллегорическое представленіе о цвѣтахъ, измученная женщина вспоминала о золотыхъ грезахъ и чувствахъ лучшей опоры своей жизни... У своихъ знакомыхъ при первомъ удобномъ случаѣ Наталья Дмитріевна спѣшила всегда осматривать цвѣтники и оранжереи. А вотъ что однажды она говорила своему деверю о любви ея къ природѣ. „Виды природы, тишина полей и лѣсовъ всегда на меня дѣйствуютъ. Особенно люблю я воду! Не знаю отчего, но когда я вижу рѣки или озера, мнѣ становится какъ-то тоскливо по небесной отчизнѣ"... Привольно росла Наталья Дмитріевна въ домѣ обожавшихъ ее родителей, къ которымъ она навсегда сохранила самую горячую, задушевную привязанность, усиленную впослѣдствіи тяжкимъ гнетомъ разлуки. Она была единственной дочерью и пользовалась въ семьѣ всѣми правами балованнаго подростка. Увлеченная примѣромъ набожной матери, она страстно предалась чтенію книгъ религіознаго содержанія и мечтала всецѣло посвятить себя на служеніе Богу.

Въ юности съ Натальей Дмитріевной произошло событіе, оставившее на всю жизнь неизгладимые слѣды: пылкое воображеніе мечтательной дѣвушки, разгоряченное бесѣдами со странниками и монахинями, которыхъ охотно принимала ея набожная мать, воображеніе, настро-

енное въ духѣ религіознаго экстаза, въ яркихъ краскахъ рисовало ей величіе аскетическихъ подвиговъ, и она рано стала задумываться о монастырѣ. Сила и искренность ея благочестиваго увлеченія ясно обнаружились въ томъ вліяніи, какое имѣла въ этомъ случаѣ молодая дѣвушка на своего духовника, сельскаго священника, котораго Наталья Дмитріевна склонила къ участію въ исполненіи ея тайнаго замысла покинуть родительскій кровъ и навѣки разстаться съ міромъ. Съ благословеніемъ отпустилъ ее духовникъ изъ своего дома, остригши ей предварительно волосы и давъ ей одежду сына своего, въ которой она должна была явиться въ ближайшій монастырь. Спѣшимъ перейти къ тѣмъ даннымъ о ея жизни, которыя мы нашли въ сохранившемся семейномъ архивѣ Натальи Дмитріевны. Какое впечатлѣніе произвело неожиданное исчезновеніе дѣвушки изъ дому, мы можемъ отчасти видѣть изъ слѣдующихъ строкъ письма одной изъ родственницъ ея матери: „не будучи въ состояніи проникнуть въ тайну, окружающую поведеніе Натали, я теряюсь въ догадкахъ. Безъ сомнѣнія, если она отдалась сумасбродной мысли похоронить себя въ монастырѣ, то причиной этому ея черезчуръ пылкое воображеніе, но не сердце, доброта котораго намъ извѣстна“. По возвращеніи домой Наталью Дмитріевну со всѣхъ сторонъ ожидали выраженія самой горячей родственной преданности, и никому даже въ голову не приходило осыпать ее упреками или напоминать объ эксцентрическомъ поступкѣ.

Сохранилось преданіе, что еще прежде разсказаннаго эпизода молодая Апухтина, благодаря своей красотѣ имѣвшая множество поклонниковъ и блестящій успѣхъ въ ненавидимомъ ею свѣтѣ, была заинтригована страстными увѣреніями въ любви какого-то свѣтскаго льва, по фамиліи Рунсброка, вскорѣ отказавшагося отъ своего предложенія, когда онъ узналъ, что, сверхъ ожиданія, не можетъ разсчитывать на богатое приданое. Это оскор-

бленіе было тѣмъ чувствительнѣе, что Наталья Дмитріевна отказала уже многимъ женихамъ и вообще сторонилась отъ міра. Скоро обиженной дѣвушкѣ представился счастливый случай дать жестокій урокъ своему недавнему ухаживателю, когда, встрѣтившись съ нимъ въ обществѣ, уже по выходѣ замужъ за заслуженнаго и почтеннаго генерала, М. А. Фонвизина, она съ презрѣніемъ отвергла вспыхнувшее въ бывшемъ женихѣ пламя запоздалой любви. Этотъ случай будто бы послужилъ потомъ Пушкину канвой для сюжета „Евгенія Онѣгина“.

Для того, чтобы лучше познакомиться съ личностью Натальи Дмитріевны во время ея ранней молодости, за недостаткомъ непосредственно относящихся сюда данныхъ, остановимся нѣсколько на той средѣ и обстановкѣ, при которыхъ протекло ея дѣтство и юность. Такъ какъ съ тѣхъ поръ промелькнуло почти цѣлое столѣтіе, и обычаи, нравы и понятія за это время существенно измѣнились, то и не безынтересно на минуту перенестись мысленно въ ту отдаленную пору. Въ перепискѣ родственниковъ Натальи Дмитріевны ярко рисуются давно отжившія формы быта и тѣ патріархально-сентиметальныя отношенія, отъ которыхъ въ нашъ суровый вѣкъ вѣетъ какимъ-то наивнымъ сказочнымъ добродушіемъ. Вотъ передъ нами бабушки, тетушки и другіе сродники молодой дѣвушки, искренно обожающія ее по чувству родства, неизмѣнно прославляющія старину и прежніе чистосердечные нравы и притязательныя привычки, съ грѣхомъ пополамъ пишущія по-французски и совсѣмъ безграмотно на своемъ родномъ языкѣ, сохранившія въ своемъ говорѣ много простонародныхъ словъ и выраженій, свято преданныя религіознымъ обрядамъ и обычаямъ дѣдовъ, простодушныя, любящія и въ то же время глубоко невѣжественныя старинныя русскія дворянки. За ними слѣдуютъ представительницы сравнительно молодого поколѣнія, сентиментальныя, разочарованныя, склонныя къ изліяніямъ нѣжныхъ чувствъ,

восхищающіяся прелестью одиночества, но такія же сердечныя и родственныя, какъ ихъ матери и бабушки. Чтобы почувствовать осязательно близость этой нехитрой и благодушной атмосферы, стоитъ лишь привести нѣсколько характерныхъ выдержекъ изъ переписки. Такъ одной изъ родственницъ Натальи Дмитріевны, юной Александринѣ Кологривовой, приходилось иногда по нѣсколько мѣсяцевъ проводить вдали отъ родныхъ, къ которымъ она была привязана всѣмъ сердцемъ, и вотъ она пишетъ имъ посланіе за посланіемъ, расточая цвѣты краснорѣчія для изображенія своей нѣжной грусти, наполняетъ письма однообразными объясненіями въ родственной любви и сентиментально подписываетъ вверху писемъ: „pour vous seule“ или: „Богу и вамъ“ — въ горячихъ, страстныхъ тирадахъ изливая свою тоску по дорогимъ ей людямъ, вдругъ разражается громовыми обличеніями противъ бездушнаго свѣта, обманутыхъ надеждъ и проч. Вотъ идеалъ ея жизни: „Une solitude agréable, mes amis autour de moi, l'étude, la lecture, les beaux arts — voilà mon paradis terrestre! Mais il faut vivre dans le monde, il faut être dans une société où je ne suis jamais ce que je suis chez moi“. О натянутой жизни въ свѣтскомъ обществѣ она довольно мѣтко выражается: Se parer, se pomponer pour s'ennuyer — voilà un argent bien emploué! Въ такомъ же духѣ написаны и всѣ остальныя письма. Вотъ напр. невинные, сентиментальные вопли разочарованія: „Ah, mon ange, mon digne ange! le monde ne m'offre aucun attrait: je suis desenchantée!“ или: „Le monde ne me parait qu'un vaste théâtre et les hommes comédiens qui changent des roles, comme il leur plait!“ Наконецъ: „Qu'ils étaient beaux, les rêves de mon imagination! Quel monde enchanté j'habitais! — Où est-il? monde imaginaire? Où sont ces fantomes de félicité?“ Но всего эффектнѣе сентиментальные восторги, предвкушаемые отъ одной мысли, что скоро удастся будто бы навсегда покинуть ce monde imaginaire и навѣки

соединиться въ сладостныхъ объятіяхъ родственной дружбы. Какъ все это отзывается невозвратнымъ прошлымъ, когда высочайшая степень отчаяннаго разочарованія выражалась въ непосѣщеніи баловъ и театровъ, какъ это напоминаетъ времена Карамзина и „Бѣдной Лизы“ и какъ страшно далеко отъ нашего вѣка напряженной борьбы за существованіе! Если собрать побольше такихъ образчиковъ наивнаго прекраснодушія нашихъ предковъ, то, быть можетъ, намъ удалось бы найти прямую дорогу отъ литературнаго карамзинскаго сентиментализма къ послѣднимъ остаткамъ невинныхъ сентиментальныхъ чертъ въ жизни во времена Маниловыхъ. Какъ вспоминаются фразы, сказанныя Маниловымъ Павлу Ивановичу Чичикову объ майскомъ днѣ, объ именинахъ сердца, при чтеніи слѣдующихъ серіозно и искренно написанныхъ строкъ въ одномъ посланіи Александрины: „Mon amie, oublions le monde et ses illusions dans les bras de l'amitié!“ или: „Il reviendra donc, ce jour de notre réunion, et il n'est pas loin! Alors, mon amie, alors... J'oublierai le monde, les plaisirs, les illusions mensongers et je serais heureuse!“ Такой же маниловщиной въ карамзинскомъ стилѣ вѣетъ и отъ слѣдующихъ восторженныхъ гимновъ природѣ: „Hier je passais toute la journée dans les bois. Quel charme j'éprouvais aux chants de la plaintive Philomèle!“ Это было еще то счастливое время, когда почти единственнымъ огорченіемъ считалась разлука съ родными и когда наивность простиралась до того, что изъ одного города въ другой, какъ интересную новость, сообщали что вотъ-де въ Орлѣ случилось исторія: тринадцатилѣтняго мальчика подучили при всѣхъ въ шутку расцѣловать какую-то солидную особу.

Какъ бы ни возвышалась надъ этимъ родственнымъ кругомъ въ отношеніи уровня развитія и понятій Наталья Дмитріевна, но она не была отъ него такъ удалена, какъ мы, позднѣйшіе потомки, и ей, конечно,

нисколько не казались странными ни тогдашняя слащавая сентиментальность ни окружавшая ее умственная ограниченность; мало того: въ ней самой, можно сказать, совершенно уживались горячія сочувствія идеямъ передовыхъ умовъ начала нашего вѣка съ традиціями и суевѣріями ея старозавѣтной домашней среды. Она и сама на всю жизнь всосала въ себя немалую дозу суевѣрія, мистицизма, слезливости и многихъ другихъ качествъ, которыя роднили ее съ этой средой и остались въ ней характернымъ отпечаткомъ былого времени въ значительно позднѣйшіе годы. Впрочемъ, и Кологривовы въ представителяхъ своихъ младшихъ поколѣній были для своей поры люди образованные и развитые, любили искусства, чувствовали красоты природы, вращались въ хорошемъ обществѣ и не были даже лишены нѣкотораго литературнаго развитія. Но все это принимало формы уже тогда отживавшаго времени, и вотъ продуктомъ этой-то среды и этой эпохи и была до извѣстной степени также Наталья Дмитріевна, объ одномъ родственникѣ которой одна изъ ея тетокъ такъ выражалась въ письмѣ: „онъ, благодаря Бога, живъ, здоровъ и обыгрываетъ насъ въ бостонъ". Другая тетка такъ же лаконически охарактеризовала обычное времяпрепровожденіе другихъ членовъ семьи: „молодые наши, двѣ недѣли все танцовали, хоть въ три пары, да, по крайней мѣрѣ, довольно труда было ихъ ногамъ, а мы (старики) за работой — вотъ и все наше занятіе". Если бы мы задали себѣ вопросъ, какую роль играла въ этой сферѣ Наталья Дмитріевна и какъ смотрѣли на нее со стороны, то прямой отвѣтъ на него найдемъ въ письмѣ къ ея матери отъ Александрины Кологривовой. Высказывая обычное пожеланіе счастливаго замужества Натальи Дмитріевны, которую по возрасту стали уже считать невѣстой, Александрина говоритъ ея матери: „Oh, mon amie! pardonnez moi ce désir — puisse t'elle marier avant la fin de l'année (1820):

c'est un de mes voeux les plus chers. J'aimerais à la voir entrée à bon port avant qu'elle ait connu les dangers de la mer orageuse. Si jeune! si innocente! c'est un ange! Si j'etais jamais mère, savez vous où j'irais élever mes filles?—Dans une terre, comme la vôtre, aussi isolée, aussi eloignée de toute contagion". Впрочемъ, эта сочувственная оцѣнка личности Натальи Дмитріевны не помѣшала той же Александринѣ замѣтить въ ней единственный, по ея мнѣнію, недостатокъ—наклонность къ романтическому настроенію: „Je ne lui trouve qu'un defaut. *Elle est portée à être romanesque*". Можно поэтому судить, какова же была экзальтація самой Натальи Дмитріевны, если ея восторженная, чувствительная подруга, начитавшаяся сентиментальныхъ французскихъ романовъ, находила ее черезчуръ романической натурой, съ чрезмѣрно воспламененнымъ воображеніемъ! Въ то же время и той же родственницѣ характеръ нашей героини представлялся необыкновенно эксцентрическимъ и въ этомъ смыслѣ внушающимъ опасенія, вслѣдствіе чего она рѣшилась дать совѣтъ заботливой матери тайно пересматривать письма, бумаги, альбомы дочери и удалять отъ нея все, что носило бы слѣды дурной игры страстей.

Здѣсь мы встрѣчаемъ пробѣлъ въ свѣдѣніяхъ о жизни Натальи Дмитріевны, лишающій насъ возможности обстоятельно разъяснить, какъ именно и насколько быстро, при врожденной наклонности къ идеаламъ и отвращенію отъ безсмысленнаго прозябанія, въ восторженной дѣвушкѣ произошелъ поворотъ отъ рѣзко очерченнаго и замкнутаго круга жизни согласно традиціямъ, среди атмосферы баловъ, легкомысленныхъ любовныхъ интригъ и благодушнаго времяпровожденія, къ отреченію въ принципѣ и на дѣлѣ отъ благъ паразитнаго существованія. Неизвѣстно также, не былъ ли благородный огонь идеализма причиной избранія ея въ супруги такимъ человѣкомъ, какъ М. А. Фонвизинъ. Но во вся-

комъ случаѣ, если послѣдній нашелъ въ будущей женѣ отголосокъ на мучившіе его запросы и требованія отъ жизни, то лишь въ самомъ общемъ и условномъ смыслѣ. Есть одно мѣсто въ перепискѣ, правда, относящееся къ значительно позднѣйшему времени, но дающее полное основаніе думать, что Наталья Дмитріевна и въ ранней молодости отнеслась съ горячимъ сочувствіемъ не столько къ цѣли и опредѣленнымъ идеямъ общества, въ которое вступилъ ея мужъ, сколько понимала дѣло отвлеченнымъ образомъ, поддаваясь безкорыстному побужденію, увлекавшему ея Мишеля на жертву собой для блага другихъ. Въ сущности душа ея стремилась къ чему-то необычайному, къ какому-то великодушному подвигу. Натура ея была пламенная, эксцентрическая, и она чувствовала непобѣдимое влеченіе къ роковымъ безповоротнымъ рѣшеніямъ въ самомъ исключительномъ смыслѣ. Какъ только представился первый благопріятный случай къ тому, она съ жаромъ изступленнаго фанатизма бросилась въ открытую пропасть и, несмотря на неизбѣжный внутренній разладъ при мысли о близкихъ и дорогихъ людяхъ, въ глубинѣ души благословила свой трудный жребій. Впослѣдствіи, отказавшись отчасти отъ горячки увлеченій юности, она сильно протестовала противъ сохранившейся у нѣкоторыхъ декабристовъ въ ссылкѣ, какъ она говорила, привычки давать своимъ сужденіямъ либеральную окраску, которую она называла тогда „ангеломъ тьмы въ образѣ свѣтлаго ангела“; она даже торжествовала внутренно, когда замѣчала въ своемъ Мишелѣ поворотъ отъ либерализма къ міросозерцанію ей болѣе сродному и близкому. Въ своихъ мысляхъ объ этомъ предметѣ она позже руководилась особенно пророчествомъ ап. Петра о послѣднихъ временахъ, гдѣ „ясно опредѣленъ этотъ ужасный духъ времени, времени — продолжаетъ она — которое мы, къ несчастью, переживаемъ и котораго *по недоразумѣнію чуть было не сдѣлались добычей*“.

Несомнѣнно, что въ горькую годину изгнанія Наталья Дмитріевна, уже зрѣлая женщина, благодаря личной даровитости и болѣе убѣжденному страстному исповѣданію своихъ внутреннихъ движеній и помысловъ, постепенно пріобрѣла могущественную власть надъ старѣвшимъ уже мужемъ; и если возможно допустить въ самую раннюю пору ихъ сближенія извѣстную долю вліянія его на будущую подругу жизни, то и тогда это вліяніе было, вѣроятно, далеко не полное. Однажды, въ началѣ сороковыхъ годовъ, сообщая матери о происшедшемъ въ ея мужѣ желанномъ для нея душевномъ переворотѣ, она замѣчаетъ: „на-дняхъ была пріятно удивлена, услышавъ Мишеля откровенно изъясняющимъ свои мнѣнія товарищамъ въ искренней бесѣдѣ; въ сожалѣніи о прежнемъ заблужденіи онъ такъ выразился: „если бы Господь допустилъ меня увидѣть дѣтей, я бы счелъ первымъ долгомъ взять съ нихъ слово никогда не вступать ни въ какое тайное общество; все это нехорошо и противозаконно; такое средство при самой благой цѣли не годится, будучи основано на лжи, обманѣ и укрывательствѣ“. Именно послѣдняго никакъ не могла выносить натура Натальи Дмитріевны, которая всегда рѣшалась на отчаянный рискъ при свѣтѣ бѣлаго дня и на глазахъ у всѣхъ дорогихъ и ненавистныхъ ей людей. Если она ушла тайкомъ отъ родителей въ монастырь, то, безъ сомнѣнія, только потому, что въ противномъ случаѣ былъ бы не осуществимъ ея планъ, и если она послѣдовала за мужемъ въ его предпріятіи, то принимала въ немъ самое горячее участіе сердцемъ, участіе нравственное, но сама итти долго тайнымъ путемъ едва ли была въ состояніи. Другое дѣла — бросить все и пуститься за мужемъ въ ссылку, торжественно похоронивъ въ виду всѣхъ свою молодость и свѣтлыя надежды — такой порывъ какъ нельзя больше согласовался съ ея страстной натурой. Не однажды она вспоминала потомъ, какъ въ мо-

лодыхъ годахъ еще „въ счастливой, повидимому, жизни душа ея рвалась въ другой, лучшій міръ и уже тогда земная жизнь со всѣми ея обольщеніями, столь сильными въ юности, мало представляла ей радостей“. — „Сокровище мое, — говорила она съ явной скорбью о незабвенныхъ дняхъ юныхъ восторженныхъ порывовъ, — было не здѣсь: я было потеряла его совсѣмъ изъ виду на время и ничѣмъ не могла замѣстить. Если бы Господь отнялъ отъ меня свое ощутительное присутствіе — это можетъ дать мнѣ понятіе объ адскихъ мукахъ; но міръ уже потерялъ для меня всю цѣну; покровы обольстительные давно спали съ глазъ моихъ“. Въ одномъ мѣстѣ переписки находимъ любопытное признаніе Натальи Дмитріевны, что, когда однажды одна изъ тетокъ подарила ей книгу „Trésor du Chrétien“, то ее ошеломило одно мѣсто совершеннымъ совпаденіемъ съ тѣмъ, что бродило у нея на душѣ и настоятельно требовало себѣ простора; въ немъ она нашла „совершенный отзывъ своему расположенію“, послѣ чего она уже не могла противиться внутреннему голосу, призывавшему ее къ иной, самой отверженной и великой въ своемъ уничиженіи долѣ, и „жизнь въ мірѣ, какою всѣ живутъ, этотъ житейскій бытъ, показался ей смертью“.

Побѣгъ въ Бельмажскій монастырь произошелъ въ половинѣ 1821 г., а въ концѣ его Наташа была уже невѣстой. Всѣхъ удивила сдѣланная ею партія, такъ какъ мужемъ ея сталъ двоюродный дядя, человѣкъ почти сорока лѣтъ. Судьба связала ее съ человѣкомъ въ чинахъ, пользовавшимся большимъ вѣсомъ и виднымъ служебнымъ положеніемъ, но вступившимъ въ тайное общество и вскорѣ приговореннымъ до окончательнаго рѣшенія дѣла къ заключенію въ Петропавловской крѣпости. Черезъ годъ Наталья Дмитріевна была уже матерью и готовилась ко вторымъ родамъ. Познакомившись изъ предыдущаго очерка съ энергическимъ характеромъ этой

женщины, мы легко поймемъ, что она безъ колебаній обрекла себя на тяжелую участь изгнанницы. Никакіе отговоры и убѣжденія родителей не могли на нее подѣйствовать: что однажды было ею рѣшено, того нельзя было заставить ее перемѣнить. Она словно обрадовалась подвигу и страданіямъ. Наступила пора нестерпимыхъ мученій, неизвѣстности, которая злѣе самой злой, но опредѣленной и выяснившейся доли. Внезапное появленіе въ ихъ помѣстьѣ Крюковѣ деверя Натальи Дмитріевны, Ивана Александровича, въ сопровожденіи неизвѣстныхъ лицъ, почти вслѣдъ за роковымъ днемъ 14-го декабря, мигомъ объяснило ей, что участь ея мужа рѣшена. Михаилъ Александровичъ былъ тотчасъ же увезенъ и вслѣдъ за тѣмъ арестованъ, а Наталья Дмитріевна по беременности оставалась дома. Недавно еще она уѣзжала куда-то изъ Крюкова и получала отъ мужа обыкновенныя спокойныя письма, въ которыхъ онъ, впрочемъ, убѣждалъ ее скорѣе вернуться, ссылаясь на нетерпѣніе поскорѣе ее видѣть, — а теперь, послѣ короткаго свиданія, супругамъ грозила уже продолжительная разлука. Съ обѣихъ сторонъ высказывалось естественное желаніе поскорѣе увидѣться, заслонившее собою все остальное. „Сегодня минуло пять мѣсяцевъ, — писалъ однажды женѣ Михаилъ Александровичъ, — какъ я нахожусь въ крѣпости. Какимъ бы образомъ ни рѣшилась участь моя, надѣюсь, что мнѣ не откажутъ въ благодѣяніи съ тобой увидѣться, тѣмъ болѣе, что я увѣренъ, что ты употребишь всѣ средства испросить сіе позволеніе“. Эти строки получились уже Натальей Дмитріевной не въ деревнѣ, а въ Петербургѣ, куда она примчалась при первой возможности, сгорая отъ нетерпѣнія раздѣлить судьбу мужа, а пока чаще съ нимъ видѣться (вслѣдствіе чего Михаилу Александровичу нельзя ставить въ упрекъ поощреніе намѣренію жены принести для него жертву, тогда какъ, напротивъ, онъ всячески старался потомъ отклонить ея намѣреніе слѣ-

довать за нимъ въ ссылку). Состояніе духа Натальи Дмитріевны въ Петербургѣ все время было мрачное и возбужденное. Она постоянно писала мужу, добилась свиданія съ нимъ, но, стѣсненная надзоромъ и краткосрочностью встрѣчъ, не находила рѣчей и возвращалась домой измученная и неудовлетворенная, страдая въ то же время отъ сильнаго желанія поскорѣе вернуться къ своимъ изъ чужого города, казавшагося ей ненавистнымъ при такихъ грустныхъ обстоятельствахъ. Даже сны, переносившіе ее въ счастливое прошлое или льстившіе несбыточными мечтами объ освобожденіи мужа, еще больше усиливали щемящее чувство тоски. Въ это время единственную отраду она находила въ перечитываніи „Войнаровскаго", припоминая, какъ мужъ увлекался имъ „во время счастливое, не воображая, какое сходство будетъ его положенія съ этимъ". Она завидовала деверю своему Ивану Александровичу, который могъ раньше ея уѣхать въ Москву и увидѣть ея сына и мать. По возвращеніи въ Москву Наталья Дмитріевна скоро добилась согласія со стороны родныхъ на слѣдованіе за мужемъ въ Сибирь и, изнывая отъ нетерпѣнія вновь соединить съ нимъ свою судьбу, то убѣждала его не отклонять ея поѣздку, то уговаривала не смущаться медленностью ея сборовъ. Какъ бы то ни было, послѣдніе дни передъ отъѣздомъ не могли не мучить даже эту рѣшительную женщину: „иногда, — признается она, — „смотря на маменьку и малютокъ нашихъ, думаю: скоро примчится и роковая минута разлуки, можетъ быть вѣчной, и, думая это, желала бы остановить нѣсколько быстрый полетъ его". Въ слѣдующемъ письмѣ она повторяетъ: „Какъ сладостна для меня мысль, что я буду вполнѣ раздѣлять участь твою! Повѣришь ли, что она украшаетъ мое существованіе!" Предавшись совершенно мысли о скоромъ отъѣздѣ, Наталья Дмитріевна сердилась на задержки и промедленія и оскорблялась, если замѣчала въ близкихъ эгоистиче-

скія опасенія за себя въ отношеніи смѣлаго заявленія своихъ чувствъ въ письмахъ къ ея несчастному мужу*). Такъ съ нѣкоторой иронической досадой, вслѣдъ за немногими боязливыми строками приписки къ ея письму деверя, она берется снова за перо, чтобы прибавить: „братъ пишетъ мало; боится чего-то". Въ послѣднія минуты ей съ особенной живостью припомнилась недавняя смерть невѣстки (жены Ивана Александровича), наводившая грустныя думы о вѣчной разлукѣ, можетъ быть, и съ другими близкими сердцу, что впослѣдствіи и сбылось, и на собственныхъ дѣтей она смотрѣла, по ея словамъ, какъ на не принадлежащихъ ей уже болѣе. Въ жестокомъ нравственномъ страданіи она готова была бы даже вернуть дни заточенія своего мужа въ Петропавловской крѣпости, когда еще всѣ родные ея были близко, и она, при всей горести, имѣла отрадныя минуты. Свинцовая туча надвигалась все ближе, и ужасъ мрачной неизвѣстности представалъ съ каждымъ часомъ яснѣе. Страшно было заглядывать впередъ, но тяжелое нравственное состояніе облегчалось для нея мыслью, что „страждущіе съ терпѣніемъ *здѣсь*, вознаграждаются *тамъ*, гдѣ не будетъ уже ни разлуки ни страданія". Особенно же отчаяніе овладѣвало ею при прощальномъ взглядѣ на родныя мѣста въ деревнѣ и въ Москвѣ. Она набросала письмо мужу, начинающееся слѣдующими словами: „Какъ грустно мнѣ было видѣть всѣ предметы меня окружающіе, воспоминанія блаженнаго, невозвратнаго времени истерзали мнѣ душу!... Садикъ очень разросся, и вся деревня какъ-то украсилась; но прекрасныя

---

*) Въ неизвѣстныхъ запискахъ декабриста борона Розена находимъ слѣдующее любопытное указаніе, дающее понятіе о тяжеломъ нравственномъ состояніи М. А. Фонвизина во время его заключенія: „Одинъ изъ арестантовъ, Мих. Ал. Фонвизинъ, сколько ни старался, но не могъ перенести затворничества; хотя духомъ онъ бодрствовалъ, но нервы не сносили такого состоянія, и, наконецъ, приказано было, чтобы не запирали его дверей ни задвижками, ни замками, а чтобы часовой стоялъ въ его нумерѣ". (Зап. бар. Розена, стр. 134).

мѣста постылы безъ милыхъ сердцу!“ Подобно своей предшественницѣ на поприщѣ самоотреченія ради любимаго мужа, Натальѣ Борисовнѣ Долгорукой, она готовилась „все оставить для одного человѣка“. Мужественная рѣшимость взяла верхъ надъ страхомъ будущаго, и хотя у нея вырвался стонъ унынія въ словахъ: „время золотое протекло для меня безвозвратно“ и признаніе, что „сердце двоится, душа раздѣляется“; но это была послѣдняя дань жестокой внутренней боли, за которой послѣдовало снова страстное возбужденіе, выразившееся, между прочимъ, въ восторженныхъ возгласахъ: „какъ птица, вырвавшаяся изъ клѣтки, полечу я къ моему возлюбленному, дѣлить съ нимъ бѣдствія и всякія скорьби и соединиться съ нимъ снова на жизнь и смерть!“ Наконецъ, роковой моментъ настáлъ, и женщина, полная жизни и силъ, простилась съ родными и помчалась навстрѣчу своему темному и безотрадному будущему. Домъ точно опустѣлъ, и у всѣхъ оставшихся легъ на душу тяжелый камень. „Въ десятомъ часу вечера, — писалъ въ тотъ же или на другой день брату Иванъ Александровичъ, — нашелъ я маменьку на диванѣ въ изнеможеніи; она сама мнѣ сказала: „я очень спокойна, но чувствую маленькую слабость“. Отъ нея зашелъ къ дѣтямъ, но они уже спали“.

Въ половинѣ марта 1828 г. Наталья Дмитріевна прибыла въ Читу, откуда съ другими ссыльными черезъ нѣкоторое время была переселена въ Петровскій заводъ. На пути ее развлекало множество новыхъ впечатлѣній, но по водвореніи на мѣстѣ она тотчасъ же затосковала и увидѣла себя совершенно въ чуждой сферѣ. Она тотчасъ же завязала множество самыхъ дружескихъ отношеній „съ особами хорошими, милыми, любезными, гораздо лучше себя“, какъ она говорила; но онѣ не раздѣляли ея религіознаго экстаза, и она скоро научилась скрывать его и даже, насколько была въ силахъ, стала предаваться развлеченіямъ общественной жизни. „Я ни-

когда не говорила съ дамами высшаго круга о религіи", пишетъ она въ своей исповѣди. Кромѣ того, въ первое время по водвореніи въ Сибири Наталья Дмитріевна была совершенно поглощена льстившей ей надеждой, что не нынче, такъ завтра послѣдуетъ разрѣшеніе везти дѣтей вслѣдъ за родителями на мѣсто ссылки. Распространившіеся слухи были, вѣроятно, порожденіемъ задушевныхъ желаній самихъ декабристовъ — не болѣе; но имъ вѣрили. „Вы пишите, мой другъ", — отвѣчалъ Иванъ Александровичъ, — „что до васъ дошло свѣдѣніе о позволеніи везти дѣтей; положительно еще ничего не знаю, но вы можете быть напередъ увѣрены, что милостью на сей счетъ не замедлю воспользоваться".

— Надежда эта обманула, и сладкую мечту пришлось забыть. Мало-по-малу Наталья Дмитріевна освоилась съ своимъ новымъ положеніемъ и сошлась съ новыми подругами. О жизни Фонвизиныхъ въ Петровскомъ заводѣ и объ ихъ отношеніяхъ къ другимъ ссыльнымъ можно до нѣкоторой степени составить заключеніе по дошедшей до насъ перепискѣ ихъ 1834—1835 гг. Вся эта переписка переполнена выраженіями горячей преданности со стороны товарищей по несчастью, принужденныхъ еще года на полтора остаться въ Петровскомъ заводѣ, тогда какъ М. А. Фонвизинъ, принадлежавшій къ четвертому разряду государственныхъ преступниковъ, раньше многихъ другихъ былъ освобожденъ отъ каторжныхъ работъ и переселенъ съ женой въ Енисейскъ. Особенно горячее расположеніе питали къ нимъ оставшіеся на заводѣ Трубецкіе, Нарышкины, Давыдовы и безкорыстный медикъ-декабристъ Фердинандъ Богдановичъ Вольфъ. Всѣ они изъявляли скорбь, причиненную имъ разлукой послѣ многихъ лѣтъ жизни душа въ душу съ Натальей Дмитріевной и ея мужемъ, всѣ раздѣляли горе Фонвизиныхъ о ихъ болѣзни, объ умершемъ ребенкѣ и проч. Всѣ они тосковали за себя и другъ за друга. Нарышкина писала, что единственная ея мечта —

въ будущемъ снова пожить когда-нибудь съ Фонвизиными въ одномъ изъ сибирскихъ городовъ, но и эта надежда была призрачна при огромной сибирской территоріи. Такою же преданностью дышали письма Трубецкой и Давыдовой; одна изъ нихъ такъ оправдывала свое рѣдкое писаніе: „если бы какая-нибудь счастливая перемѣна случилась въ обстоятельствахъ нашихъ, какъ бы мы поспѣшили васъ подробно обо всемъ увѣдомить! Мы знаемъ, добрые друзья, что истинно порадовали бы васъ и доставили бы вамъ нѣсколько утѣшительныхъ минутъ, заставивъ забыть на время ваше собственное горе; но по сію пору мы все въ одномъ положеніи, или, лучше сказать, день ото дня дѣлается все хуже". Только семейныя радости не надолго разгоняли эту безпросвѣтную печаль и, благодаря имъ, „иногда, хотя и рѣдко, — какъ писала Давыдова, — на короткое время забываемъ, гдѣ мы теперь". При такихъ условіяхъ сила взаимной привязанности нѣсколькихъ семействъ простиралась до того, что Наталья Дмитріевна Фонвизина съ печалью вспоминала потомъ даже о Петровской тюрьмѣ, гдѣ оставила столько преданныхъ друзей.

Въ сердцахъ родственниковъ несчастье Натальи Дмитріевны отозвалось, конечно, не менѣе сильно. Какъ должны были показаться мелкими и ничтожными прежнія горести и сентиментальные вздохи, когда пришлось встрѣчать лицомъ къ лицу истинное несчастье! Но характеръ человѣка устанавливается, преимущественно, въ юные годы, а потому взросшимъ среди привольной обстановки тетушкамъ и другимъ сродникамъ Натальи Дмитріевны нетрудно было сохранить, вообще спасти среди испытаній свое довольно розовое міросозерцаніе. Онѣ не столько холоднымъ разсудкомъ взвѣшивали вѣроятность скораго помилованія дорогихъ узниковъ, сколько беззавѣтно и свято вѣрили, что все можетъ скоро перемѣниться. Временами эта увѣренность проявлялась въ чрезвычайно трогательной формѣ, когда,

вопреки вопіющей очевидности, какая-нибудь престарѣлая родственница, настроенная торжественными впечатлѣніями великаго праздника, неожиданно выражала въ письмѣ надежду и желаніе, „чтобы милосердный нашъ монархъ соединилъ насъ со всѣми родными и на будущій годъ мы праздновали бы день Пасхи въ кругу всего семейства“. Когда въ 1883 г. у Фонвизиныхъ родился въ Сибири сынъ Богданъ, вскорѣ умершій, то мать Натальи Дмитріевны, Марья Павловна, писала ей: „Одно слово царское — и вы съ нами. У меня теперь родился новый прожектъ на счетъ нашей Отрады (деревни). Никто, какъ Господь! Никто какъ царь земной! Кто знаетъ, какія могутъ быть перемѣны по ихъ милосердію въ вашей участи? Тогда, можетъ быть, Отрада была бы Богдашина! У Мити и у Миши довольно своего“... Старикъ Апухтинъ также писалъ однажды: „Что принадлежитъ до счастья, то, неоднократно испытанное какъ нами, такъ и самими вами, милосердіе государя императора наполняетъ мое сердце сладостной надеждой, что, судя насъ не по дѣламъ нашимъ, но по неизреченному милосердію своему, ему лишь свойственному, утѣшитъ онъ со временемъ соединеніемъ насъ. Сердце Царево въ руцѣ Божіей!“ Старуха мать Натальи Дмитріевны слезно умоляла дочь никогда только не упоминать въ письмахъ ненавистное слово тюрьма. Можно было бы, правда, заподозрить и въ то время извѣстную долю вліянія такъ называемой перлюстраціи на характеръ переписки, но такое предположеніе намъ кажется невѣроятнымъ по общему впечатлѣнію отъ нея, начиная отъ временъ, предшествовавшихъ катастрофѣ 14 декабря.

Во всякомъ случаѣ, припоминая, какъ въ тѣ времена смотрѣли на самую короткую разлуку съ родными, нельзя не подивиться умѣнію нашихъ предковъ переносить несчастья. Совершенно во вкусѣ добраго стараго времени родственницы Фонвизиной находили полное

успокоеніе въ томъ, что въ счастливые дни родственныхъ посѣщеній жалѣли и, какъ могли, ласкали двухъ мальчиковъ Натальи Дмитріевны. Одна изъ Кологривовыхъ даже сокрушалась, что не можетъ часто навѣщать дѣтей, чтобы не подать злымъ языкамъ повода къ какимъ-либо сплетнямъ. Теперь все прошлое казалось потеряннымъ раемъ, о которомъ отрадно хоть въ тѣсномъ кружкѣ вспомнить да поговорить: „Qu'est devenu le bon vieux temps", писала Александрина Кологривова, — „il'sest évanoui, comme tant de passés, que je ne sais me ressouvenir sans avoir l'âme affectée douloeureusement" *). Старуха Татьяна Кологривова по своему старалась утѣшать страдальцевъ, говоря: „желаю вамъ всего добраго, а особливо терпѣнія и покорности опредѣленію Всевышняго, чему примѣромъ намъ служитъ и нынѣшній торжественный праздникъ (Пасхи): за насъ и за наши грѣхи Христосъ волею шелъ на крестъ, волею претерпѣлъ всѣ мученія, чтобы спасти родъ человѣческій и своимъ примѣромъ научилъ и насъ безропотно и съ покорностью повиноваться опредѣленію Всемогущаго, Который рано или поздно, въ здѣшней или въ будущей жизни, но не оставитъ, а вознаградитъ насъ за наше смиреніе. Онъ самъ сказалъ: „претерпѣвый до конца, той спасется". Но, впрочемъ, иногда вырывались и другія рѣчи: „Хоть и твердимъ: да будетъ воля Его святая, но это очень легко на языкѣ, а на сердцѣ не то; но лучше не говорить объ этомъ".

Въ самомъ дѣлѣ, испытаніе было такъ велико, что черезъ нѣсколько лѣтъ ссылки у Натальи Дмитріевны появились какіе-то нервные припадки, въ родѣ сильнѣйшихъ порывовъ непобѣдимаго страха.

---

*) Впрочемъ, Александрина, когда попривыкла къ этому удару, стала снова впадать въ привычный тонъ, увѣряя свою кузину, что можно быть не менѣе несчастной и одинокой въ сердцѣ Россіи, какъ и въ пустынной Сибири.

Но заглянемъ въ жизнь той части семьи Натальи Дмитріевны, которая была оставлена ею на родинѣ. Еще передъ отъѣздомъ въ Сибирь ей пришлось позаботиться объ участи дѣтей, которыхъ она сильно любила и въ которыхъ ея материнское сердце съ каждымъ днемъ открывало все новыя достоинства. Дѣти были поручены сначала бабушкѣ, М. П. Апухтиной; но это распоряженіе скоро оказалось неудачнымъ. До Натальи Дмитріевны все чаще стали доноситься слухи о чрезмѣрномъ ихъ баловствѣ, объ укорененіи въ сиротахъ дикости, непослушанія и упрямства. Легко представить, какое щекотливое и мучительное положеніе создавалось благодаря этимъ извѣстіямъ; тревожиться за дѣтей на разстояніи многихъ тысячъ верстъ безъ малѣйшей возможности лично провѣрить и обсудить дѣло, воображать себѣ зло въ преувеличенныхъ размѣрахъ, въ какихъ оно являлось болѣзненно-настроенной фантазіи, и изъ деликатности не рѣшаться безъ вѣскихъ основаній высказать свои опасенія и безъ того убитой горемъ матери— вотъ какая горькая чаша присоединялась къ прочимъ страданіямъ еще молодой и нетерпѣливой женщины. Четыре года оставались дѣти подъ надзоромъ бабушки; наконецъ, Наталья Дмитріевна рѣшилась заявить откровенно, что ее тревожитъ будущность дѣтей и что ради ихъ блага она рѣшается поручить ихъ воспитаніе деверю Ивану Александровичу. Нечего пояснять, что такое письмо крайне огорчило добрѣйшую Марью Павловну: она, которая только-что съ спокойной душой сообщала въ письмахъ утѣшительныя извѣстія объ успѣхахъ мальчиковъ въ ученіи и о томъ, что они здоровы и веселы и очень ее любятъ,—вдругъ должна была безпрекословно передать самыя дорогія свои заботы другому, хорошо сознавая притомъ, что новый руководитель въ самомъ дѣлѣ сумѣетъ гораздо лучше ея заняться воспитаніемъ своенравныхъ малютокъ. Но больше всего ее поразило неожиданное недовѣріе: когда

Наталья Дмитріевна освѣдомлялась у нея, какую перемѣну она замѣчаетъ въ характерѣ дѣтей, то бѣдная старушка, ничего не подозрѣвая, отвѣтила: „Я тебѣ писала о Мишѣ, что онъ теперь уже не такъ кротокъ нравомъ, какъ прежде“, но она въ этомъ находила и успокоительную сторону, такъ какъ внукъ ея въ то же время сильно развернулся и сдѣлался гораздо живѣе и развязнѣе. Между тѣмъ много было и другихъ печалей у добрѣйшей Марьи Павловны: старческіе недуги давно одолѣвали ее и ея мужа, съ которымъ ей приходилось нѣсколько лѣтъ жить врозь ради воспитанія чужихъ дѣтей,— не говоря уже о страшномъ несчастіи дочери; теперь предстояло разстаться съ послѣдней отрадой въ жизни. Но вотъ какое она находила себѣ утѣшеніе въ горѣ: „Безумно было бы итти противъ велѣній Божіихъ! Если бы вы (супруги Фонвизины) не были тамъ, гдѣ теперь, то счастье насъ всѣхъ было бы такъ полно, что страшно было бы: мы всѣ въ упоеніи забыли бы, можетъ быть, и объ имени Божіемъ. Но Ему угодно было опредѣлить иначе къ общему благу: вамъ дать спасеніе души за ваши страданія, а меня, самонадѣянную, усмирить и дать мнѣ почувствовать, что я никогда не должна на землѣ наслаждаться никакимъ благомъ, но ожидать его въ лучшемъ мірѣ, и я ожидаю его съ нетерпѣніемъ“. Но все-таки старушку мучила мысль, что никогда-то, можетъ быть, не увидитъ она больше любимую дочь, что не угодила ей заботами о дѣтяхъ, что всѣ жертвы были напрасны, и надежды рушились. Съ прискорбіемъ пришлось ей отказаться вначалѣ даже отъ частыхъ посѣщеній дома Ивана Александровича, чтобы внуки легче могли привыкнуть къ чужой семьѣ. Скоро, конечно, это затрудненіе исчезло, но тогда, наблюдая внуковъ со стороны, Марья Павловна постепенно стала замѣчать въ нихъ ускользавшіе отъ нея прежде недостатки. Но ей все хотѣлось бы смягчить грустныя впечатлѣнія свои въ письмахъ къ дочери, да и собственное

пристрастіе побуждало рисовать положеніе дѣла въ свѣтлыхъ краскахъ, и, выставляя хорошія стороны дѣтей, она настойчиво утверждала, что худыя стороны съ каждымъ днемъ исправляются подъ заботливымъ руководствомъ Ивана Александровича.

Изъ мальчиковъ старшій, Митя, обнаруживалъ блестящія способности: онъ былъ находчивъ, сообразителенъ, обладалъ выдающейся любознательностью, хорошей памятью и живымъ воображеніемъ. Все это заставляло питать относительно его богатыя надежды, и къ тому же у него было доброе сердце. Но съ другой стороны, въ немъ рано обнаружилось необыкновенное упорство и болѣзненное самолюбіе. Надо было обладать немалымъ искусствомъ, чтобы расположить его къ себѣ, безъ чего нечего было и думать о вліяніи на мальчика. Младшій мальчикъ, Миша, не былъ такъ самолюбивъ, но много уступалъ брату въ дарованіяхъ и приводилъ въ отчаяніе непреодолимой лѣнью. Послѣдствія показали, что и въ домѣ дяди, при неусыпныхъ его попеченіяхъ и сравнительно болѣе твердомъ характерѣ, дѣти выросли легкомысленными фатами и пустыми эгоистами. Какъ ни заботился дядя о пріисканіи имъ хорошихъ руководителей, въ родѣ гувернера Метраля, заслужившаго общее уваженіе и привязанность; какъ ни относился къ нимъ разумно и ласково, ни въ чемъ не отличая отъ собственнаго единственнаго сына Саши и стараясь обставить ихъ воспитаніе наилучшимъ образомъ во всѣхъ отношеніяхъ, но ни добрый примѣръ дяди, ни благопріятныя воспитательныя условія не принесли ожидаемыхъ плодовъ. Много было причинъ этого: важнѣе всего было то, что дѣти были лишены собственной семьи; они росли въ чужомъ домѣ, должны были переходить отъ одного вліянія къ другому, что не могло обходиться безъ нравственной ломки; ихъ принуждали насильно вести переписку съ неизвѣстными родителями, которымъ приказывалось показывать притворную любовь.

Кромѣ того, мягкосердечный и добродушный дядя былъ слишкомъ отдаляемъ отъ нихъ вѣчными дѣлами и заботами, и всѣ ихъ дѣтскія впечатлѣнія и чувства оставались нераздѣленными и неизвѣстными старшимъ. У нихъ мало было привязанности къ окружающимъ взрослымъ, и отсюда развилась въ нихъ въ необыкновенной степени скрытность и, съ другой стороны, сильная взаимная привязанность. Всѣ три мальчика очень любили другъ друга и рѣдко ссорились, но зато ко всѣмъ остальнымъ были глубоко равнодушны. Нравственное вліяніе дяди (и отца) было потомъ очень незначительно... Съ самаго поступленія племянниковъ въ домъ къ нему, Иванъ Александровичъ не переставалъ доставлять имъ возможныя удовольствія, отчасти жалѣя ихъ и стараясь чѣмъ нибудь скрасить ихъ сиротскую долю, отчасти по природной добротѣ характера. Насколько позволяло время, онъ неусыпно слѣдилъ за всѣмъ, что касалось ихъ ученія и здоровья, но всѣ эти заботы носили у него какой-то служебный, дѣловой характеръ, и даже сообщенія о племянникахъ ихъ родителямъ выходили у него похожими на какой-то докладъ или отчетъ, хотя совершенно съ такой же дѣловой заботливостью Иванъ Александровичъ относился всегда и къ своему единственному сыну. Въ письмѣ говорится, напр., о пересылкѣ денегъ, о продажѣ хлѣба, и т. п., а далѣе; „мы всѣ здѣсь, слава Богу, здоровы; Митя и Миша теперь катаются на саняхъ, а Саша на горѣ также катается“, и потомъ снова: „порученіе ваше исполнилъ“. Очевидно, Иванъ Александровичъ былъ настолько поглощенъ всякими хозяйственными и должностными дѣлами (нѣкоторое время онъ былъ, между прочимъ, членомъ московскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета), хлопотами по присутственнымъ мѣстамъ, разъѣздами по разбросаннымъ въ разныхъ губерніяхъ своимъ и братнинымъ имѣніямъ, дѣлами въ опекунскомъ совѣтѣ и многими другими, что вниманіе его было постоянно

чѣмъ-нибудь развлечено, и семьи вокругъ дѣтей не было. Такимъ образомъ, они перешли изъ одной неблагопріятной обстановки въ другую, и ни любовь ни добросовѣстность близкихъ людей пе послужили имъ на пользу. Смутно чувствовалось это по разнымъ зловѣщимъ признакамъ чуткому сердцу Натальи Дмитріевны, но никакихъ мѣръ къ исправленію дѣла принять было невозможно. Иногда Наталья Дмитріевна даже напрасно и невпопадъ безпокоилась о дѣтяхъ, и ея мнительность рисовала ей ужасы тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было, особенно когда нервный страхъ заставлялъ ее читать въ письмахъ между строкъ. Однажды бабушка мимоходомъ замѣтила что-то о задумчивости своего любимца Миши, и Натальѣ Дмитріевнѣ показалось, что онъ постоянно грустить и тоскуетъ, и что это сокрушитъ его здоровье...

Несчастливы были дѣти и въ своихъ наставникахъ. Не знаемъ, насколько былъ полезенъ имъ гувернеръ m-r Метраль, но судя по похваламъ, расточаемымъ ему въ письмахъ, и по той горячей привязанности, которую онъ, единственный изъ взрослыхъ, умѣлъ внушить имъ, онъ былъ изъ числа ихъ лучшихъ руководителей. Но вскорѣ у него произошла недолговременная и ничѣмъ не кончившаяся любовная исторія, которая отвлекла его отъ педагогическихъ заботъ: онъ предложилъ руку и сердце свояченицѣ Ивана Александровича, Екатеринѣ Ѳедоровнѣ Пущиной, но, получивъ отъ нея согласіе, не могъ добиться какого-то офиціальнаго разрѣшенія свыше и уже не захотѣлъ остаться въ домѣ. Пока дѣло тянулось и была еще надежда на благополучный исходъ, Иванъ Александровичъ, желая удержать при дѣтяхъ хорошаго гувернера, въ его отсутствіе, насколько ему позволяло время и подготовка, старался замѣнять его самъ; но уже систематическаго надзора не было, дѣти часто предоставлялись себѣ, отпускались въ деревню и проч., и все это дѣлалось по необходимости, потому что „учителей рекомендуютъ много, но все не Метраль".

Наконецъ, найденъ былъ новый гувернеръ, „знавшій по-нѣмецки, по-французски, по-латыни, по-гречески, поеврейски и математику, и наружности порядочной, но все не Метраль“. Но и онъ недолго остался: къ великому огорченію Ивана Александровича, онъ вдругъ заявилъ, что рѣшилъ ѣхать на родину, а на свое мѣсто рекомендовалъ пріятеля, котораго нѣсколько мѣсяцевъ ждали со дня на день, какъ вдругъ былъ полученъ отвѣтъ, что онъ ѣхать не можетъ. И всѣ эти неурядицы происходили какъ разъ тогда, когда надо было бороться съ ясно обозначавшимися нежелательными наклонностями дѣтей, такъ что Иванъ Александровичъ съ отчаяніемъ признавался ихъ родителямъ, что, „можетъ быть, придетъ время, которое раскроетъ въ Митѣ глубоко зарытыя чувства привязанности къ ближнимъ и самоотверженія; но теперь — не хочу обманывать васъ — состояніе его меня сокрушаетъ“.

Самое щекотливое затрудненіе представляла для дѣтей, между прочимъ, необходимость вести переписку съ родителями; легко понять, что добровольныхъ побужденій къ ней у нихъ и быть не могло, а приневоливаніе поселяло только отвращеніе. Прежде они интересовались отсутствующими родителями, много о нихъ разспрашивали и задумывались, какъ могутъ только задумываться дѣти, просили снять имъ портреты со стѣны и цѣловали ихъ; но холодъ жизни рано пахнулъ на сиротъ, и скоро отъ этихъ естественныхъ проявленій дѣтской нѣжности не осталось и слѣда. О томъ, какъ поступать въ щекотливомъ дѣлѣ корреспонденціи, мнѣнія родныхъ раздѣлились; Иванъ Александровичъ горевалъ и откровенно жаловался родителямъ: „не думаю, чтобы Митенька сталъ писать безъ напоминанія; по крайней мѣрѣ до сихъ поръ ни слова не говорилъ объ этомъ, а письмо ваше у него положено въ ящичкѣ“. Марья Павловна горячо доказывала, что слѣдуетъ просто принуждать.

Ко всѣмъ этимъ непріятностямъ для Фонвизиныхъ присоединялось новое несчастіе: родившійся въ Сибири сынъ ихъ Ваня умеръ, и они снова остались предоставлены своему безвыходному горю и сиротству. Немудрено, что при такомъ скопленіи горя они быстро старѣлись физически и изнемогали душевно. Когда однажды Натальѣ Дмитріевнѣ вздумалось обмѣняться портретами съ дорогими родственниками, то нельзя было скрыть удручающаго впечатлѣнія, хотя и отъ ожидаемой, но слишкомъ разительной перемѣны. Получивъ ея портретъ, Марья Павловна писала ей: „или ты очень перемѣнилась и блѣдна стала, или портретъ не совсѣмъ сходенъ: одни глаза твои похожи. Работа славная!... Впрочемъ, иногда и этотъ портретъ, если вглядываться, кажется сходенъ, но тутъ ужъ больше работаетъ воображеніе. Что же касается до комнаты въ твоемъ домѣ, то до того хорошо сдѣлано, что если долго глядѣть на нее, то кажется, что сидишь въ ней“. Въ свою очередь и Наталья Дмитріевна не узнала на портретѣ своей матери, но когда она взглянула на изображеніе какихъ то незнакомыхъ мальчиковъ, которыхъ называли ея дѣтьми, она едва могла устоять на мѣстѣ, и сердце ея облилось кровью: ни одной сходной черты!... Это были какія-то чужія дѣти, самые обыкновенные ребята, а не тѣ единственно любимые и дорогіе во всемъ свѣтѣ!...

Особенно поразительны изрѣдка встрѣчающіяся эффектныя ракеты въ письмахъ, наполненныхъ самымъ обыденнымъ содержаніемъ и совершенно непритязательнымъ въ отношеніи стиля и цвѣтовъ краснорѣчія. Стоны и вопли отчаянія, внезапно вырывающіеся изъ устъ кого-либо изъ корреспондентовъ, несомнѣнно, были горькимъ плодомъ выстраданнаго несчастія. Такъ среди безцвѣтныхъ дѣловыхъ писемъ Ивана Александровича однажды встрѣчаемъ такую фразу, въ которой выразилась радость полученія перваго собственноручнаго письма отъ брата изъ ссылки. „Признаюсь, что, читая письмо твое, я

отдохнулъ душой, какъ нѣкогда историкъ Тацитъ по минованіи бѣдствій и наступленіи красныхъ дней Рима". Понятна, съ другой стороны, и печальная нота, которая слышится въ жалобѣ Ивана Александровича, что на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ верстъ всѣ объясненія никуда не годятся, вслѣдствіе чего онъ и старался быть всегда краткимъ въ письмахъ.

Среди тоскливаго прозябанія въ Сибири яркій просвѣтъ для декабристовъ заключался въ ихъ напряженныхъ надеждахъ на облегченіе участи. Родственники нѣкоторыхъ изъ нихъ нерѣдко предпринимали, а еще чаще собирались предпринимать ходатайства за дорогихъ узниковъ передъ императорской властью, и всякая поѣздка въ Петербургъ Ивана Александровича или кого-нибудь изъ родныхъ Нарышкиныхъ или Трубецкихъ оживляла всѣхъ ихъ надеждой. Нерѣдко поэтому можно встрѣтить въ перепискѣ такого рода вопросы, какъ въ одномъ письмѣ Е. П. Нарышкиной къ Натальѣ Дмитріевнѣ. „Je suis fort intéressée à savoir quel a été le résultat du voyage de Pétèrsbourg, que monsieur votre beau-frère a effectué le printemps?" Но надежды не сбывались. Въ другой разъ та же Е. П. Нарышкина писала: „Nous disions avec Michel, qu'il parait que la Providence dispose de nous de manière à nous rappeler sans cesse que notre patrie ne doit pas être de ce monde, qu'il ne nous faut tenir à rien ici bas, et que nous devions, nous-autres plus, que personne, vivre comme des voyageurs sur cette terre".

Наталья Дмитріевна не была настолько сдержанна. Однажды, когда дѣло о переводѣ затянулось и никакихъ извѣстій долго не было, ея пылкая натура не выдержала: она отдалась бурному порыву и написала какое-то вызывающее письмо, въ которомъ отчаянно затрогивала мѣстное начальство. Когда извѣстіе объ ея выходкѣ пришло въ Москву, то всѣ родные были поражены, а мать приходила въ отчаяніе не только за ея судьбу,

но и потому, что увидѣла опрокинутыми свои заботы воспитать въ дочери хорошую вѣрноподданную и истинную христіанку. Къ счастію для Натальи Дмитріевны, ея вспышка сошла благополучно.

Марья Павловна была внѣ себя отъ огорченія которое такъ изливала въ одномъ изъ писемъ: „Что дѣлать! Иванъ Александровичъ что-то до сихъ поръ не имѣетъ никакого утѣшительнаго отвѣта на будущее успокоеніе нашихъ друзей. А болѣе всего мнѣ прискорбно, что Наташа своими неумѣренными и безразсудными письмами много вредитъ себѣ, мужу и всѣмъ намъ, и, вѣрно, причиною, что не принимаютъ въ уваженіе и мою просьбу и все, что писала о нихъ... Я, право, не знаю, откуда взялась у нея такая дерзость: кажется, мы воспитывали ее въ скромности, приличной всякой женщинѣ. Откуда почерпнула она такою вредную самонадѣянность, что пишетъ такъ непріятно о начальствѣ!... Кто знаетъ, не читаетъ ли ея письма самъ государь, такъ какъ они идутъ въ его канцелярію! Что подумаетъ онъ о томъ, что она пишетъ“...

Обо всемъ ходѣ дѣла мы можемъ извлечь нѣкоторыя данныя изъ переписки. Хлопоты о смягченіи кары велись, преимущественно, черезъ Ив. Ал. Фонвизина. Когда по окончаніи срока каторжныхъ работъ ожидалось назначеніе на поселеніе въ какомъ-нибудь городѣ въ Сибири, то Наталья Дмитровна страшно заволновалась: ей хотѣлось быть ближе къ роднымъ и къ тѣмъ изъ ссыльныхъ, съ которыми она особенно сдружилась, но больше къ Трубецкимъ. Кромѣ того, ея слабое здоровье требовало благопріятныхъ климатическихъ условій. Между тѣмъ назначеніе зависѣло отъ иркутскаго начальства, которое, сортируя бывшихъ каторжниковъ по своему усмотрѣнію, не могло знать объ ихъ желаніяхъ и руководилось собственными соображеніями. Иркутское начальство назначило Фонвизинымъ Нерчинскъ, что шло совершенно въ разрѣзъ со всѣми желаніями и надеж-

дами Натальи Дмитріевны. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, при крайней степени досады растревоженное воображеніе услужливо начинало рисовать на этомъ безотрадномъ фонѣ самые мрачные узоры; начались совѣщанія и толки, которые окончательно отправляли спокойствіе. „25-го декабря, — писала Наталья Дмитріевна — узнали мы о перемѣнѣ нашего положенія: мы будемъ поселены въ Забайкальскомъ краю и если, какъ говорятъ, въ Нерчинскѣ, то это еще 1200 верстъ далѣе Петровскаго и надо будетъ проѣзжать черезъ Читу. Вы видите, маменька, что мы не только не выиграли ничего, но еще нѣкоторымъ образомъ хуже стало, чѣмъ здѣсь было. Вы, можетъ быть, не повѣрите, что мы должны быть поселены въ этомъ краю, но насъ велѣно доставить удинскому начальству, какъ то всегда дѣлаютъ съ назначеннымъ на поселеніе за Байкалъ, а прочихъ доставляютъ въ Иркутскъ. Да и письма наши были задержаны (думаю для того, чтобы удинское начальство обращалось съ нами построже)“. Изъ слѣдующихъ строкъ письма Наталіи Дмитріевны видно, что ее смущало даже вычитанное въ извѣстномъ въ свое время романѣ Калашникова „Дочь купца Жолобова“ замѣчаніе, что даже сибиряковъ лишь за наказаніе посылаютъ въ Нерчинскъ. Ко всѣмъ этимъ непріятностямъ присоединились слухи, будто въ Забайкальскомъ краѣ живутъ одни варнаки и разбойники и что медицинской помощи тамъ уже вовсе нѣтъ. Иркутскій губернаторъ Цейдлеръ, узнавъ объ этихъ жалобахъ, счелъ своимъ долгомъ успокоить Марью Павловну любезнымъ письмомъ, доказывая, что въ Нерчинскѣ есть врачи и что тамъ все можно достать, а относительно разбойниковъ онъ прибавлялъ: „ужасы, описываемые въ письмѣ къ вамъ, доказываютъ только болѣзненное состояніе Наталіи Дмитріевны: край Забайкальскій спокойный и злодѣйствъ, описываемыхъ ею, никогда не бываетъ“. Но родители Натальи Дмитріевны

разсуждали объ этомъ иначе: „кто велитъ какому бы то ни было начальству сознаться, что въ ихъ губерніи разбои или прочія безчинства, а Цейдлеръ ужасно защищаетъ Нерчинскъ, его жителей и окрестности; ему хорошо въ Иркутскѣ и спокойно, а каково тѣмъ, которые должны жить безъ отрады, безъ помощи, на краю міра!... Въ Кострому ожидаютъ государя: можетъ быть, въ добрую минуту и можно будетъ сдѣлать намъ еще какой-нибудь шагъ за нашихъ бѣдныхъ друзей. Дмитрій Акимовичъ, если будетъ царь въ Костромѣ, поѣдетъ туда непремѣнно“. Рѣшено было написать просьбы государю и шефу жандармовъ Бенкендорфу за подписью: „несчастные отецъ и мать“. Но въ этихъ письмахъ, разумѣется, нельзя было выразить желаніе въ болѣе положительной формѣ и указать хотя приблизительно желаемое мѣсто поселенія. За отправкой писемъ послѣдовало, конечно, новое томительное ожиданіе. Неловко было, между прочимъ, и то, что приходилось просить и Цейдлера оставить дочь и зятя на время въ Петровскомъ заводѣ подъ предлогомъ мнимой, а, можетъ быть, и дѣйствительной болѣзни Натальи Дмитріевны. Марья Павловна успокаивала дочь, убѣждая, что „смиреніемъ и кротостью вездѣ все можно пріобрѣсти скорѣе, чѣмъ нетерпѣніемъ“, и утѣшала ее, что она просила въ письмѣ государя о помѣщеніи ихъ въ болѣе умѣренномъ климатѣ.

Наконецъ, пришло назначеніе о переводѣ Фонвизиныхъ въ Енисейскъ.

Отношенія между декабристами были самыми искренними и безкорыстными, какія только можно себѣ представить. Замѣчательно, что не только сами они относились братски одинъ къ другому на разстояніи всего обширнаго протяженія Сибири, но и всѣ ихъ родные въ Россіи всегда съ самымъ горячимъ участіемъ готовы были оказать всевозможную поддержку и привѣтъ каждому изъ нихъ. Когда кто нибудь изъ нихъ несъ тяже-

лую утрату, то случалось, что это отзывалось сердечной болью въ душѣ даже никогда не видавшихъ несчастныхъ родственниковъ другихъ декабристовъ. Такъ, мать Натальи Дмитріевны, Марья Павловна, горячо принимая къ сердцу всѣ огорченія дочери, искренно оплакивала смерть Александры Григорьевны Муравьевой, умершей въ 1833 г. въ Петровскомъ заводѣ, когда еще чета Фонвизиныхъ не выѣзжала оттуда. „Читая письмо твое,—писала она въ отвѣтъ на это грустное извѣстіе,—я горько плакала, сколько собственно о ней, столько же и о тебѣ, что ты лишилась той, которая тебя такъ любила и готова была все для тебя дѣлать; а я согласна, что такихъ людей, какова была покойница, мало на свѣтѣ. Она страдала, и *тамъ* ей будетъ хорошо, потому что *тамъ* ея отчизна, а любящимъ отчизну когда же бываетъ худо? Бѣдная, милая Муравьева—мнѣ до смерти ее жаль: не зная ея, я много ее любила за тебя“. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она снова возвращается къ этому воспоминанію: „милая, милая Мурашенька! покоится въ чужой землѣ!“ Тѣмъ болѣе горячимъ участіемъ и глубокой заочной любовью пользовались люди, имѣвшіе случай оказать въ горькомъ изгнаніи существенную услугу кому нибудь изъ близкихъ. Къ числу такихъ заочно обожаемыхъ людей принадлежалъ особенно безмездный врачъ, Фердинандъ Богдановичъ Вольфъ, спасшій многихъ изъ товарищей отъ преждевременной смерти, а такъ какъ благородный Вольфъ отклонялъ отъ себя всякую благодарность и лѣчилъ замѣчательно искусно и счастливо, то и не знали обыкновенно, какъ ему лучше выразить признательность. Марья Павловна величала Вольфа „другомъ человѣчества, сострадательнымъ и безкорыстнымъ“, шила ему сюрпризы, пересылала дорогіе подарки. „Скажи, ради Бога, нашу сердечную благодарность твоему и нашему общему благодѣтелю“—писала Натальѣ Дмитріевнѣ ея мать,—„Фердинанду Богдановичу. Да награ-

дитъ его Господь всѣми своими дарами и благами, а болѣе всего добрымъ здоровьемъ и соединеніемъ съ любящими". Но послѣднія слова тотчасъ же напомнили пишущей о недавней смерти въ Тулѣ матери этого самаго Вольфа, и она умоляетъ дочь: „умолчи о семъ; я слышала, что онъ очень привязанъ былъ къ своей родительницѣ".

Но не только другіе декабристы, но и самая Сибирь казалась родиною любящему сердцу Марьи Павловны; она всячески старалась представить себѣ домъ и комнату дорогой Наташи, а берега Енисея воображала похожими на берега родной и любимой всѣмъ семействомъ Унжи и часто уносилась воображеніемъ въ далекій, а недавно еще столь безусловно чуждый край.

Такимъ образомъ шквалъ, поразившій виновниковъ 14-го декабря, разразился также надъ головами многихъ другихъ людей, жизненные интересы которыхъ такъ или иначе были опрокинуты и разрушены бурей, и шквалъ этотъ своими волнами захватывалъ все новыя и новыя жертвы.

Итакъ Фонвизины были водворены въ Енисейскѣ; но самый полный успѣхъ усерднаго ходатайства, конечно, могъ лишь въ очень незначительной степени ублаготворить страдальческую семью, которая не могла не найти несравненно болѣе широкихъ надеждъ и желаній. Само собою разумѣется, что, хлопоча о переводѣ въ Енисейскъ, Фонвизины бились пока только изъ-за того, чтобы выбрать изъ двухъ или нѣсколькихъ золъ по-возможности, меньшее, но самъ Енисейскъ былъ ни мало не привлекателенъ, и неустранимое зло не могло служить замѣной недостающаго положительнаго блага. Поэтому, тотчасъ же послѣ того, какъ прежнія безпокойства были устранены, ихъ мѣсто заступило нетерпѣливое желаніе улучшить судьбу болѣе существеннымъ образомъ. Въ отдаленномъ будущемъ стала уже мелькать соблазнительная перспектива соединенія всѣхъ

близкихъ на родинѣ, и самая радость удачи отъ осуществленія цѣли предыдущаго ходатайства неизбѣжно сливалась съ болью въ сердцѣ при одномъ воспоминаніи объ общей завѣтной мечтѣ, къ которой сводились главные интересы существованія всѣхъ тѣхъ людей, о коихъ здѣсь идетъ рѣчь. Какъ все дороги ведутъ въ Римъ, такъ и всѣ помыслы ихъ, на что бы ни были обращены, въ концѣ концовъ, непремѣнно сосредоточивались на этомъ главномъ фокусѣ. Такимъ образомъ только что было получено извѣщеніе о переводѣ Фонвизиныхъ въ Енисейскъ, какъ мы уже читаемъ въ письмѣ Марьи Павловны: „Я надѣюсь на милосердіе Божіе и на благодѣяніе добраго нашего государя, который, конечно, не оставитъ безъ вниманія послѣднее посланное прошеніе двухъ престарѣлыхъ родителей и исполнитъ наше желаніе видѣть васъ или на родинѣ, или же, если сіе невозможно покажется, то перемѣщенныхъ въ другомъ мѣстѣ“. Главная надежда возлагалась на заслуги Дмитрія Акимовича, какъ бывшаго предводителя дворянства и человѣка лично извѣстнаго государю, а затѣмъ и на умѣренный характеръ самыхъ просьбъ. Пока Фонвизины оставались въ Енисейскѣ, старики волновались за нихъ, соображая, что „всякій другой городъ ближе къ Россіи и лучше, чѣмъ пустой, холодный и мрачный Енисейскъ“, и они испрашивали разрѣшенія о переводѣ въ Красноярскъ, чтобы Наталья Дмитріевна могла пользоваться въ губернскомъ городѣ врачебной помощью, особенно во время родовъ. Ходатайство увѣнчалось новымъ успѣхомъ, но сперва въ присланной бумагѣ не было ничего упомянуто о переводѣ Михаила Александровича и выходило, что разрѣшенъ былъ не переводъ, а только поѣздка одной Натальи Дмитріевны для опредѣленной цѣли, хотя при этомъ упускалось изъ виду весьма существенное обстоятельство, — что въ чужемъ городѣ и въ критическое время ей безусловно невозможно было обойтись безъ

присутствія и попеченій единственнаго близкаго ей въ цѣломъ краю человѣка. Когда недоразумѣніе было разъяснено и Михаилъ Александровичъ получилъ переводъ въ Красноярскъ, то и это было незначительнымъ улучшеніемъ дѣла, и не только Наталья Дмитріевна, но и мать ея были готовы завидовать Нарышкиной, поселившейся въ Курганѣ и въ короткое время поправившей тамъ здоровье. Марья Павловна, вслѣдствіе внезапно начавшейся болѣзни глазъ, сильно боялась потерять зрѣніе и никогда не увидѣть больше дочери, что впослѣдствіи и оправдалось.

Съ другой стороны, Наталья Дмитріевна доходила до крайней степени отчаянія и окончательно теряла твердость духа. Несчастія, угнетавшія ее со всѣхъ сторонъ, страшно отразились на ней. Когда однажды заболѣлъ ея мужъ, ей вдругъ представилось, что все погибло навѣки, и ею снова овладѣла мысль о монастырѣ, и она хотѣла постричься именно въ Сибири. Вѣроятно, ей было бы тяжело оставить на чужбинѣ прахъ мужа, подобно тому, какъ въ другое время она убивалась, что малютка ея схороненъ вдали отъ родныхъ могилъ. Само собой разумѣется, что это отчаянное состояніе ея души нашло себѣ отзывъ въ сердцѣ родителей, которые, ободряя ее, старались дѣйствовать на религіозное чувство, упрекая ее въ малодушіи, въ недостаткѣ истинной вѣры и вмѣстѣ съ тѣмъ съ еще большимъ нетерпѣніемъ ожидали вѣстей изъ Петербурга, но на новое ходатайство опять долго не получался отвѣтъ. „Да подастъ вамъ Господь свою помощь и покровъ — писала дочери въ утѣшеніе Марья Павловна: — ты пишешь, что нѣтъ отвѣта ни на мое ни на твое письмо къ Бенкендорфу, но я полагаю, что онъ самъ въ отсутствіи. Письма, кажется, не менѣе того дошли по назначенію, ибо вамъ назначено было поселеніе за Байкаломъ, а нынѣ по сю сторону Байкала, и я думаю, что теперь не должно еще писать въ Петербургъ, ибо это выйдетъ лишь одна до-

кучливость. Климатъ, гдѣ вы будете жить, гораздо умѣреннѣе забайкальскаго. Черезъ нѣсколько времени мы хотимъ просить государя о позволеніи съѣздить къ вамъ, и буде ему угодно будетъ сіе позволить, то съ великою радостью полечу къ вамъ". Относительно содержанія просьбы Марья Павловна разсуждала такъ: „Никто какъ государь: ему все возможно. Что же ты говоришь еще, что мы просили государя о несбыточномъ, т.-е. возвращеніи васъ на родину, то я не вижу, чтобы это была вещь невозможная: одно слово царское — и вы здѣсь! О, что бы это было за блаженство!" Но, несмотря на все это, Марья Павловна иногда не въ силахъ была сдерживать печаль, и тогда у нея вырывались такія жалобы на судьбу: „будущность наша такъ туманна, что не видно и признаковъ зари покоя счастья", и тогда уже Натальѣ Дмитріевнѣ приходилось мѣняться съ нею ролью и повторять ей тѣ же слова утѣшенія, которыя она сама столько разъ отъ нея слыхала.

Итакъ, все существованіе обоихъ, да и безчисленнаго множества другихъ людей, находившихся въ томъ же положеніи, носило на себѣ однѣ и тѣ же черты: неопредѣленная длительность, безпрерывное томленіе, устремленіе всѣхъ мыслей къ одной желанной мечтѣ, съ весьма слабой надеждой на ея осуществленіе, но при всемъ томъ съ надеждой, упорной, постоянно борющейся съ сомнѣніемъ и тоской — вотъ тотъ адъ, среди котораго отъ людей ускользала настоящая жизнь, уступая мѣсто напряженному ожиданію перемѣнъ или тяжелымъ воспоминаніямъ о прошломъ. Такъ, при видѣ изображенія Петровскаго острога, Марья Павловна, несмотря на сильнѣйшее отвращеніе къ одному его названію, находила особое мучительное наслажденіе смотрѣть на него, не отрывая глазъ. Натальѣ Дмитріевнѣ она писала такъ: „видъ Петровскаго для тебя живая книга и пріятныхъ горестныхъ воспоминаній, да и вся-то наша жизнь въ нихъ проходитъ и исчезаетъ".

Возвращаясь къ юному поколѣнію Фонвизиныхъ, сообщимъ нѣкоторыя подробности о дальнѣйшемъ развитіи обоихъ мальчиковъ. Послѣ продолжительной неурядицы, происшедшей отъ безпрерывной смѣны учителей, Ивану Александровичу удалось снова поставить дѣло правильно. Но между нимъ и обиженной бабушкой, всегда, впрочемъ, относившейся къ Ивану Александровичу съ родственнымъ расположеніемъ, стали возникать несогласія изъ-за дѣтей: баловницѣ Марьѣ Павловнѣ, которая щедро расточала внукамъ гостинцы и нѣжныя имена, называя одного изъ нихъ соловьемъ за неумолкаемое дѣтское щебетанье, а другого за сдержанность и молчаливость — философомъ, не очень нравились строгость и осмотрительность въ отзывахъ Ивана Александровича. Случалось, что она выступала въ письмахъ ярой заступницей за дѣтей, называя ихъ ангелами и возлагая надежды на естественное исправленіе ихъ недостатковъ, которое, какъ она думала, само собой должно было притти съ болѣе зрѣлымъ возрастомъ. Не соглашалась она также и съ правиломъ Ивана Александровича никуда не отпускать безъ себя дѣтей. Противъ этого правила, считая его за крайность, она горячо протестовала: „Конечно, тебѣ мудрено бы было, Наташа, давать совѣты Ивану Александровичу насчетъ дѣтскаго воспитанія, что совсѣмъ даже и не нужно: онъ ихъ воспитываетъ какъ нельзя лучше, какъ въ нравственномъ, такъ и въ учебномъ отношеніи, — и знаю, что точно имѣетъ о дѣтяхъ самъ нѣжное отцовское попеченіе и не различаетъ Сашеньку отъ Мити и Миши, но привести къ тетенкѣ или къ дяденькѣ въ праздничные дни ни мало не развлечетъ ихъ“. Однажды нѣжную бабушку постигло разочарованіе и съ другой стороны, когда Михаилу Александровичу было послано Митино сочиненіе, какъ образецъ, свидѣтельствующій объ его выдающихся дарованіяхъ, но было возвращено съ короткимъ отзывомъ, что сочиненіе это „высокопарная галиматья“. „Я этого не нахожу — от-

вѣчала любящая бабушка, — а вижу только одно живое воображеніе, какъ вы сами говорите, и способность не маленькую писать и пріятно выражаться. Первая картина (описаніе вечера) превосходна, потомъ чувство путешественника при видѣ развалинъ, а въ заключеніи мысль философическая — и все это очень хорошій разсказъ“. О пересылкѣ ей этого сочиненія, такъ какъ оно прибыло въ апрѣлѣ — Марья Павловна отозвалась, что „это самое богатое и золотое яйцо въ день праздника“, просила переписать ей и другія сочиненія, если будутъ, и рѣшительно заявила, что „для десяти его лѣтъ онъ много успѣлъ въ наукахъ“. Она даже, съ легкимъ оттѣнкомъ досады, называла себя „Простаковой, но безъ ослѣпленія“, потому что видитъ „вещи въ ихъ настоящемъ пріятномъ видѣ“ и радуется „до безконечности“. До крайности пристрастная къ внукамъ, горячая почитательница Марлинскаго, любившая трескучіе реторическіе эффекты, найдя что-то подобное въ упражненіи своего любимца, крайне преувеличила достоинства этого дѣтскаго опыта (вотъ его первыя строки: „Солнце уже закатилось; багровая черта еще показывала слѣдъ его, воздухъ былъ чистъ и прозраченъ“ и пр.). Зато совершенно нерѣшительны были отзывы о дѣтяхъ свояченицы Ивана Александровича, успокоивавшей родителей совершенно оригинальнымъ способомъ: „вы, мой другъ, не огорчайтесь дѣтской холодностью; съ лѣтами можетъ пройти эта холодность. Но Боже сохрани, ежели у нихъ останется холодность эта и у большихъ! Но что въ такомъ случаѣ дѣлать родителямъ? Молиться и просить милосерднаго Господа о перемѣнѣ сердца и ихъ это одна надежда“.

Жалобы на дѣтскую холодность, непослушаніе и явный эгоизмъ стали раздаваться все громче и настойчивѣе. Мало-по-малу они сами перестали скрывать ее и позволяли себѣ иногда показывать открытое неудовольствіе по поводу обязательнаго веденія дневника или „журнала“

для родителей, который составлялся ими небрежно и о которомъ они говорили, что онъ ихъ „связалъ“. Однажды полученное отъ бабушки самое дружеское и сердечное письмо огорчило всѣхъ троихъ мальчиковъ, и одинъ изъ нихъ безъ церемоніи воскликнулъ: „вотъ бѣда, отвѣчать придется!“ А въ письмахъ матери они признавали самымъ пріятнымъ ея снисходительное разрѣшеніе писать не болѣе 5—6 строчекъ. Часто при отправленіи корреспонденціи оказывалось, что какой-нибудь изъ „лѣнивцевъ“ не приготовилъ письма и приходилось просить за него извиненія. „Эта холодность — жаловался Иванъ Александровичъ, — распространяется на все имъ близкое: Марья Павловна и Александра Павловна, у которыхъ они довольно долго жили, при всемъ стараніи привязать ихъ къ себѣ, не могли снискать любви ихъ; няни, къ которымъ дѣти особенно привязываются, столько же въ этомъ счастливы; наконецъ, болѣе пяти лѣтъ, какъ я безотлучно съ ними, сплю въ одной комнатѣ, стараюсь доставить имъ всякаго рода приличныя ихъ возрасту забавы и утѣшенія, но не могу похвастаться большей ихъ любовью ко мнѣ“. А эти слова были сказаны въ то самое время, когда Марья Павловна утверждала, что „Иванъ Александровичъ обходился съ дѣтьми, какъ нѣжнѣйшій отецъ“. При такихъ условіяхъ надо было все болѣе усиливать заботливость объ ихъ воспитаніи, тѣмъ болѣе, что наступила пора и для серіознаго ученія, и вотъ, слѣдуя установившемуся среди обезпеченныхъ помѣщиковъ обычаю, а, можетъ быть, и во избѣжаніе дурного вліянія товарищества, Иванъ Александровичъ рѣшилъ дать имъ хорошее домашнее образованіе, которое должно было служить вмѣстѣ съ тѣмъ приготовительною ступенью къ университету. Для этой цѣли онъ снова переѣхалъ изъ деревни въ Москву, гдѣ купилъ домъ и пригласилъ избранныхъ, съ хорошей рекомендаціей, учителей на зимнее время, а на лѣто — для повтореній съ дѣтьми сталъ брать съ собой въ де-

ревню студентовъ, продолжая горевать и заботиться объ укоренившихся недостаткахъ дѣтскихъ характеровъ.

Переѣздъ Ивана Александровича съ дѣтьми въ Москву состоялся въ 1837 г., а въ слѣдующемъ году Михаилъ Александровичъ былъ переселенъ въ Тобольскъ. Произошло это такимъ образомъ: когда наслѣдникъ объѣзжалъ Россію въ сопровожденіи Жуковскаго, никогда не угасавшія надежды декабристовъ на смягченіе кары оживились съ особенной силой. Заботливый Иванъ Александровичъ немедленно обратился съ просьбами къ военному министру Чернышеву, къ графу Бенкендорфу и непосредственно къ самому наслѣднику. Съ такой же просьбой отнеслись къ наслѣднику и родители Натальи Дмитріевны. Кромѣ другихъ соображеній надежду сильно возбуждали милости другимъ ссыльнымъ; такъ Е. П. Нарышкина, по словамъ Ивана Александровича, „оставя мужа въ Казани, отправилась въ Петербургскую губернію и въ Москву не заѣзжала; видѣлась съ матушкой своей въ Нарвѣ или по близости. Въ Санктъ-Петербургѣ также не была; оттуда должна была отправиться къ мужу, но только не черезъ Москву“. Просьбы Фонвизиныхъ также имѣли успѣхъ, и Иванъ Александровичъ въ концѣ года былъ извѣщенъ о благопріятномъ отвѣтѣ. Но мы уже знаемъ, что переѣзды изъ города въ городъ въ той же Сибири мало удовлетворяли Фонвизиныхъ; мы ясно видимъ это еще разъ изъ утѣшеній Маріи Павловны: „Насчетъ перемѣщенія въ Тобольскъ я согласна, что лучше бы точно братъ сдѣлалъ, если бы списался съ вами и не трогались бы вы изъ Красноярска, но Иванъ Александровичъ принялъ это предложеніе безъ вашего вѣдома, имѣя въ виду, что вы будете ближе къ Россіи, и возможность пріѣхать къ вамъ съ дѣтьми повидаться въ Тобольскъ съ позволенія государя“. Впрочемъ и переводъ на Кавказъ, разрѣшенный многимъ декабристамъ для облегченія ихъ участи, также казался не особенно заманчивымъ На-

тальѣ Дмитріевнѣ. Въ Тобольскѣ же ее пугалъ особенно климатъ, такъ что и радость приближенія къ родинѣ на цѣлыя двѣ тысячи верстъ сильно омрачалась этимъ новымъ неудобствомъ. При всякомъ новомъ перемѣщеніи вопросъ о климатѣ являлся однимъ изъ самыхъ животрепещущихъ, вслѣдствіе чего объ этомъ заранѣе старательно собирались данныя. Услышавъ непріятныя вѣсти о Тобольскѣ, Фонвизины уже и не торопились переѣхать туда, жалѣя оставляемыхъ въ Красноярскѣ друзей и даже любимые предметы, напр., цвѣтникъ при домѣ. Относительно друзей Марія Павловна справедливо успокоивала ихъ, что, гдѣ бы они не жили, у нихъ всегда были и будутъ хорошіе друзья, такъ что и въ новомъ городѣ въ нихъ недостатка ожидать нельзя. Понятно однако, что для людей, горячо привязывающихся и, въ свою очередь, способныхъ внушать къ себѣ привязанность, дружескія связи имѣютъ глубокое значеніе, такъ что, покидая каждый городъ, Фонвизины не могли не испытывать тяжелыхъ нравственныхъ мукъ. Естественно также, что даже цвѣтникъ для страстныхъ любителей и притомъ людей, лишенныхъ въ жизни всякой иной отрады, могъ быть дорогъ и возбуждать въ въ нихъ искреннія сожалѣнія. Его они сравнивали съ оставленнымъ „безъ призору“ милымъ ребенкомъ. Горе это, какъ бы оно ни показалось ничтожнымъ и смѣшнымъ счастливцамъ міра, нашло сочувственный отголосокъ и въ любящемъ сердцѣ матери, въ которой оно пробудило невеселыя мысли, напомнивъ ей слова заунывной народной пѣсни:

Останется зеленый садъ безъ меня,
Завянутъ всѣ цвѣточки въ саду.

Да, мой другъ, — соглашалась Марія Павловна — точно грустно отставать и не по охотѣ отъ привычныхъ своихъ занятій! Но такова жизнь человѣческая:

на всякомъ шагу лишенія, да и томительная неизвѣстность: удостоимся ли *тамъ* чего-нибудь еще“? Бѣдная старушка, говоря это, и не предчувствовала еще, что вскорѣ у нея отнимутся и послѣднія радости жизни, вмѣсто которыхъ останутся однѣ несбыточныя надежды. Болѣзни ея усиливались съ каждымъ годомъ; зрѣніе слабѣло; ноги отказывались служить. Но самымъ тяжелымъ ударомъ была смерть мужа. Мы не можемъ судить, насколько въ ея сожалѣніи о немъ были справедливы увѣренія, что онъ былъ всѣми любимъ и уважаемъ въ уѣздѣ, что, по окончаніи его предводительства къ нему иногда наивно обращались недовольные его преемникомъ и добивавшіеся видѣть „стараго предводителя“, что онъ былъ душой общества и сосѣдей дворянъ. Но если въ этихъ похвалахъ покойному и была, быть можетъ, доля пристрастнаго преувеличенія, то во всякомъ случаѣ нельзя сомнѣваться въ силѣ и глубинѣ личной привязанности къ нему вдовы, которая лишившись его, вмѣстѣ съ тѣмъ теряла навсегда надежду на исполненіе своей лучшей мечты — соединенія подъ одной кровлей *всей* семьи и наступленія послѣ многихъ лѣтъ горькой разлуки — того радостнаго дня, который былъ бы вознагражденіемъ за десятки лѣтъ страданій. Приходилось разстаться съ дорогой мечтой, но невольно та же дума постоянно напоминала о новомъ непоправимомъ горѣ, и тяжкая скорбь овладѣвала несчастной при воспоминаніи о томъ, какое великое удовольствіе испытывала она съ нимъ, съ этимъ покойнымъ мужемъ, когда они вмѣстѣ съ замирающимъ отъ волненія сердцемъ читали письма изъ Сибири, изъ этой страны, неожиданно ставшей для нихъ родной и возбуждавшей одновременно любовь и отвращеніе. „Ты пишешь — читаемъ въ одномъ письмѣ Марьи Павловны къ дочери — что ходила гулять и видѣла монументъ, который строится Ермаку Тимоѳеевичу. Но кто могъ знать, что это мѣсто будетъ мѣстомъ горести безотрадной; открывая

его, онъ того, и не воображалъ“. Убитой горемъ женщинѣ отчасти стало измѣнять былое благодушіе, и она стала все чаще поговаривать уже не о соединеніи съ своими „дорогими друзьями“, а о вѣчномъ соединеніи съ умершимъ мужемъ, хотя, конечно, сила многолѣтней завѣтной мечты сохраняла надъ ней свою власть, такъ что однажды она сильно взволновалась даже отъ ложнаго извѣстія, отъ блеснувшей на мигъ надежды. „Наденька Минина — сообщала она — пишетъ мнѣ, что у нихъ прошелъ слухъ, будто ты ѣдешь на родину. Я, не сообразя совсѣмъ этой несбыточности внезапно такъ обрадовалась нелѣпому извѣстію, что у меня духъ захватило отъ радости, и я долго не могла отдохнуть. Вотъ, мой другъ, даже и мнимая радость непривычна моему сердцу, и если бъ случилось нечаянное для меня блаженство возвращенія вашего на родину, то и тогда съ нѣкоторою предосторожностью надобно мнѣ объ этомъ сказать, а не то не ручаюсь, чтобы могла вынести это счастье“. Напротивъ, если это возвращеніе почему-нибудь не состоялось бы, то снова пугала грознымъ призракомъ безотрадная перспектива: „Кто знаетъ, если васъ здѣсь не будетъ — можетъ быть, послѣ насъ Отрада продастся, и кто жъ насъ тогда помянетъ и чья слеза канетъ на наши одинокія могилы“...

Оставляя Красноярскъ, Фонвизины жалѣли особенно о разлукѣ со священникомъ о. Петромъ Солоцкимъ и еще болѣе о своемъ другѣ — П. С. Бобрищевѣ-Пушкинѣ. Послѣдній, при большомъ умѣ и серіозномъ образованіи, имѣлъ неоцѣнимыя достоинства, какъ собесѣдникъ и другъ. Съ Фонвизиными онъ въ высшей степени сходился въ наклонности къ тихимъ наслажденіямъ тѣснаго интимнаго кружка, посѣщалъ ихъ очень часто и вмѣстѣ съ общимъ добрымъ знакомымъ о. Петромъ былъ у нихъ на правахъ самаго близкаго человѣка. Павелъ Сергѣевичъ, какъ и Наталья Дмитріевна, не выносилъ поверхностныхъ свѣтскихъ знакомствъ и

обременительныхъ визитовъ. Церемонные визиты онъ бралъ обыкновенно мѣрой сравненія для всего отталкивающаго, выражаясь, напримѣръ, что „переписка, гдѣ чередуются письмами, по моему похожа на визитныя посѣщенія, которыхъ врядъ ли что есть скучнѣе въ мірѣ". Неудивительно, что вскорѣ ему представился случай отъ души сочувствовать отвращенію, которое возбуждали въ Натальѣ Дмитріевнѣ неизбѣжные визиты въ еще чуждомъ ей Тобольскѣ. „Я очень понимаю" — писалъ онъ, — какъ для васъ отяготительны желанія вашихъ тобольскихъ дамъ мучить васъ церемонными знакомствами. Но что же дѣлать? Это какое-то общее ярмо, которое несутъ почти всѣ люди, живущіе въ мірѣ и отъ котораго трудно освободиться. Всѣ на это жалуются, а, въ свою очередь, въ отношеніи другихъ дѣлаютъ то же, а для иныхъ это кажется такой казенной надобностью, что они и вообразить себѣ не могутъ, какъ можно обойтись безъ визитныхъ знакомствъ, и не понимаютъ, что человѣкъ иногда бы дорого далъ за возможность посидѣть съ самимъ собой". Тѣмъ болѣе досадны казались проводы и посторонція посѣщенія въ послѣдніе дни пребыванія съ Фонвизиными, и Павелъ Сергѣевичъ былъ чрезвычайно радъ, что даже семейство декабриста Анненкова, проѣзжая черезъ Красноярскъ, опоздало на свиданіе съ Фонвизиными. Впрочемъ, его язвительныя шутки вообще не щадили и собратьевъ по несчастью. Такъ онъ былъ не прочь посмѣяться не только надъ Анненковымъ, котораго называлъ „сонливой флегмой" и о которомъ говорилъ, будто онъ два часа собирается пересѣсть со стула на стулъ, но и надъ Фердинандомъ Богдановичемъ Вольфомъ, выражаясь о послѣднемъ, что онъ „воображаетъ себѣ, будто живетъ въ большомъ свѣтѣ, а этотъ большой свѣтъ тотъ самый, какой видалъ нѣкогда съ козелъ Адамъ Адамовичъ Вральманъ"...

Несмотря на тяжелыя условія жизни, на незамѣ-

нимыя утраты*), въ числѣ которыхъ самой ужасной была потеря заживо единственнаго брата Бобрищева-Пушкина, впавшаго въ горделивое умопомѣшательство, о чемъ Павелъ Сергѣевичъ не рѣшался извѣщать своего стараго отца, и несмотря на всѣ эти ужасы и невзгоды, онъ никогда не поддавался отчаянію и въ самыя горькія минуты умѣлъ своимъ оригинальнымъ юморомъ разсѣять мрачное настроеніе окружающихъ. Прощаніе съ такимъ другомъ было особенно тяжело, и въ послѣдніе дни пріятели старались не пропускать ни одной минуты, чтобы напослѣдокъ отвести душу въ бесѣдѣ посреди хлопотливыхъ приготовленій къ отъѣзду. По выѣздѣ же Фонвизиныхъ, Павелъ Сергѣевичъ, по его словамъ, мысленно сопутствовалъ имъ всю дорогу и часто навѣдывался къ о. Петру, чтобы поговорить и погоревать объ отъѣхавшихъ. Въ первыхъ письмахъ настроеніе его было отчасти сумрачное. „Можете себѣ представить, — говорилъ онъ, — какъ непредвидѣніе конца нашему бѣдствію для меня грустно, при увѣренности, что около насъ нѣтъ ни одной души, которая бы приняла въ насъ искреннее участіе. Отъ батюшки я давно не имѣю писемъ и боюсь, что извѣстіе о братѣ его совсѣмъ убьетъ. Сестра и безъ того писала, что они оттого намъ рѣдко пишутъ, что боятся объ этомъ напоминать папенькѣ, ибо всякій разъ, когда онъ къ намъ пишетъ, нѣсколько дней послѣ того бываетъ разстроенъ. Извините меня, милая Наталья Дмитріевна, что письмо мое такъ грустно: охотно хотѣлъ бы съ вами посмѣяться, но что-то не смѣется“. Вскорѣ послѣ отъѣзда Фонвизиныхъ, Павлу Сергѣевичу случилось быть

*) Къ числу этихъ утратъ слѣдуетъ отнести и кончину въ 1837 г. любимаго и уважаемаго всѣми декабристами коменданта Станислава Романовича Лепарскаго, непріязненный отзывъ о которомъ встрѣчается исключительно въ воспоминаніяхъ декабриста Д. И. Завалишина. Марія Павловна писала о немъ дочери: „не знавъ его, мы, по всѣмъ слухамъ о его добродѣтели, сердечно его жалѣемъ. Правда твоя, что этотъ достойный человѣкъ былъ выбранъ самимъ Господомъ для вашего блага и утѣшенія“.

на ихъ прежней квартирѣ; это посѣщеніе пробудило въ немъ живѣйшее чувство грусти, и онъ такъ описывалъ свое нравственное состояніе при взглядѣ на опустѣвшее жилье: „Какъ ни грустно было мнѣ съ вами проститься, но еще тоскливѣе было войти въ вашъ опустѣлый домъ, въ которомъ я почти безвыходно проводилъ съ вами послѣднее время. Теперь я совершенно осиротѣлъ и не могу найти для себя мѣста“.

Такую же скорбь оставилъ отъѣздъ Фонвизиныхъ и во многихъ другихъ знакомыхъ. Монахиня красноярская Агнія, отправлявшаяся за сборами для монастыря въ странствованіе по разнымъ мѣстностямъ Сибири и особенно въ Томскъ, чтобы по прошенію игуменьи выпросить у преосвященнаго книгу на сборъ въ Россіи, взялась за это трудное порученіе, несмотря на старость и слабое здоровье, чтобы повидаться еще разъ въ Тобольскѣ съ Натальей Дмитріевной, а если удастся побывать въ Европейской Россіи, то даже просить за нее у наслѣдника. Эта наивная преданность сильно тронула Бобрищева-Пушкина, который горячо доказывалъ по этому поводу, что „видѣть подлѣ себя душу простую, въ которой нѣтъ лукавства, и съ перваго раза отрадно; быть увѣреннымъ въ искренней привязанности такого человѣка — не послѣднее утѣшеніе въ этомъ холодномъ мірѣ, гдѣ все мишура и слова безъ жизни. Я воображаю себѣ, какъ ее будутъ таскать изъ дома въ домъ въ Москвѣ, если вы адресуете ее къ Надеждѣ Николаевнѣ. Знаете ли, что она тоже и не безъ мечтаній: она думаетъ добраться и до наслѣдника, уже разъ его и во снѣ видала, какъ она будетъ съ нимъ разговаривать. И представьте себѣ, что, не видавъ прежде его портрета, видѣла его совершенно похожимъ на его портретѣ, который ей потомъ показали“.

Старые друзья по Петровскому заводу, Трубецкая и Давыдова, также продолжали относиться къ Натальѣ Дмитріевнѣ съ самымъ горячимъ участіемъ. Хотя онѣ

ожидали уже скораго окончанія срока каторжной работы своихъ мужей въ Петровскомъ заводѣ (вмѣстѣ съ Е. П. Оболенскимъ), но огорчились обѣ, узнавъ, что Фонвизины уѣзжаютъ отъ нихъ еще дальше, чѣмъ были прежде. „Я радуюсь, по крайней мѣрѣ, что Михаилъ Александровичъ не ѣдетъ на Кавказъ, — писала Давыдова, — врядъ ли бы онъ и вы перенесли эту перемѣну въ общей судьбѣ вашей. И наше дѣло приближается къ развязкѣ. Что съ нами будетъ, Богъ знаетъ“.

Переѣздъ въ Тобольскъ, какъ и слѣдовало ожидать, опять нисколько не удовлетворилъ никого изъ родныхъ Фонвизиныхъ, которые смотрѣли на этотъ городъ только какъ на промежуточную станцію на пути въ Россію. Само собой разумѣется, что они не пропускали случая пользоваться малѣйшимъ поводомъ для того, чтобы возбуждать новыя ходатайства, и случай не замедлилъ представиться въ 1839 г., когда было назначено бракосочетаніе великой княжны Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ. „Надежды мои со времени путешествія наслѣдника — писалъ Иванъ Александровичъ брату, — доходили до степени увѣренности, но послѣ безпорядковъ, возникшихъ въ Польшѣ въ прошедшемъ году, эта увѣренность стала слабѣть, такъ что теперь, право, не знаю, чего и надѣяться, несмотря на то, что многіе ожидаютъ по случаю бракосочетанія великой княжны Маріи Николаевны, какъ важнаго для императорскаго дома событія, новыхъ милостей. Я не могу придумать, какого бы рода облегченіе могло послѣдовать кромѣ двухъ: 1) возвращеніе на родину и 2) разрѣшеніе вступить въ гражданскую службу на мѣстѣ твоего пребыванія. Не знаю, въ какой степени это послѣднее можетъ приблизить возвращеніе на родину. Нѣкоторые полагаютъ Кавказъ единственной дорогой, которою можно возвратиться домой. (Алексѣй Петровичъ*)

---

*) Ермоловъ, хорошій знакомый и пріятель Фонвизиныхъ, извѣстный генералъ.

этого мнѣнія и, кажется, ежели бы отъ него зависѣло, онъ сію минуту перевелъ бы тебя на Кавказъ.) Нарышкины еще тамъ и въ письмахъ давали сюда знать, какъ они жалѣютъ, что вы за ними не послѣдовали". Моментъ казался Ивану Александровичу особенно благопріятнымъ вслѣдствіе того, что командовалъ войсками расположенный къ декабристамъ П. Х. Граббе. Вскорѣ, подъ вліяніемъ Ивана Александровича, и Марья Павловна написала отъ себя прошеніе къ великой княгинѣ Марьѣ Николаевнѣ, въ которомъ ссылалась особенно на постоянно ухудшавшееся состояніе здоровья и потерю зрѣнія, какъ на вѣскія причины, заставлявшія ее умолять о возвращеніи ея дочери на родину до наступленія слѣпоты. Въ концѣ лѣта 1839 г. было получено и обѣщаніе принять просьбу къ исполненію. Когда государь и вся царская фамилія были въ Москвѣ, въ сентябрѣ 1839 г., на закладкѣ храма Спасителя, то Марья Павловна не могла по болѣзни возобновить просьбу, но Иванъ Александровичъ съ своей стороны дѣлалъ все, что было въ его силахъ для облегченія участи брата. Вскорѣ Марья Павловна была обрадована утѣшительнымъ отвѣтомъ отъ Бенкендорфа.

Такимъ образомъ на приближавшійся 1840 годъ возлагались обширныя надежды. Между тѣмъ Фонвизины стали понемногу привыкать къ Тобольску, и Наталья Дмитріевна, по ея собственнымъ словамъ, примирилась съ нимъ и съ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ. Но въ концѣ 1839 г. надъ головами нашихъ изгнанниковъ снова разразился цѣлый рядъ семейныхъ невзгодъ, изъ которыхъ болѣе серіозными были усиленіе явныхъ слѣдовъ распущенности и испорченности въ характерахъ дѣтей и смерть единственнаго сына Ивана Александровича— Саши.

Вмѣстѣ съ этими огорченіями наступившій годъ не принесъ никакихъ успокоительныхъ вѣстей объ ожидаемой перемѣнѣ положенія, и все въ совокупности

сильно подѣйствовало на Наталью Дмитріевну, породивъ въ ней какое-то новое, отчаянное и вмѣстѣ съ тѣмъ аскетически-восторженное настроеніе. Уставши надѣяться и вѣчно испытывать одни разочарованія, она стала еще сильнѣе искать отъ горя отрады въ молитвѣ; среди ложныхъ надеждъ и тяжелыхъ испытаній у нея мало-помалу вырабатывалась суровая закаленность въ несчастіяхъ и религіозное чувство доходило до экстаза. Она вся погрузилась въ молитву, интимныя бесѣды и переписку и въ любимыя занятія въ оранжереѣ. „Какъ пьяницы въ винѣ—говорила она,—такъ и я въ цвѣтахъ топлю мое горе; но, какъ видно, сердце беретъ свое, и это средство не всегда помогаетъ... Что дѣлать! Слава Богу о всемъ. Я и за цвѣтоводство свое благодарила и благодарю Бога, потому что охота къ цвѣтамъ такъ сильно возгорѣлась во мнѣ, что, можетъ быть, она дана мнѣ, какъ предохранительное средство отъ мизантропіи“. Углубленію во внутренній міръ особенно способствовали постоянныя разочарованія въ надеждахъ и отсутствіе внѣшнихъ побужденій, которыя бы устремляли мысль на окружающую дѣйствительность. Наталья Дмитріевна для дѣтей ничего не могла сдѣлать и только убивалась о нихъ, говоря: „совсѣмъ они меня сокрушили!“ но зато она старалась вліять на мужа въ смыслѣ обращенія на путь религіи. Она принялась за это дѣло съ большой энергіей и черезъ нѣкоторое время замѣтила въ немъ желательную ей перемѣну, хотя все еще ее мучили слѣды вліянія на него нѣмецкихъ философскихъ и богословскихъ книгъ; она находила что онъ „сбивается на протестантизмъ.“

О своей собственной духовной жизни Наталья Дмитріевна любила бесѣдовать въ письмахъ съ матерью и Надеждой Николаевной Шереметевой. Безнадежность, охватывавшая ее со всѣхъ сторонъ, внушала ей чувство смиренія и желанія покорно нести свой крестъ. Ей начали сниться странные сны: то ее сажаютъ въ

тюрьму или на съѣзжую; то ей кажется, что ее обвинили въ ереси и уже ее осудилъ Синодъ, что она отлучена отъ церкви, хотя въ душѣ чувствуетъ готовность отдать жизнь за православную вѣру; то ее унижаютъ и клевещутъ на нее, — и все это въ сновидѣніяхъ вызывало въ ней живѣйшую радость. Во всѣхъ письмахъ она повторяетъ о готовности нести иго Христово и отстраняетъ отъ себя всякое выраженіе одобренія и сочувствія ея душевному расположенію. Она объясняетъ наступившій въ ней внутренній переворотъ волею Господа на ея примѣрѣ показать свою милость достойнѣйшимъ и побудить ихъ, подобно ей, предаться всецѣло Провидѣнію. Подъ вліяніемъ такого настроенія Наталья Дмитріевна громитъ самолюбіе, „этого звѣря, живущаго въ тростникахъ“, и даетъ совѣты молиться откровенной молитвой, т.-е. повѣряя Богу все, что ни есть на душѣ, даже самыя незначительныя и неважныя желанія для того, чтобы достигнуть совершенной искренности въ сношеніяхъ съ Богомъ. Религіозный экстазъ доходилъ у нея до желанія „лучше погибнуть по волѣ Бога, нежели спастись безъ Его воли, если бы это было возможно“. Такимъ образомъ, нервное возбужденіе доходило до крайней степени.

Другіе декабристы, кромѣ щемящей хронической боли, переносили новыя, преимущественно, семейныя несчастія: Басаргинъ схоронилъ своихъ друзей Ивашевыхъ, Трубецкіе потеряли одного за другимъ нѣсколькихъ дѣтей. Бобрищевъ-Пушкинъ мучился состраданіемъ къ горю друзей и страданіями собственнаго помѣшаннаго брата. Ему хотѣлось бы, по крайней мѣрѣ, облегчить свою участь переводомъ въ Тобольскъ, гдѣ онъ мечталъ снова пожить съ Фонвизиными, хотя чувство дружбы въ то же время побуждало его желать ихъ возвращенія на родину. „Конечно, такія минуты счастья стоятъ дорогой цѣны — говорилъ онъ, — но я желалъ бы искренно, чтобы онѣ достались вамъ даромъ, а для себя

желалъ бы только на этотъ разъ еще застать васъ въ Тобольскѣ и проститься съ вами, можетъ-быть, послѣднимъ прощаніемъ"...

Ко времени пребыванія въ Тобольскѣ относится сближеніе Натальи Дмитріевны съ священникомъ о. Стефаномъ Знаменскимъ, какъ кажется, не столько имѣвшимъ на нее вліяніе, сколько, наоборотъ, подчинявшимся вліянію своей духовной дочери. Бесѣды религіознаго характера и переписка съ духовными лицами, какъ мы уже говорили, составляли насущную потребность Натальи Дмитріевны съ самаго ранняго возраста. Еще задолго до замужества Наталья Дмитріевна излила однажды передъ своимъ законоучителемъ (Вознесенскимъ) все, что у нея было на душѣ, и своимъ восторженнымъ письмомъ возбудила въ немъ гордость ученицей и восхищеніе сдѣланными ею успѣхами въ благочестіи, такъ что онъ прямо говорилъ ей: „мысли ваши и душевное расположеніе суть плоды Духа Святаго". Когда же тянулось слѣдствіе надъ декабристами и въ ожиданіи приговора они были заключены въ крѣпость, то для духовнаго ихъ назиданія почти ежедневно къ каждому изъ нихъ приходилъ священникъ Петръ Мысловскій, имя котораго такъ часто встрѣчается въ воспоминаніяхъ декабристовъ. Наталья Дмитріевна, вѣрная своему религіозному настроенію, по отъѣздѣ изъ Россіи, не замедлила обратиться къ этому священнику письменно и такимъ образомъ завязала съ нимъ переписку. По воспоминаніямъ г-жи Францевой и другихъ лицъ, вступавшихъ съ нею въ болѣе близкія отношенія, Наталья Дмитріевна обладала солидными богословскими познаніями и начитанностью, которою нерѣдко затмевала ученость видныхъ представителей духовенства. Петра Мысловскаго она ставила иногда въ непривычное положеніе: закаленный въ офиціальномъ исполненіи обязанностей и наставлявшій ввѣренныхъ его заботамъ заключенныхъ исключительно путемъ изустнаго поуче-

нія, онъ не часто имѣлъ случай вести духовную бесѣду на бумагѣ, въ чемъ и сознавался: „взявшись за перо, признаюсь, задумался и не зналъ, съ чего начать письмо: такъ одурѣешь, *долго не писавши*; много зависитъ привычка къ чему-нибудь или, наоборотъ, отвычка". Письма священника Мысловскаго были наполнены общими мѣстами и разсужденіями, такъ что они лишь отчасти могли способствовать успокоенію Натальи Дмитріевны, но своимъ общимъ тономъ и характеромъ они свидѣтельствуютъ о слишкомъ недостаточной степени знакомства, чтобы эта перемѣна могла сдѣлаться прочною, несмотря на то, что о. Мысловскій, можетъ быть, непритворно увѣрялъ Наталью Дмитріевну въ своемъ расположеніи къ ней, и что даже изъ самыхъ писемъ видно, что Наталья Дмитріевна успѣла было сблизиться въ Петербургѣ не только съ нимъ, но и съ его семействомъ. Петербургскія отношенія были слишкомъ мимолетны, и если Наталья Дмитріевна успѣла тогда поселить къ себѣ искреннее расположеніе въ Мысловскомъ, проявляющееся въ томъ, что серіозный, поучительный тонъ проповѣдника нерѣдко смѣняется въ письмахъ тономъ фамильярной дружеской бесѣды, то эти отношенія все-таки не были ни глубокими ни продолжительными, и самая переписка скоро прекратилась. Мысловскій указывалъ Натальѣ Дмитріевнѣ нѣкоторые ея недостатки и тотъ способъ, которымъ она могла бы не только исправить ихъ, но и принести пользу ближнимъ: „знаете ли вы, что вы, ихъ жены (декабристовъ), можете сдѣлать ихъ если не счастливыми, то, конечно, покойными; можете ввергнуть и въ вящшую бездну гибели. Притомъ не скрою отъ васъ, что и родные ваши крайне сокрушаются насчетъ вашей пылкости и, буде позволите сказать, опрометчивости".

Таковы были въ концѣ двадцатыхъ годовъ отношенія къ Натальѣ Дмитріевнѣ священника Мысловскаго. Къ сороковымъ годамъ Наталья Дмитріевна уже не какъ робкая ученица, но какъ авторитетное лицо, ведетъ

бесѣду съ своими духовниками и другими близкими священниками, не только поучаясь отъ нихъ, но поучая и сама и во всякомъ случаѣ возбуждая въ нихъ большой интересъ своими богословскими мнѣніями. Въ это время духовникъ не рѣдко становился ея другомъ и повѣреннымъ ея завѣтныхъ думъ и желаній, а потомъ незамѣтно начиналъ и самъ искать въ ея религіозномъ настроеніи опоры въ трудномъ жизненномъ пути и до того сближался съ нею, что, наконецъ, привыкалъ повѣрять ей собственныя колебанія и тайны и, въ свою очередь, охотно принималъ отъ нея обличенія и упреки. Такимъ образомъ между ними установилась своеобразная нравственная связь. Такъ Наталья Дмитріевна, всегда готовая выслушать всякое замѣчаніе о. Стефана Знаменскаго, съ своей стороны по праву дружбы требовала отъ него полнѣйшаго воздержанія отъ установленныхъ рутиной способовъ упрочивать свое матеріальное положеніе, въ родѣ посѣщенія нужныхъ людей, принятія всякихъ подарковъ и приношеній, настаивала на безусловно умѣренномъ и воздержномъ образѣ жизни, заставляла его учиться французскому языку, рекомендовала для чтенія на французскомъ языкѣ книги религіознаго содержанія, какъ-то: сочиненія M-me Guion, Франсуа де-Саля и проч., и даже отучала отъ не нравившихся ей мелкихъ привычекъ, напр., нюханія табаку и проч. („Табакерка“, отвѣчалъ о. Стефанъ, „какъ предметъ баловства и слабости, лежитъ пока спокойно; влеченіе рождается по временамъ и по милости Божіей проходитъ“). О. Знаменскій, въ свою очередь, совѣтовался съ своей духовной дочерью и о средствахъ противъ соблазновъ и искушеній и о томъ, какъ преодолѣть „треклятое“ я, повѣрялъ ей свои сомнѣнія и проч. Нѣкоторыя письма о. Стефана начинаются словами: „радуюсь за обличеніе и впередъ прошу тебя слѣдить мои мысли и слова“. Иногда упреки Натальи Дмитріевны больно задѣвали его за живое, но вскорѣ чувство до-

сады уступало мѣсто благодарности; иногда же онъ и самъ обличалъ себя, занося въ записную книжку укоры своей совѣсти, напр.: „куда какъ ты суевѣренъ! сновидѣнія твои смущаютъ тебя; брось отъ себя, не вѣрь, это дѣйствіе врага. Сколь ты слабъ: среди служенія предаешься постороннимъ мыслямъ“. Изъ этихъ самообличеній о. Стефана, какъ примѣръ вліянія на него со стороны Натальи Дмитріевны, укажемъ слѣдующее. Однажды онъ просилъ Бога: „Твори, мой Господи, со мною, что Тебѣ угодно; поступай со мною не такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось, не смотри на меня, Господи, не исполняй моихъ просьбъ, затвори отъ меня утробу милосердія“ и проч. О внутреннемъ взаимномъ вліяніи о. Стефана и Натальи Дмитріевны мы можемъ заключить изъ слѣдующихъ словъ его: „вотъ прошелъ уже годъ, какъ сдѣлался переворотъ въ жизни моей. Сколько въ теченіе этого времени моихъ отступленій, сколько моихъ невѣрностей противъ Господа моего! сколько и твоихъ страданій, среди которыхъ и горькое и сладкое приходило мнѣ отъ тебя, и все это принималъ я иногда съ досадой, иногда со скорбію, ребячествомъ и малодушіемъ“. Любопытна также во многихъ отношеніяхъ исповѣдь въ соблазнѣ, причиняемомъ о. Стефану разнаго рода приношеніями, при чемъ онъ боролся съ собой, стараясь отклонять дары, и чаще всего успѣвалъ въ этомъ, но иногда почему-нибудь не въ силахъ былъ устоять и тогда приносилъ покаяніе въ письмахъ къ Натальѣ Дмитріевнѣ. Однажды онъ жаловался на себя: „сколько я дѣлалъ и дѣлаю своеволія, упрямства, непокорности противъ заповѣдей Господнихъ, и Онъ все терпитъ, прощаетъ, а ты не хочешь простить!“ Такимъ образомъ Наталья Дмитріевна карала своего корреспондента за недостатокъ душевной твердости въ борьбѣ со зломъ. Въ письмахъ встрѣчаются признанія о. Стефана въ томъ, что онъ не сдерживалъ негодованія въ случаѣ непристойнаго поведенія толпы въ церкви во

время свадебъ и другихъ торжественныхъ обрядовъ, когда народъ стекается въ храмъ, обыкновенно какъ на любопытное зрѣлище, а иногда у него недоставало мужества съ надлежащей энергіей преслѣдовать неправильныя дѣянія своихъ подчиненныхъ; наконецъ случалось ему каяться и въ холодности къ своему дому и слову Божію. Когда Наталья Дмитріевна пересылала ему книги священнаго писанія съ собственными замѣтками и толкованіями, онъ прочитывалъ ихъ съ живымъ интересомъ, но иногда не соглашался и возражалъ; напр.: „касательно тлѣнія и смерти духовной я отчасти согласенъ; но во многомъ совсѣмъ другихъ мыслей; можетъ быть, это оттого, что не понимаю васъ, а болѣе, — что, еще живя въ мірѣ, мірская мудрствую и не понимаю вполнѣ, я же суть Духа Божія“. Не разъ ставили его въ затрудненія и просьбы Натальи Дмитріевны подать ей пастырское наставленіе: „пишешь, чтобы я понялъ твое состояніе, которое и въ аду не лучше будетъ. Понять тебя могу ли, и не могу ли — не знаю. Предаюсь Господу, и все, что написалъ теперь, совсѣмъ не думалъ, и хорошо ли или худо написалось, возьми, прочитай; пишу не сочиненіе, не проповѣдь, а сказалось только то, что пришло на мысль“. Иногда отецъ Стефанъ завидовалъ нравственному состоянію своей корреспондентки: „Похвалы — тебѣ пощечины. И чего же еще надобно? Желалъ бы я себѣ этого отъ всего сердца; подѣлись со мной такими чувствами“, а о себѣ съ сокрушеніемъ прибавлялъ: „Окаянное *я* во мнѣ живо; оно услаждается еще похвалою, хотя самая похвала сначала заставляетъ краснѣть, потомъ приводитъ въ сокрушеніе и въ сознаніе своего недостоинства передъ Господомъ даже до слезъ“.

Дальнѣйшему упроченію тѣсной дружбы между Натальей Дмитріевной и о. Стефаномъ способствовали, главнымъ образомъ, два обстоятельства. Находясь среди ссыльныхъ декабристовъ и завязавъ съ ними сердечныя

отношенія, о. Стефанъ, какъ и многія другія лица, постепенно перешелъ отъ сближенія съ нѣкоторыми изъ нихъ къ дружбѣ со всѣмъ кружкомъ. Всѣ ялуторовскіе ссыльные скоро сдѣлались его добрыми пріятелями, при чемъ, какъ показываетъ примѣръ И. Д. Якушкина, человѣка далеко не религіознаго, связь между ними опиралась на нейтральныхъ мірскихъ интересахъ. Отрицательно относившійся къ духовенству И. И. Пущинъ въ видѣ похвалы называлъ о. Стефана „уродомъ въ семьѣ". Съ другой стороны, о. Стефану удалось устроить въ Тобольскую семинарію своего сына Николая, котораго онъ помѣстилъ у Фонвизиныхъ, давно желавшихъ по смерти малолѣтняго сына Ивана принять на свое попеченіе какого-нибудь чужого мальчика. И въ самомъ дѣлѣ въ теченіе многихъ лѣтъ они относились къ Николаю Знаменскому какъ къ родному сыну. Иногда случалось имъ совѣтоваться о мальчикѣ съ отцомъ и даже жаловаться на его упрямство, своеволіе и проч., но всегда они получали одинъ отвѣтъ, — что мальчикъ имъ ввѣренъ и находится въ ихъ безусловномъ распоряженіи, что всѣ употребляемыя ими мѣры для его исправленія будутъ приняты съ благодарностью. При воспитаніи Николая, Наталья Дмитріевна имѣла случай примѣнять на дѣлѣ выработанныя ею убѣжденія и взгляды на жизнь, на нравственность, на способы угодить Богу. Въ этомъ отношеніи ея заботы о ближнемъ простирались далеко. Не сходясь съ мужемъ во взглядахъ, она изъ своего жизненнаго опыта и чтенія вынесла отвращеніе къ „нечистой герменевтикѣ" и „сухой богословіи", а старалась давать своему воспитаннику, да и вообще распространять между тобольской молодежью книги, „не сочиненныя разумомъ, но написанныя духомъ", и просила ей такія сочиненія выписывать и пересылать изъ Москвы*). Противъ несочувственнаго

*) Она высоко ставила извѣстное сочиненіе Ѳомы Кемпейскаго „О подражаніи Христу", но не могла выносить раціоналистическихъ толко-

ей направленія умовъ Наталья Дмитріевна старалась дѣйствовать словомъ и распространеніемъ казавшихся ей полезными книгъ, говоря: „въ Россіи много духовныхъ книгъ, но, можетъ быть, менѣе читаютъ, а здѣсь алчба и жажда духовная, да пищи мало“. Хлопотала она также о какихъ-то неизвѣстныхъ лицахъ, чтобы спасти ихъ изъ бездны паденія и удержать отъ взяточничества, отказываясь отъ собственныхъ тратъ и испрашивая въ пользу кліентовъ денегъ у Ивана Александровича.

Въ то же время, за триста сорокъ верстъ отъ Тобольска, въ уѣздномъ городкѣ Ялуторовскѣ, кипѣла дѣятельная работа на пользу просвѣщенія края: свои силы къ этому дѣлу прилагала колонія декабристовъ, группировавшаяся около И. Д. Якушкина и М. И. Муравьева-Апостола, сотрудниками которыхъ явились И. И. Пущинъ, Е. П. Оболенскій, П. Н. Свистуновъ, два брата Кюхельбекеры и многіе другіе. Отецъ Стефанъ, подружившись съ Натальей Дмитріевной и П. С. Бобрищевымъ-Пушкинымъ, легко привязался и къ тѣмъ товарищамъ ихъ, которыхъ засталъ въ Ялуторовскѣ по переѣздѣ туда изъ Тобольска, и скоро сдѣлался въ ихъ кругу необходимымъ человѣкомъ. Всѣ они постоянно видѣлись, и у нихъ явились общіе интересы, особенно когда, по мысли И. Д. Якушкина, кружокъ декабристовъ совмѣстно съ о. Стефаномъ сталъ трудиться надъ дорогимъ для него учебнымъ дѣломъ. О. Стефанъ давно уже былъ законоучителемъ въ уѣздномъ училищѣ и постоянно заботился объ усовершенствованіи себя не только какъ человѣка, но и въ частности какъ воспитателя юно-

---

ваній Павскаго и особенно негодовала на его объясненіе словъ пророка Даніила о „мерзости запустѣнія“ въ томъ смыслѣ, что „мерзость запустѣнія“ была при Антіохѣ Епифанѣ, и что никакого иного толкованія эти слова имѣть не могутъ, что они, слѣдовательно, не должны быть относимы къ будущему. О Павскомъ она передавала анекдотъ, будто, называя себя неологомъ, онъ прибавлялъ: „кто не олухъ, тотъ неологъ“.

шества. И. Д. Якушкинъ также до страсти любилъ обучать дѣтей, съ удовольствіемъ приготовлялъ для нихъ глобусы (однажды нѣсколько такихъ глобусовъ онъ переслалъ и дѣтямъ Натальи Дмитріевны въ Москву), для облегченія преподаванія заботился о составленіи таблицъ по разнымъ предметамъ, о пріобрѣтеніи для учащихся всѣхъ необходимыхъ пособій. Отсутствіе какой-либо иной цѣли въ жизни и невозможность ничѣмъ больше заняться еще болѣе влекли его на эту дорогу и, несмотря на различіе во взглядахъ на религіозные вопросы съ о. Стефаномъ, который отзывался о немъ и о нѣкоторыхъ другихъ декабристахъ, что въ отношеніи религіи они представляютъ своимъ разномысліемъ настоящій духовный Вавилонъ, онъ сдѣлался самымъ преданнымъ и ревностнымъ сотрудникомъ Ивана Дмитріевича; тѣмъ болѣе, что поставленная имъ задача — доставить даровое обученіе дѣтямъ женскаго пола церковнослужителей (а если позволятъ средства, то и обоихъ половъ) была ему чрезвычайно симпатична. Кромѣ того, оставаясь непоколебимымъ въ вѣрѣ, о. Стефанъ съ любопытствомъ прислушивался къ толкамъ декабристовъ, „находя въ нихъ много правильнаго; обдумавши же хорошенько и подведя къ основной истинѣ, ясно видѣлъ очаровательную оборотливость ума, которая легко можетъ свести съ ума". Какъ бы то ни было, въ кругу декабристовъ были такія въ высокой степени привлекательныя личности, что о. Стефанъ быстро сроднился съ ними душой, и они видѣли и цѣнили въ немъ, въ свою очередь, человѣка убѣжденнаго и готоваго отозваться сердцемъ на всякое хорошее побужденіе, чѣмъ, конечно, и дорожили. Такъ религіозный мистикъ и политическіе вольнодумцы сошлись на почвѣ безкорыстнаго служенія ближнему и подали другъ другу руку на доброе дѣло воспитанія ялуторовскихъ бѣдныхъ дѣвицъ духовнаго званія. Связывала ихъ и сердечная отзывчивость о. Стефана на горе и страданія, а судьба не

щадила въ этомъ отношеніи декабристовъ; не говоря уже о жившемъ теперь въ Тобольскѣ Бобрищевѣ-Пушкинѣ, для котораго болѣзнь брата была еще болѣе тяжелымъ крестомъ, нежели самая ссылка,— несчастія не миновали почти ни одного изъ нихъ. Сравнительно легкое изъ нихъ выпало на долю Ивана Ивановича Пущина, вѣчно мучившагося отъ больной ноги; затѣмъ помѣшанный Энтальцевъ лежалъ безъ движенія; Е. П. Оболенскій задумалъ въ Ялуторовскѣ жениться, но, неосторожно оступившись, упалъ съ площадки лѣстницы и сильно ушибся, послѣ чего свадьбу пришлось отложить, а вскорѣ послѣ нея заболѣла его молодая жена. Но всѣхъ тяжелѣе было горе Якушкина, потерявшаго оставленную на родинѣ жену. „Просто сказать — сокрушался о. Стефанъ: — въ ихъ кругу нѣтъ ничего утѣшительнаго“.

При такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ еще болѣе изумительной и почтенной кажется энергія, съ какою декабристы взялись за основаніе училища, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ потомъ преподавали, разумѣется, даромъ, а такъ какъ цѣль ихъ заключалась въ томъ, чтобы освятить свое пребываніе въ Сибири какимъ-нибудь благороднымъ дѣломъ. Работа закипѣла: начались хлопоты о помѣщеніи школы, о составленіи программъ, хронологическихъ таблицъ, о приготовленіи глобусовъ, возникала мысль и о рукодѣліи, при чемъ всегда иниціаторомъ являлся все тотъ же энергичный И. Д. Якушкинъ, а о. Стефанъ старался содѣйствовать, чѣмъ могъ, и принималъ во всемъ горячее нравственное участіе: „помогъ бы Богъ только начать — говорилъ онъ, — а тутъ пойдутъ планы“. Рѣшено было преподавать чтеніе гражданской и церковной печати, ариѳметику, грамматику, священную исторію, катихизисъ, географію, русскую исторію, французскій языкъ и рисованіе; сверхъ того, предполагалось выписывать дѣтскій журналъ и проч. Дѣло не обошлось безъ доносовъ и предварительныхъ

справокъ, но такъ какъ ничего предосудительнаго не было, то и непріятный эпизодъ кончился благополучно. Наталья Дмитріевна, конечно, могла только сочувствовать издали благимъ предпріятіямъ, попрежнему продолжая обмѣниваться мыслями съ о. Стефаномъ, до того привязавшимся къ ней, что, какъ онъ говорилъ, „хоть пиши, хоть не пиши, но имена слились уже какъ-то: Наталья, Михаилъ, Павелъ и Стефанъ; при совершеніи великой жертвы частицы возлежатъ при агнцѣ и погружаются въ волю Его. Вѣрую и тебѣ говорю: вѣруй!" Онъ старался ободрять и поддерживать своего друга въ минуты колебанія въ вѣрѣ: „Ты не находишь силъ удержаться отъ грѣховъ, ты вовсе разслабла въ этомъ случаѣ, а я не имѣю силъ тѣлесныхъ. И что же изъ того: ужели отчаяваться? Я говорю: „Ты моя крѣпость, Господи, и сила", и ты говори то же" *).

Такимъ образомъ Наталья Дмитріевна все глубже погружалась въ кругъ религіозныхъ интересовъ и представленій, что обнаружилось съ особенной силой по поводу новаго неуспѣшнаго ходатайства о возвращеніи на родину. Наученная опытомъ многихъ лѣтъ, Наталья Дмитріевна стала покорнѣе относиться къ своему жребію. Теперь, узнавъ объ угрожавшей матери окончательной потерѣ зрѣнія, она рискнула еще разъ обратиться съ просьбой, но уже не на высочайшее имя, а только на имя графа Бенкендорфа, и ходатайствовала не о возвращеніи на родину, но лишь о самомъ непродолжительномъ свиданіи съ матерью, и даже не въ Москвѣ, а въ какомъ нибудь близкомъ мѣстечкѣ, причемъ сама предлагала обязательство, что не будетъ незаконнымъ образомъ искать запрещеннаго свиданія съ дѣтьми. Въ томъ же умѣренномъ духѣ просила она дѣй-

*) О. Стефана и Наталью Дмитріевну смущали иногда мірскія рѣчи и толки; напр., Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ не признавалъ возможнымъ согласить свободу съ умерщвленіемъ плоти; о. Стефанъ по этому поводу писалъ Натальѣ Дмитріевнѣ: „какъ способная говорить, ты отвѣтишь, какъ должно".

ствовать и мать свою, чтобы не раздражить правительство излишними притязаніями; но когда она получила безусловно отрицательный отвѣтъ подъ тѣмъ предлогомъ, что Бенкендорфъ даже не осмѣливался доложить государю о ея просьбѣ, то она приняла этотъ отказъ съ нескрываемымъ восторгомъ, какъ случай покорить свою волю и предаться совершенно Богу. Ей жаль было только одного — огорчить мать, которая притомъ ея неожиданную и необъяснимую радость могла принять за охлажденіе къ себѣ; тѣмъ не менѣе радость эту она не скрывала и открыто заявила, что „мѣсто, пространство и время теперь мало имѣютъ для нея значенія“ и что она „какъ будто гдѣ-то внѣ этого порядка вещей, и такъ всегда: днемъ и ночью безъ перемѣны“.

По поводу рокового отказа она писала матери: „одно только свиданіе съ вами, родная моя, и съ дѣтьми, и съ другими существами мнѣ близкими я и могу назвать земной радостью; но желать этой радости не въ силахъ — не хочу васъ обманывать: не могу теперь желать этого, видя, что это покуда неугодно Богу, а воля Его надо мною, хотя бы она терзала меня скорбью, хотя бы она убивала меня по немощи моей страданіемъ, воля это мое сокровище, драгонѣнное перло, за которое я все готова отдать“. Въ другой разъ она восклицала въ экстазѣ: „разлюбивши себя совсѣмъ, или лучше сказать, покинувши себя въ рукахъ Божіихъ, что можно еще желать и чего бояться?“ Наконецъ, Наталья Дмитріевна въ своемъ мистическомъ увлеченіи, особенно подъ вліяніемъ такихъ книгъ какъ Die Seherin von Prewost“, дошла до такого тумана, что стала усматривать „ясновидѣніе“ въ томъ, что когда-то, за десять лѣтъ раньше, сама будто бы съ точностью предсказала время своего будущаго духовнаго возрожденія и смерть какого-то товарища; и все это, „будучи въ ужасномъ состояніи, изъ котораго ни надѣяться ни предвидѣть исхода не могла, кромѣ естественной смерти“. Она

прониклась такой увѣренностью въ значеніе своихъ грезъ, что заинтересовала ими Ивана Александровича, самымъ серіознымъ образомъ спрашивавшаго, отъ кого она получила даръ ясновидѣнія, на что послѣдовалъ отвѣтъ въ видѣ цѣлой туманной мистической диссертаціи. А между тѣмъ, умирающая мать Натальи Дмитріевны, окончательно терявшая зрѣніе, искала послѣдней отрады въ счастливомъ, какъ ей казалось, нравственномъ перерожденіи дочери и жалѣла, что не можетъ передъ кончиной побесѣдовать съ ней о религіи и поучиться у нея христіанскому терпѣнію. „Очень понимаю сладость чувствъ твоихъ касательно христіанскаго расположенія души твоей, а прежде мое сердце очень по тебѣ, милый другъ Наташа, скорбѣло, зато не могу тебѣ изъяснить, какъ пріятно видѣть твою преданность къ Господу“. Это утѣшеніе было однимъ изъ послѣднихъ въ угасающей жизни слѣпой женщины. Вскорѣ она слегла окончательно въ постель, послѣ чего прожила не болѣе четырехъ мѣсяцевъ. Университетскіе годы старшаго сына и безконечныя приготовленія къ юнкерскому экзамену младшаго были рядомъ новыхъ тяжелыхъ испытаній для осиротѣвшихъ Фонвизиныхъ. Еще въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ Марья Павловна, какъ могла, старалась приготовить родителей къ тому сюрпризу, который подарилъ имъ лѣнивый и пустой Мишель: она ссылалась на живость его характера, мѣшавшую ему заниматься науками, на страсть съ дѣтства къ солдатамъ и военнымъ упражненіямъ, наконецъ, на его призваніе итти по дорогѣ отца. Только что была сдѣлана первая вынужденная уступка небрежности и лѣни сыновей, какъ за нею послѣдовали другія. Легкомысленный Мишель неудачно держалъ пріемный экзаменъ въ университетѣ, потомъ поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, сталъ брать дорогіе уроки у учителей кадетскихъ корпусовъ, но не переставалъ беззаботно убивать время. Старшій братъ, Дмитрій, сла-

вившійся среди родныхъ и знакомыхъ блестящими способностями и необычайной любознательностью, вдругъ, по сдачи вступительнаго университетскаго экзамена, оказался во всѣхъ отношеніяхъ ниже возлагаемыхъ на него ожиданій. Письма этого студента изумительны безграмотностью и совершенно дѣтскимъ нетвердымъ почеркомъ, не говоря уже о ихъ стилѣ и содержаніи. Ивану Александровичу выпалъ на долю тяжелый крестъ безпрестанныхъ грустныхъ увѣдомленій объ испорченности и пустотѣ своихъ питомцевъ-племянниковъ. Тотчасъ послѣ усиленныхъ хлопотъ по исполненію духовнаго завѣщанія Марьи Павловны и по разстроеннымъ дѣламъ ея имѣній, онъ долженъ былъ возвратиться къ обычнымъ заботамъ о молодыхъ людяхъ. Во-первыхъ, младшій изъ его питомцевъ безъ всякаго повода позволилъ себѣ неумѣстное вмѣшательство въ письмѣ къ родителямъ въ дѣла, касавшіяся наслѣдства, чѣмъ навлекъ на себя общее недовольство; вскорѣ затѣмъ его братъ заявилъ о своей неспособности къ изученію греческаго языка, вслѣдствіе чего попросилъ разрѣшенія перейти съ словеснаго факультета на юридическій. Желая объяснить причину этихъ учебныхъ неудачъ племянника, Иванъ Александровичъ долженъ былъ сообщить неутѣшительныя свѣдѣнія о томъ, что онъ часто ссорился съ нимъ изъ-за постоянныхъ отлучекъ изъ дому и нежелательныхъ знакомствъ среди товарищей, съ которыми юноша подъ предлогомъ научныхъ занятій посѣщалъ рестораны и кондитерскія. Къ совѣтамъ дяди онъ сталъ относиться, какъ къ старой докучной сказкѣ, и только и мечталъ, чтобы освободиться отъ этого „педантскаго" наблюденія. Между тѣмъ, проф. Шевыревъ, лично знавшій Ивана Александровича, предупреждалъ его, что молодой Фонвизинъ явно пренебрегаетъ занятіями и по слабости характера легко можетъ подпасть дурному вліянію. Въ самое горячее время приготовленій къ экзаменамъ, дядя увѣщевалъ Дмитрія не терять времени и вознаградить

пробѣлы хотя бы только для исполненія офиціальныхъ требованій, но ничто не дѣйствовало, и естественнымъ результатомъ такой безпечности явился планъ перейти въ дипломатическое отдѣленіе С.-Петербургскаго университета. „Авось мнѣ удастся здѣсь счастливо кончить курсъ — писалъ Дмитрій Фонвизинъ уже изъ Петербурга: — „я постараюсь здѣсь лучше заниматься, чѣмъ въ Москвѣ и, притомъ факультетъ, который я избираю, кажется, самый легкій“. Иванъ Александровичъ утѣшался тѣмъ, что Митѣ необходимо было „освѣжиться отъ чада, которымъ онъ окруженъ былъ въ Москвѣ, и дать ему одуматься“. „Къ несчастью, сѣмена самонадѣянности и высокаго о себѣ мнѣнія давно въ немъ посѣяны“, — прибавлялъ съ горечью Иванъ Александровичъ. Ему предстояла теперь новая задача — обставить племянниковъ надежными учебно-воспитательными условіями въ Петербургѣ: къ младшему онъ пригласилъ рекомендованнаго ему офицера, потомъ поручилъ его ротному командиру батальона, въ который онъ поступилъ по выдержаніи юнкерскаго экзамена, старшій же былъ помѣщенъ у лектора французскаго языка m-r Аллье. Отъ Аллье и отъ учителя Мишеля посыпались въ каждомъ письмѣ жалобы на лѣнь и распущенность юношей. Черезъ нѣкоторое время было испрошено старшимъ изъ нихъ позволеніе переѣхать отъ Аллье на отдѣльную квартиру, послѣ чего денегъ стало выходить чрезвычайно много, а въ университетѣ молодой Фонвизинъ предпочелъ сдѣлаться вольнымъ слушателемъ, а затѣмъ и вовсе оставилъ его. Дальше пошло еще хуже: пріѣхавъ на Рождество въ одно изъ подмосковныхъ имѣній, Дмитрій Михайловичъ вступился въ дѣла по управленію имѣніемъ, подпалъ подъ вліяніе недобросовѣстныхъ людей и, по словамъ Ивана Александровича, „оставилъ въ вотчинахъ совершенное безначаліе и, наконецъ, грозно потребовалъ отчета отъ дяди-опекуна. Но всего отвратительнѣе было то, что Митенька Фонвизинъ потребовалъ какого-то

выдѣленія своей части имѣнія и уплаты несуществовавшаго долга со стороны родителей. Но въ сущности, впрочемъ, онъ далеко не былъ такъ испорченъ, какъ могло бы показаться, и по удаленіи вредно вліявшаго товарища написалъ Ивану Александровичу сердечное письмо, въ которомъ увѣрялъ, что слова его невѣрно поняты, что онъ былъ далекъ отъ намѣренія обидѣть его, такъ что дядя заключилъ, зная его безхарактерность, что „это письмо имъ самимъ сочинено, а прежнія — кѣмъ-нибудь другимъ“.

Возвратимся къ Натальѣ Дмитріевнѣ. Постоянное чтеніе книгъ въ родѣ „Превортской Ясновидящей“ совершенно измѣнило ея понятія и взгляды на жизнь. Если прежде она тяготилась ссылкой, то теперь продолжая жаловаться, на „страну изгнанія“, она стала подразумѣвать подъ нею не Сибирь, но земную жизнь вообще. Ее увлекаетъ теорія о магнетической силѣ, которая многое дѣлаетъ открытымъ и доступнымъ для обладающихъ ею избранниковъ; ей хотѣлось бы только окончательно увѣриться, что сила эта дѣйствуетъ благодатнымъ образомъ и что она небеснаго происхожденія, ее мучитъ сомнѣніе, что, быть можетъ, она находится подъ тайной властью сатаны. Съ точки зрѣнія своей фантастической теоріи она старалась разгадать и сущность своихъ отношеній къ о. Стефану Знаменскому, о которомъ она говорила, что „Господу угодно было сначала дѣйствовать на меня черезъ него, что мнѣ и прежде въ магнитномъ состояніи было обѣщано; хотя лица того и не означено, но я давно предчувствовала, что будетъ человѣкъ, который отворитъ для меня заключенныя двери, или, правильнѣе, который будетъ служить къ тому орудіемъ.“ Это откровеніе свыше она еще въ Красноярскѣ передавала мужу и П. С. Бобрищеву-Пушкину, но тогда чувствовала какое-то непобѣдимое равнодушіе даже къ спасенію души, а затѣмъ она прозрѣла, такъ что хотя она „убѣгала всякаго, который казался

способнымъ исполнить обѣтованіе, также убѣгала и Стефана, но Господь исполнилъ свое“; „послѣ того — продолжаетъ она — угодно Ему было и на Стефана дѣйствовать черезъ меня грѣшную“. Возрожденіе это совершилось въ Тобольскѣ, откуда, какъ мы знаемъ, о. Стефанъ вскорѣ былъ переведенъ въ Ялуторовскъ и куда почти вслѣдъ переѣхалъ затѣмъ П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ. Тамъ Наталья Дмитріевна вращалась почти исключительно въ замкнутомъ обществѣ мужа, воспитанника и любимца Николая Знаменскаго, Е. О. Непряхиной, семействъ Жилиныхъ и Францевыхъ. Съ большинствомъ же другихъ знакомыхъ, даже изъ декабристовъ, она поддерживала только внѣшнія отношенія, какъ, напр., съ Семеновымъ, Барятинскимъ, Анненковымъ, Свистуновымъ, и нѣкоторое время не исключала изъ этого числа даже своего будущаго второго мужа, Ивана Ивановича Пущина. Всѣхъ этихъ знакомыхъ она называла „людьми міра“, противополагая имъ особенно П. С. Бобрищева-Пушкина, „котораго прямая и безкорыстная душа носитъ печать Христову“.

Нерѣдко она рвалась отвести душу къ о. Стефану въ Ялуторовскъ и, наконецъ, не вытерпѣла и неожиданно явилась къ нему на нѣсколько дней еще въ 1842 году. Переговоры и предположенія о поѣздкѣ тянулись долго, но она все-таки была неожиданностью, вслѣдствіе того, что состоялась именно тогда, когда уже самая мысль была совершенно оставлена и случай къ осуществленію ея представился экспромптомъ.

Письменныя бесѣды съ о. Стефаномъ, усердно продолжаясь, касались преимущественно одного захватывавшаго обоихъ корреспондентовъ вопроса о томъ, какъ побѣдить самолюбіе и привязанность къ міру. Въ этомъ пунктѣ они совершенно сходились и относительно его попеременно поучали другъ друга. Наталья Дмитріевна стала однажды извиняться за длинноту писемъ. „Что тебѣ до этого за дѣло — возражалъ

о. Стефанъ — знай пиши. Ты все еще себя видишь, все еще хочешь и ищешь себя; да развѣ ты хочешь быть чѣмъ-нибудь? Если ты предалась въ волю Божію, такъ чего еще нужно — пусть Онъ и дѣйствуетъ, а какъ дѣйствуетъ, до этого нѣтъ дѣла". Въ томъ же письмѣ онъ благословлялъ свою духовную дочь на поѣздку къ нему въ Ялуторовскъ и выражалъ надежду, что, благодаря ей, она „укрѣпится въ тѣлесныхъ силахъ, которыя такъ нужны для крестовъ внутреннихъ", а послѣднимъ, какъ онъ предполагаетъ, „нѣтъ счета и не будетъ". Узнавъ о предположеніи Натальи Дмитріевны посѣтить Ялуторовскъ, Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ и Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ были чрезвычайно рады и съ нетерпѣніемъ ждали осуществленія этого проекта. Но предположеніе разстроилось, и всѣ уже успѣли съ этимъ примириться, какъ вдругъ весь кружокъ ялуторовскихъ друзей Натальи Дмитріевны облетѣла вѣсть, что она уже въ городѣ. Такой странный оборотъ дѣла объяснился очень просто: начавъ хлопотать о поѣздкѣ въ Ялуторовскъ, Наталья Дмитріевна обратилась къ губернаторшѣ, которая дала слово передать ея желаніе мужу, но безъ малѣйшей тѣни увѣренія въ томъ, что успѣхъ возможенъ; между тѣмъ время шло, и вдругъ губернаторъ при свиданіи съ Михаиломъ Александровичемъ самъ предложилъ ему отпустить жену въ Ялуторовскъ, обѣщая даже дать собственнаго казака въ провожатые. Такимъ образомъ, она была отпущена официально для говѣнія въ село Абалакъ за 25 верстъ отъ Тобольска, въ дѣйствительности же въ Ялуторовскъ.

Мы остановились на этой поѣздкѣ потому, что она характеризуетъ отчасти душевное состояніе нашей героини, которая иногда страстно искала отрады въ религіозныхъ бесѣдахъ, желая учиться умирать и говоря о себѣ: „ну, какая я участница въ жизни мірской!" Она жалѣла о томъ, что „люди въ слѣпотѣ

радуются своеволію“ и прибавляла: „мнѣ жаль всѣхъ людей. О, какъ бы я желала, чтобы всѣ спаслись“ и рядомъ съ этимъ превозносила статьи извѣстнаго Бурачка, издателя „Маяка“[1]). Вотъ образчикъ ея собственныхъ тогдашнихъ размышленій: „Апостолъ про міръ языческій сказалъ: „весь міръ лежитъ во злѣ“. Что бы сказалъ онъ теперь про міръ христіанскій? Не повторилъ ли бы того же ужаснаго слова? И подлинно, гдѣ праведники, спасающіе міръ? Вѣрую, что они находятся и теперь въ мірѣ, и міръ безъ нихъ не стоялъ бы, а если и стоитъ, то ради ихъ, какъ по писанію извѣстно. И теперь въ мірѣ, въ наше время, можно сказать, что праведники едва спасаются, ибо и всѣ пути преграждены имъ. Попробуй хотя одинъ такой удалиться въ пустыню по древнему обычаю отцовъ, и полиція какъ разъ отыщетъ и засадитъ такого, какъ человѣка подозрительнаго, міръ христіанскій назоветъ фанатикомъ, міръ образованный, такъ называемый просвѣщенный, сочтетъ за сумасшедшаго. А между тѣмъ прежнимъ пустынножителямъ молятся и просятъ заступленія ихъ!“

Такія рѣчи магически дѣйствовали на о. Стефана. Наталья Дмитріевна сама такъ описывала впечатлѣніе отъ своихъ словъ на преданнаго ей старика: „каждое слово мое несознательно для меня самой поражало Стефана, какъ громомъ, и производило то или другое дѣйствіе. Напр., одинъ разъ пришелъ онъ къ намъ въ ужасной тревогѣ, но я, подумавши, пожелала ему мира — и миръ мгновенно водворился въ душѣ его; въ другой разъ онъ оспаривалъ то, что я чувствовала,

---

[1]) Но здравый смыслъ Натальи Дмитріевны не допускалъ ее соглашаться съ Бурачкомъ въ томъ, что онъ „бранитъ иностранную философію, гладитъ по головкѣ невѣжество духовное, которое затвердило только, что надо быть православно-народнымъ, толкуетъ о какомъ-то русскомъ Богѣ и больше ничего знать не хочетъ. Будь православный, ходи въ церковь разъ въ году, молись по-русски и брани все иностранное — то и спасешься, и всѣ грѣхи будутъ прощены“.

и я сказала ему: „я бы желала, чтобы вы испытали, что я чувствую“ — и въ то же мгновеніе онъ перемѣнился въ лицѣ, такъ что Михаилъ Александровичъ замѣтилъ“ и проч.

Благодаря этой силѣ горячаго чувства и непреклоннаго убѣжденія, по склонности къ мистическимъ толкованіямъ, нѣкоторые готовы были въ самомъ дѣлѣ считать Наталью Дмитріевну ясновидящей, не только такіе люди, какъ Н. Н. Шереметева, но даже извѣстный алтайскій миссіонеръ архимандритъ Макарій, находившійся съ нею въ перепискѣ. Какъ натура въ высокой степени эксцентрическая и горячая, Наталья Дмитріевна не могла удовлетвориться холоднымъ соблюденіемъ обрядовъ и успокоиться на обычномъ ежегодномъ покаяніи передъ причастіемъ; она мучилась бездной противорѣчій между духомъ христіанскаго ученія и практикой жизни, которая, уступая свое мѣсто формѣ и догмату, сущность религіи оттѣсняетъ на дальній планъ. Современный міръ христіанскій казался ей злѣйшимъ врагомъ Христовымъ. Она хотѣла бы чаще припадать къ чашѣ св. причастія, полагая слишкомъ недостаточнымъ „одинъ только день въ году употребить на принятіе небесной пищи, чтобы запастись ею на нѣсколько мѣсяцевъ грѣховной и смрадной жизни, и утолять душевную жажду только мутной водой мірскихъ колодцевъ“. Но она боится ввести въ грѣхъ другихъ и прослыть ханжой, и не ради людского мнѣнія, сравниваемаго съ облакомъ, гонимымъ вѣтромъ, но „чтобы не соблазнять малое стадо Христово“.

Мысль, постоянно устремленная на одинъ и тотъ же кругъ религіозныхъ вопросовъ, при крайнемъ преобладаніи дѣятельности воображенія надъ анализомъ разсудка, незамѣтно переносила Наталью Дмитріевну въ міръ загробнаго существованія и рисовала ей отчаянныя картины. Притча о богатомъ и Лазарѣ возжигала въ ея душѣ ненависть ко всему земному и глубочайшее

презрѣніе къ счастью, а правосудіе Божіе возставало передъ нею кровавымъ призракомъ, леденящимъ душу. Рядомъ со словами Іоанна Богослова: „Богъ есть любовь“, ей вспоминались слова другого апостола: „Богъ нашъ есть огнь поядаяй, и страшно впасть въ руки Бога живого“, и жаръ пламеннаго энтузіазма мгновенно смѣнялся пароксизмомъ неопреодолимаго ужаса, отъ котораго она искала убѣжища только въ мысли о преданности Богу до беззавѣтной готовности по Его слову съ радостью броситься на вѣчныя адскія муки. Ее ужасала мысль, что если апостолъ сказалъ о мірѣ языческомъ, что онъ во злѣ лежитъ, то что же долженъ былъ бы онъ сказать о мірѣ христіанскомъ: прежде была надежда на обновленіе и улучшеніе міра въ христіанствѣ, а теперь всюду видимъ только улучшенія вещественныя, которыя апостолы называли земной мудростью и мудростью вѣка; но гдѣ же на землѣ, въ мірѣ преобразованномъ, христіанскомъ, слѣды мудрости Божіей? „Апостолы и святые Божіи, — говорила она, — не запинаясь ни за что, называли все своимъ именемъ и не говорили, что горькое сладко, а сладкое горько, потому что не слишкомъ думали, говоря по правдѣ Божіей, о послѣдствіяхъ для самихъ себя, а нынѣ прикрываютъ всякую истину. Долго я не понимала, для чего бы это такъ: наконецъ, догадалась, что всѣ стоятъ за свою кожу, ибо въ душѣ властенъ одинъ Господь, и ее ничто, кромѣ грѣха произвольнаго, погубить не можетъ“.

Принявшись со всѣмъ увлеченіемъ своей страстной природы за внутреннее преобразованіе мужа, Наталья Дмитріевна скоро воспламенила его силой горячаго убѣжденія. Въ этомъ обращеніи его она впрочемъ, имѣла хорошаго союзника въ лицѣ Ивана Александровича, которому и сообщала о наблюдаемыхъ перемѣнахъ: „Пользуюсь случаемъ, чтобы побесѣдовать съ вами о самомъ интересномъ для васъ — о братѣ вашемъ.

Я уже писала вамъ, что онъ измѣнился къ лучшему, но это измѣненіе, по замѣчанію моему, все больше и больше возрастаетъ. Благодареніе Господу!... Его чистая душа, какъ добрая земля, приняла сѣмена жизни и при благотворныхъ обстоятельствахъ блюдетъ и хранитъ это сокровище и развертываетъ въ себѣ, незамѣтно для самого себя, и даетъ самыя благія надежды на будущее. Вѣра его приняла уже видъ твердой и не стыдящейся вѣры. Въ церкви онъ молится усердно; забывая людей и ихъ мнѣнія, припадаетъ ко Господу, иногда молится и на колѣняхъ, если ему вздумается, и это уже вовсе не лицемѣріе, потому что многихъ изъ его товарищей съ устарѣлыми понятіями и новомодными сужденіями, да и прочимъ здѣшнимъ міролюбцамъ, такое явное изъявленіе молитвы казалось страннымъ". Наконецъ, Михаилъ Александровичъ сталъ все чаще „заглядывать по ту сторону гроба" и все менѣе смущался сужденіями людей во всемъ, кромѣ вопросовъ религіи, имъ уважаемыхъ. Въ этомъ отношеніи Наталья Дмитріевна могла праздновать полное торжество. Зато ея тревожная мысль, переходя отъ одного близкаго существа къ другому, страшилась за загробную участь умершаго отца, и тогда ею овладѣвало сожалѣніе, что она не можетъ, подобно Спасителю, искупить блаженство дорогого человѣка цѣной собственной крови.

Въ то же время Наталья Дмитріевна вышивала ризы для священнослужителей, дѣлала очерки образовъ и привлекала къ сотрудничеству въ этомъ дѣлѣ нѣкоторыхъ близкихъ людей, какъ, напр., П. С. Бобрищева-Пушкина, славившагося въ кружкѣ декабристовъ умѣніемъ рисовать.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ на семью Фонвизиныхъ снова обрушились нѣсколько тяжелыхъ ударовъ. На этотъ разъ причиной горя были болѣзни и смерть близкихъ родственниковъ.

Несчастія начались явнымъ разстройствомъ здоровья обоихъ молодыхъ людей, печально заканчивавшихъ преждевременнымъ истощеніемъ свою непродолжительную жизненную карьеру. Не кончивъ курса ученія, надѣлавъ на своемъ короткомъ вѣку множество ошибокъ, они передъ концомъ показали трогательную взаимную привязанность и подъ вліяніемъ страданій и горя совсѣмъ перемѣнились къ роднымъ.

Оба брата провели послѣдніе мѣсяцы на югѣ — въ Пятигорскѣ, Николаевѣ, Ялтѣ, Одессѣ — и, какъ могли, облегчали другъ другу страданія. Теперь они научились цѣнить людей и ихъ услуги, такъ что въ ихъ письмахъ за послѣднее время уже совсѣмъ не замѣчается прежнихъ слѣдовъ молодой опрометчивости и запальчивости, неосновательныхъ притязаній; напротивъ, они считали себя глубоко обязанными доктору Лятушевичу и семейству квартирныхъ хозяевъ Поливановыхъ, всей душой привязавшихся къ больному жильцу (Дмитрію Михайловичу), за что Наталья Дмитріевна заочно горячо полюбила и благословляла это семейство, не зная, какъ лучше выразить ему свою глубокую признательность. Несмотря на то, что исчезала послѣдняя надежда Натальи Дмитріевны на свиданіе съ дѣтьми, съ особенной силой, неудержимо вспыхнуло уже съ обѣихъ сторонъ страстное желаніе осуществленія завѣтной мечты и совершенно заглушало доводы холоднаго разсудка. Какое безконечное горе, сколько порывовъ родительской и сыновней любви похоронено въ семейной перепискѣ!

Молодые люди имѣли въ сущности добрую душу, и все наносное дурное уступило теперь мѣсто болѣе благороднымъ порывамъ. Какъ мечтали они уже почти на смертномъ одрѣ о выздоровленіи, о свиданіи съ матерью, съ какимъ увлеченіемъ составляли планы счастливой жизни вмѣстѣ, гдѣ нибудь вдали отъ житейской сутолоки и соблазновъ, въ укромномъ уголкѣ Крыма! Но вступить на новый путь имъ уже не было суждено...

Кто бы могъ читать безъ состраданія, напр., такія строки Натальи Дмитріевны: „Какъ бы я поглядѣла на васъ, мои милые! Когда встрѣчаю молодыхъ людей вашихъ лѣтъ, сердце мое всегда болѣзненно сжимается. Я и смотрю на нихъ и слушаю ихъ съ мыслью о васъ. О, Боже мой! Неужели никогда не суждено мнѣ познакомиться съ дѣтьми моими? Неужели я всегда останусь для васъ *идеей,* а вы для меня незнакомцами?... Престранное положеніе! По крайней мѣрѣ утѣшаюсь мыслью, что если бы вы познакомились съ нами, то, вѣроятно, и полюбили бы болѣе“. Часто тоскующее сердце матери представляло себѣ состояніе здоровья дѣтей въ самомъ отчаянномъ видѣ, безъ сравненія хуже, чѣмъ оно было въ данную минуту въ дѣйствительности, а иногда, получая грустныя извѣстія отъ одного изъ сыновей, она воображала, что другого давно уже нѣтъ на свѣтѣ, и тогда вся жизнь снова рисовалась ей въ черныхъ краскахъ. Въ болѣе спокойныя минуты Наталья Дмитріевна уносилась мечтой въ тѣ счастливыя мѣстности Кавказа и Крыма, гдѣ жили ея незнакомыя, но неизмѣнно дорогія дѣти, съ любовью пересматривала крымскіе виды и переживала мучительные восторги воспоминанія обо всемъ, что ей было дорого, что было для нея выше самаго блага жизни. Вотъ какъ она говоритъ объ этомъ сама: „Такой нравственной пытки рѣдко случается испытывать. Не будь я прикована неволей къ этому несносному Тобольску, будь я въ другихъ обстоятельствахъ, ничто бы не могло удержать меня здѣсь въ неизвѣстности о васъ. Если бы я даже не имѣла на что ѣхать въ дорогу, я бы пѣшкомъ ушла: вѣдь ходятъ же на богомолье! И больная поплелась бы... Но неволя хуже и болѣзни и безденежья — и вотъ я мучилась, мучилась несказанно и тѣмъ болѣе, что брала на себя скрывать мое мученье отъ папеньки, потому что не затѣмъ за нимъ слѣдовала, чтобы тревожить его разными, быть можетъ, несбыточными предположеніями

несчастій и отравлять жизнь и безъ того горькую". Иногда мечты брали верхъ надъ этимъ сознаніемъ горькаго безсилія передъ обстоятельствами и разыгрывались до того, что вдругъ все казалось доступнымъ и возможнымъ: „Какъ мнѣ пріятно было узнать, что вамъ хочется перетащить и меня въ Ялту. Почему же и не попробовать похлопотать объ этомъ? Очень можетъ быть, что и удастся!"

Надо замѣтить, что Наталья Дмитріевна не разъ позволяла себѣ отчаянный рискъ, безъ разрѣшенія уѣзжая въ Ялуторовскъ и въ другія мѣста, и то, о чемъ прежде страшилась и подумать въ виду угрожающаго за своеволіе тяжкаго наказанія, со временемъ, становясь все смѣлѣе и рѣшительнѣе, стала повторять безъ особыхъ колебаній несчетное число разъ, чѣмъ даже хвалилась, говоря: „я это не въ первый разъ такъ путешествую"!*) Ей уже начинало представляться, что люди вообще часто преувеличиваютъ свои страхи отъ жалкой трусости, не смѣя ни на что отважиться, — и принимая безумный рискъ боевой натуры за своего рода жизненную мудрость, при всей невѣроятности такого убѣжденія у человѣка, казалось бы, совсѣмъ придавленнаго судьбой, она исповѣдывала полнѣйшую увѣренность, что стоитъ только чего-нибудь сильно захотѣть и настой-

*) Однажды по поводу этихъ самовольныхъ отлучекъ въ Ялуторовскъ Наталья Дмитріевна навлекла на себя непріятности со стороны князя Горчакова, которому она писала по этому поводу: „je faisai mes risques et perils et prête comme toujours accepter toutes les consequence de mes actions et mes opinions librement enoncées". Когда начинались разспросы и были потребованы справки, Наталья Дмитріевна, ни мало не смущаясь, увѣренно и съ большимъ дипломатическимъ искусствомъ ссылаясь на всѣ выгодныя для нея обстоятельства и соображенія, на свои прежнія поѣздки; требовала, чтобы ей были предъявлены именно тѣ распоряженія правительства, которыя относятся къ разсматриваемому случаю, и вообще вела такую искусную дипломатическую войну, что Горчаковъ былъ вынужденъ уступить. Однажды оказалось, что кн. Горчаковъ, недовольный по разнымъ личнымъ причинамъ Натальей Дмитріевной и ея мужемъ, хотѣлъ сдѣлать не совсѣмъ законное затрудненіе; эта попытка сію же минуту встрѣтила со стороны Натальи Дмитріевны горячій и энергическій отпоръ, кончившійся въ ея пользу.

чиво добиваться, и непремѣнно получишь желаемое, при чемъ, впрочемъ, необходимо также „умѣть ждать безъ охлажденія въ своихъ намѣреніяхъ“. Поэтому-то ей казалось возможнымъ, что дѣти ея добьются разрѣшенія ѣхать къ ней на свиданье въ Сибирь, но и тутъ шевелилось новое опасеніе: „если бы вамъ и удалось получить высочайшее разрѣшеніе пріѣхать сюда“ писала она одному изъ сыновей: „то опасно, чтобы здѣшній убійственный климатъ опять не разстроилъ вашего здоровья. Правда, папенька переноситъ его какъ-нибудь, но зато я здѣсь совсѣмъ погибаю, а ты, какъ я вижу, моего сложенія и такъ же золотушенъ, какъ я. Зимы здѣсь жестокія, о какихъ въ Россіи и понятія не имѣютъ“ и проч. Это соображеніе получало особенную силу въ виду того, что сыновья ея успѣли уже за время болѣзни привыкнуть къ благословенному южному климату. И снова муки мысли о нескончаемой разлукѣ и о смерти на чужбинѣ: „мысль, что меня похоронятъ здѣсь за валомъ, приводитъ меня въ какое-то непонятное для меня самой отчаяніе. Эта мысль составляетъ для меня такое ужасное нравственное мученіе, которое мнѣ даже и описать трудно. Когда мнѣ очень тяжело и грустно, я позволяю себѣ маленькое развлеченіе помечтать объ Ялтѣ. Гляжу на маленькіе домики въ горахъ, и мнѣ представляется, что одинъ изъ нихъ принадлежитъ мнѣ. Въ воображеніи моемъ создается премиленькій садикъ, съ видомъ на море; все благоухаетъ и цвѣтетъ вокругъ меня, хотя уже глубокая по времени осень. Мысленно брожу по дорожкамъ; оглядываюсь назадъ и въ раствореннную дверь вижу папеньку, играющаго къ какимъ-нибудь добрымъ сосѣдомъ въ шахматы. Неподалеку отъ нихъ Миша со стаканомъ чаю, съ сигаркой или трубкой и съ книгой, которую лѣниво перелистываетъ, а съ боковой дорожки выходишь ко мнѣ ты, и вотъ мы садимся и толкуемъ, толкуемъ до безконечности; издали доносятся до насъ смѣшанные звуки города, шумъ

листьевъ, плескъ волнъ... И чего, чего не переговорили мы; перебрали безъ связи и грустные и смѣшные эпизоды жизни нашей, а вотъ и Миша присоединяется къ намъ... И я такъ забываюсь, что начинаю удивляться, что мечты мои, наконецъ, сбылись... Но вотъ какой-то странный стукъ и вой и свистъ знакомый — что-то безотрадное врывается въ сладкую, привлекательную мою мечту; поднимаю голову: вокругъ пусто и темно, заунывный сибирскій вѣтеръ разбушевался, хлопаетъ ставнями; жалобно воетъ въ трубѣ, свиститъ на сосѣднемъ съ моимъ кабинетомъ чердакѣ, и скрипитъ и ворчитъ, словно какой-то бранчивый говоръ, съ злобной насмѣшкой повторяетъ: не бывать тому никогда! никогда! никогда!... А небо мрачно и покрыто тучами, только съ одной стороны прочистилось, и оттуда грустно смотритъ молодая луна, и именно съ юго-запада, куда было воображеніе умчало сердце! Такъ или почти такъ всегда кончаются мои завѣтныя мечтанія и начнетъ щемить грудь; такъ бы и выплакалась, да плакать не могу. Несмотря на горькія и тяжелыя пробужденія отъ грезъ, я, какъ любители опіума, при всякомъ удобномъ случаѣ пускаюсь на конькѣ моемъ въ мѣста завѣтныя, но всего чаще брожу около прекрасной уединенной церкви. И какъ отрадно мнѣ кажется улечься гдѣ-нибудь около... Не смѣйся, Митя мой сердечный, надъ моей глупостью; я увѣрена, что и ты и братъ твой гораздо меня во многомъ благоразумнѣе; но вспомни, что жизнь на волѣ и что жизнь въ тюрьмѣ и въ изгнаніи совершенно двѣ вещи разныя. Все на свѣтѣ имѣетъ свои выгоды и невыгоды: одна изъ выгодъ неволи, — что она сохраняетъ молодость сердца и тогда, когда въ другомъ положеніи давно бы ей должно исчезнуть". Изъ этихъ поэтическихъ строкъ можно отчасти понять чувства несчастной матери, которая только въ мечтахъ могла видѣть себя съ дѣтьми и которая съ такимъ глубокимъ сочувствіемъ отзывалась на радости

другихъ матерей въ случаѣ ихъ свиданій съ дѣтьми послѣ многолѣтней разлуки. Вотъ какъ она описывала такія впечатлѣнія: „Она (дочь) не знаетъ, какъ нѣжнѣе приласкать ихъ (родителей), и они на нее не наглядятся. Это одно изъ невѣроятно пріятныхъ событій нашей изгнаннической жизни, нѣчто необыкновенное въ родѣ Одиссеи, и стоитъ того, чтобы какой-нибудь Гомеръ воспѣлъ его“. Въ другомъ письмѣ Наталья Дмитріевна разсказываетъ о свиданіи Анненковыхъ съ замужней дочерью и съ ея дѣтьми. Когда пріѣзжіе отыскивали ночью родныхъ, то мать выбѣжала на шумъ, еще не ожидая ихъ; навстрѣчу ей вошла въ домъ молодая особа и остановилась, недоумѣвая, назвать ли матерью вскрикнувшую при встрѣчѣ съ ней даму. Такая радость, по словамъ Натальи Дмитріевны, въ Сибири настоящая диковинка; но не всегда она проходила благополучно: такъ и старикъ Анненковъ не выдержалъ неожиданнаго прилива счастья, занемогъ и на другой же день затосковалъ о предстоявшей разлукѣ. О себѣ Наталья Дмитріевна говоритъ не разъ, что она уже не можетъ вѣрить никакой радости и что все ей кажется, будто всѣ противъ нея въ заговорѣ и стараются отъ нея скрыть какую-то убійственную тайну; кто бы ни пришелъ, она боится, что гость можетъ оказаться вѣстникомъ новаго несчастья, и она отыскиваетъ въ его словахъ какой-то тайный смыслъ. „Слезы душатъ меня, и сердце бьется, какъ голубь“ говоритъ она по этому поводу, а въ другомъ мѣстѣ замѣчаетъ: „радость хоть изрѣдка и мелькнетъ намъ, но какъ-то съ нами не уживается; зато горе пріютилось къ намъ издавна и сроднилось съ нами, такъ что мы его уже и не чуждаемся“.

Такое сердечное изліяніе чувствъ вызывало теперь со стороны дѣтей живое участіе: несчастные лучше понимаютъ другъ друга. Вся жизнь была отравлена, — что же оставалось отраднаго, кромѣ горячаго, задушев-

наго сочувствія? Такъ же была откровенна Наталья Дмитріевна и съ своимъ воспитанникомъ Николаемъ Знаменскимъ: „Много воды утекло, мой милый мальчикъ“ — писала она ему однажды: — „съ тѣхъ поръ въ душѣ моей все перековеркано. Разлитіе воды всегда оставляетъ слѣды; лодочку мою сорвало и унесло въ житейское море; качало вѣтромъ и вертѣло бурей, а теперь она опять выплыла и бьетъ ее немилосердно волнами; но что нужды? Страха нѣтъ, въ волнахъ житейскихъ и узнавай людей“.

Несмотря на всѣ заботы о лѣченіи, здоровье окончательно измѣнило обоимъ сыновьямъ Натальи Дмитріевны, и они одинъ за другимъ сошли въ могилу: сперва Дмитрій, а за нимъ и Михаилъ. Еще одной радостью стало меньше въ жизни, снова рухнули самыя завѣтныя мечты Натальи Дмитріевны. До какой степени она мучилась за дѣтей во время ихъ болѣзни, видно изъ отчаянныхъ воплей тоски въ ея письмахъ къ Ивану Александровичу: „Я ни минуты не имѣю покоя отъ разныхъ предположеній. Не можетъ быть, другъ мой сердечный братецъ, чтобы и вы иногда не размышляли о загадочномъ поведеніи дѣтей, чтобы и вы не дѣлали какихъ-нибудь предположеній. Сообщите мнѣ, что вы объ этомъ думаете. Не бойтесь огорчить меня предположеніями: Господь давно уже оковалъ желѣзомъ душу мою; мысли и предположенія, какъ непріятельская армія, осаждаютъ меня со всѣхъ сторонъ. Напротивъ, если бы я знала, въ чемъ именно дѣло, если бы я могла себѣ истолковать дѣйствія дѣтей даже самыми неблаговидными причинами, я была бы спокойнѣе, предала бы ихъ и себя Богу, а теперь просто мученье ежечасное!“

Такъ безпокоилась Наталья Дмитріевна о дѣтяхъ при жизни ихъ, а вотъ какъ она встрѣтила ужасную вѣсть о кончинѣ старшаго сына: „имѣть сына и не знать его, и лишиться его, не узнавши, не имѣть возможности сохранить о немъ даже воспоминаніе, не имѣть понятія

ни о взглядѣ его, ни о голосѣ, ни о фигурѣ, ни о характерѣ, и, говорятъ, что это легче!... Ахъ, нѣтъ! Я лишилась сына на вѣки и совершенно, и въ прошедшемъ и въ будущемъ, лишилась всего безъ остатка — это ужасно! Только матери, находящіяся въ моемъ положеніи, могутъ понять мое горе, но и у нихъ остаются хотя воспоминанія, а у меня и тѣхъ нѣтъ: горе, горе и горе!...“ Понятно послѣ этого, что Наталья Дмитріевна еще безумнѣе стала мечтать о свиданіи съ послѣднимъ оставшимся сыномъ. „Будь я на твоемъ мѣстѣ — говорила она, — я бы все перевернула вверхъ дномъ, чтобы только достигнуть задуманнаго, особенно когда отъ этого зависитъ счастье отца и матери, томящихся въ изгнаніи и неволѣ. О рѣшимости характера твоего отца и говорить нечего: онъ до сихъ поръ, какъ ртуть живая... Горе, что мы связаны по рукамъ и по ногамъ нашимъ положеніемъ, а ты — другое дѣло“. И долго еще она тосковала о смерти первенца, жалуясь на свою горькую судьбу: „до сихъ поръ я все еще надѣялась съ вами видѣться — писала она Михаилу Михаиловичу, — „а теперь — Богъ знаетъ, не вѣрится: его никакая ужъ сила человѣческая не возвратитъ мнѣ — это кончено!“ Послѣ этого она стала еще нѣжнѣе заботиться о живомъ сынѣ, котораго хотѣла бы видѣть пристроеннымъ къ какому нибудь мѣсту или занятію, или хотя бы женатымъ на хорошей дѣвушкѣ: такъ ей было грустно, что онъ проводитъ безцѣльную и безполезную жизнь; напоминала ему о приближающемся двадцатилѣтнемъ возрастѣ. Но всѣ эти желанія и надежды были напрасны: и его уже со дня на день ждала могила.

Счастье, впрочемъ, блеснуло на мигъ отраднымъ лучомъ убитой горемъ матери, когда къ нимъ въ Тобольскъ пріѣхалъ погостить Иванъ Александровичъ съ свояченицей, Екатериной Ѳедоровной Пущиной, но и это счастье было обманчиво и непродолжительно.

Нечего говорить о томъ, съ какимъ восторгомъ послѣ тридцатилѣтней разлуки былъ принятъ Фонвизиными одинъ изъ любимѣйшихъ и преданнѣйшихъ родственниковъ, но срокъ свиданія промелькнулъ быстро; а вскорѣ пришло извѣстіе о вожделѣнномъ возвратѣ на родину, но новой встрѣчѣ уже не суждено было осуществиться, такъ какъ дни Ивана Александровича были сочтены. Почти вслѣдъ за нимъ скончался и Михаилъ Александровичъ, но уже по возвращеніи на родину.

Въ 1853 г. послѣ многолѣтняго тоскливаго изныванія въ Сибири, величайшая радость озарила грустное существованіе Фонвизиныхъ: получено было разрѣшеніе вернуться изъ ссылки. Но ѣхать одновременно было неудобно вслѣдствіе холоднаго времени, такъ что въ началѣ апрѣля двинулся въ путь Михаилъ Александровичъ, а Наталья Дмитріевна оставалась еще нѣкоторое время въ Тобольскѣ. Въ воспоминаніяхъ г-жи Францевой подробно расказано путешествіе Михаила Александровича изъ Сибири и полученіе имъ вѣсти о кончинѣ брата. Перейдемъ прямо къ чувствамъ и впечатлѣніямъ самой Натальи Дмитріевны при возвращеніи ея на родину.

Въ страхахъ и горестяхъ Натальи Дмитріевны всегда лучшимъ другомъ ея и дѣятельнымъ помощникомъ былъ Иванъ Александровичъ. Онъ и въ послѣдніе годы жизни хлопоталъ о доставленіи всевозможныхъ удобствъ больнымъ племянникамъ, освѣдомлялся о состояніи ихъ здоровья и пересылалъ извѣстія родителямъ, въ письмахъ ободрялъ ихъ, какъ могъ. Какъ самый попечительный и преданный родственникъ, онъ всегда хлопоталъ о дѣлахъ, касающихся семьи брата, наравнѣ съ собственными, и нерѣдко подавалъ дѣльные совѣты въ такихъ щекотливыхъ вопросахъ, какъ взаимныя отношенія родителей съ дѣтьми. И вотъ этого преданнаго друга не стало. Возвращаясь на родину, Наталья Дмитріевна получила новый тяжкій ударъ, который не

могъ не отозваться на настроеніи ея духа, да и вообще она уже вынесла изъ жизненнаго опыта мрачный взглядъ на вещи, и это сказалось на ея впечатлѣніяхъ по дорогѣ на родину.

Наталья Дмитріевна двинулась въ путь съ своей пріятельницей М. Д. Францевой. Въ высшей степени любопытны ея дорожныя впечатлѣнія, занесенныя въ дневникъ. Несмотря на нетерпѣніе поскорѣе выѣхать изъ Сибири, давно извѣстное всѣмъ, кто сколько нибудь зналъ Наталью Дмитріевну, несмотря на безумную радость, охватившую все ея существо при первомъ извѣстіи объ осуществленіи завѣтной мечты цѣлой жизни, Наталья Дмитріевна не могла оставить Сибирь безъ какого-то внутренняго содроганія и глубокой тоски. Въ виду постепенно исчезающаго вдали Тобольска она почувствовала, что что-то, какъ будто, оторвалось отъ ея сердца. Хотя и грустно провела она здѣсь лучшіе годы жизни, но все пережитое глубокими чертами врѣзалось въ душу и оставило навсегда неизгладимые слѣды. За тридцать лѣтъ ненавистная Сибирь сдѣлалась для нея поневолѣ второй родиной и казалась потомъ во многомъ привлекательнѣе средней полосы Европейской Россіи. „На Уралѣ — записала въ своемъ дневникѣ Наталья Дмитріевна, — мы остановились у границы европейской, означенной каменнымъ столбомъ. Какъ я кланялась Россіи когда-то, въѣзжая въ Сибирь, на этомъ мѣстѣ, такъ поклонилась теперь Сибири въ благодарность за ея хлѣбъ-соль и гостепріимство. Поклонилась и родинѣ, которая съ неохотой, какъ будто мачеха, а не родная мать, встрѣтила меня непривѣтливо; сердце невольно сжалось какимъ-то мрачнымъ предчувствіемъ и тутъ опять явилась прежняя тревога и потомъ страхъ. И время то было ненастное, такъ что все пугало“. Несомнѣнно, такое удрученное душевное состояніе являлось слѣдствіемъ тяжелыхъ воспоминаній о понесенныхъ навсегда потеряхъ, объ утраченной лучшей порѣ жизни и о по-

хороненныхъ въ покидаемомъ краѣ надеждахъ; слѣдствіемъ выработаннаго горькимъ опытомъ многихъ лѣтъ безотраднаго взгляда на будущее и того неожиданнаго и тѣмъ болѣе мрачнаго душевнаго холода, которымъ вмѣстѣ съ ненастьемъ повѣяло отъ горячо любимой когда-то родины. Чѣмъ болѣе подвигались путники внутрь Россіи, тѣмъ болѣе въ продолженіе десятковъ лѣтъ страстно идеализируемая въ мечтахъ родная страна поражала ихъ грустнымъ несоотвѣтствіемъ съ давно усвоеннымъ о ней представленіемъ. Ненастная, сырая погода, замѣтное несовершенство русскихъ дорогъ въ сравненіи съ сибирскими, сѣренькая провинціальная обстановка губернскихъ и особенно уѣздныхъ городовъ, ихъ пошлая прозаическая физіономія, — все это, когда-то столь знакомое, родное и близкое, теперь только раздражало и коробило своимъ безчувственнымъ равнодушіемъ и жалкими, бьющими въ глаза недостатками.

По дорогѣ только Екатеринбургъ произвелъ пріятное впечатлѣніе на Наталью Дмитріевну. „Тутъ и мрачность моя внутренняя разсѣялась", говорила она. Кромѣ того, въ Екатеринбургѣ она встрѣтила одно хорошо знакомое ей семейство, вмѣстѣ съ которымъ осматривала городъ, сады, оранжереи, любовалась видами и цвѣтами и проч. Зато послѣ Екатеринбурга передъ ней потянулась нескончаемая равнина и пошли испорченныя дороги и ухабы. Пермь показалась Натальѣ Дмитріевнѣ совсѣмъ непривлекательной: „въ противоположность красивому Екатеринбургу, она глядитъ Азіей". Подъѣзжая къ Казани, Наталья Дмитріевна испытала вихрь, какого не запомнитъ: „точно Россія гнѣвалась, что мы, непрошенные гости, противъ желанія ворвались къ ней на хлѣбы", и „душа изнывала отъ тоски". Разочарованіе горькой щемящей болью застонало въ сердцѣ Натальи Дмитріевны, и она съ злораднымъ наслажденіемъ колола русскихъ обидными для нихъ сравненіями съ сибиряками, и чѣмъ дальше ѣхала, тѣмъ настраивалась

мрачнѣе. „Изъ Нижняго — говоритъ она: — мы поѣхали въ болѣе спокойномъ расположеніи духа, но отнюдь не въ веселомъ настроеніи, напала какая-то неловкость; душа была точно вывихнутая кость, какъ будто не на своемъ мѣстѣ; все болѣе и болѣе становилось намъ жаль Сибири и неловко за Россію; впереди же не предвидѣлось радости. Изъ Нижняго поѣхали по шоссе; но что за лошади, а главное — что за ямщики! и ангелъ потерялъ бы съ ними терпѣніе. Что за мошенничество въ народѣ! какое противное лукавство! О, нѣтъ! сибиряки ангелы, если сравнить ихъ съ здѣшними. Они умны, смышлены и скрытны. Ну, да кто и безъ грѣха? но все же у нихъ есть хотя мѣстечко простое, чистое, а здѣсь?... здѣсь все пусто, все заросло крапивой, полынью и репейниками, и едва ли Бѣлинскій не правъ: ни въ священникахъ ни въ народѣ нѣтъ религіознаго чувства! Пошли разныя притязанія со стороны ямщиковъ и старостъ и притѣсненія со стороны смотрителей — и увы! послѣднее очарованіе насчетъ родины исчезло!“ Въ этихъ строкахъ такъ и дышитъ озлобленіе и горечь, и онѣ были бы, можетъ быть, неизвинительны въ другомъ положеніи, но здѣсь передъ нами женщина, которая сознавала, что вся ея жизнь безнадежно разбита.

Быстро подвигалась Наталья Дмитріевна къ Москвѣ, но приближеніе къ ней и особенно въѣздъ въ нее были только горькимъ финаломъ мрачныхъ картинъ, рисовавшихся въ ея душѣ во время обратнаго пути на родину. „25 мая въ четыре часа утра, въ понедѣльникъ, я какъ-то ожидала чего-то особеннаго отъ вида Москвы послѣ двадцатипятилѣтняго изгнанія въ странѣ далекой. Между тѣмъ, мнѣ показались сновидѣніемъ и въѣздъ въ Москву, и проѣздъ по городу: ни весело ни грустно, а равнодушно какъ-то, какъ во снѣ. Я полагаю, что Тобольскъ увидѣла бы теперь съ большей радостью“. Наталья Дмитріевна приказала ямщику везти

на Мясницкую, но онъ долго кружилъ и разспрашивалъ дорогу. Красныя ворота, Мясницкая улица, наконецъ, собственный прежній домъ,— все это наша путница встрѣтила безучастно: отъ прежняго обаянія родины не осталось ничего!... Она поспѣшила поѣхать къ теткѣ, но странное дѣло,—интересуясь другъ другомъ въ письмахъ, нетерпѣливо ожидая въ теченіе многихъ лѣтъ радостнаго свиданія, онѣ встрѣтились, какъ чужія, почувствовали взаимную неловкость, находя одна въ другой какія-то искаженныя копіи когда-то дорогихъ образовъ. Вмѣсто радостной встрѣчи съ знакомыми людьми и предметами, на Наталью Дмитріевну вдругъ пахнуло какимъ-то холодомъ погреба или нежилого помѣщенія; ото всего и отъ всѣхъ вѣяло чужимъ... Не успѣла еще Наталья Дмитріевна осмотрѣться, какъ явились чиновники отъ генералъ-губернатора Закревскаго, которые почти выгоняли ее изъ Москвы, такъ что, не отдохнувъ съ дороги, пришлось выѣхать изъ города, унося въ душѣ смутное и непріятное чувство, особенно при воспоминаніи объ опустѣвшемъ безъ хозяина домѣ Ивана Александровича.

Разочарованіе въ людяхъ и въ новой обстановкѣ росло съ каждымъ днемъ. Скоро пришлось убѣдиться Натальѣ Дмитріевнѣ въ томъ, что иные люди, которыхъ она заочно привыкла уважать и любить, на самомъ дѣлѣ не заслуживаютъ ни любви ни уваженія. Такъ, напр., свояченица покойнаго Ивана Александровича, Екатерина Ѳедоровна Пущина, оказалась при ближайшемъ знакомствѣ невыносимой особой. Стоило только Натальѣ Дмитріевнѣ поселиться вмѣстѣ съ нею, какъ она начала самымъ безцеремоннымъ образомъ злоупотреблять дружбой и довѣріемъ пріѣзжихъ родственниковъ. Начались споры и пререканія, сильно огорчавшія Михаила Александровича. Но этотъ уже глубокій тогда старикъ недолго пожилъ въ родномъ краѣ, а по смерти его отношенія двухъ родственницъ немедленно обостри-

лись. Екатерина Өедоровна съ какой-то напускной наивностью заявляла о своемъ нежеланіи вести какіе-либо денежные счеты съ родственниками и совершенно не стѣснялась въ своихъ тратахъ, стараясь притомъ во всемъ поступать по-своему. Пришлось дать ей понять ея безцеремонность, но это вызвало обиду и явныя оскорбленія. Наконецъ, ссора разыгралась по поводу памятника, заказаннаго Натальей Дмитріевной на могилу Ивана Александровича, который и былъ исполненъ на ея счетъ; но когда добрая родственница, считавшая себя болѣе близкой къ покойнику, начала всѣмъ дѣломъ распоряжаться отъ своего лица, какъ полная хозяйка, то получила такой отпоръ, за которымъ послѣдовалъ уже полный раздѣлъ. Наталья Дмитріевна имѣла вообще привычку ставить вопросъ ребромъ и говорить въ самой рѣзкой формѣ о томъ, что ей почему-либо не нравилось. Такъ еще въ Сибири она готова была однажды совсѣмъ разсориться съ женой о. Стефана изъ-за ея намѣренія женить своего сына Николая, тогда еще семинариста и почти совсѣмъ мальчика. Ни самая мысль о такомъ чудовищно раннемъ бракѣ для ея питомца, ни выборъ невѣсты нисколько не удовлетворяли Наталью Дмитріевну, и вотъ по-своему вспыльчивому и откровенному нраву она, не задумываясь, написала его матери громовое письмо, въ которомъ не воздерживалась отъ вспышекъ досады и прямо заявляла корреспонденткѣ, что сердце ея никогда къ ней не лежало. Наталья Дмитріевна вообще не любила хитрить и называла вещи ихъ именами, никакого притворства не выносила, и прямо объявляла, что если кто не выноситъ обличеній, на того она не обращаетъ никакого вниманія, потому что „люди Божіи не чуждаются обличеній, а кто не Божій, тотъ и мнѣ чужой“. Въ обществѣ Наталья Дмитріевна также всегда высказывалась прямо и рѣзко, вслѣдствіе чего при извѣстномъ несходствѣ убѣжденій, а особенно при малѣйшей тѣни притворства, разставалась съ людьми

навсегда и всегда также сильно чуждалась пестрыхъ многолюдныхъ собраній, говоря: „съ каждой шумной бесѣды уношу скуку и досаду о потерянномъ времени“. Высказаннаго въ предыдущихъ строкахъ принципа — быть всегда искренней и съ благодарностью принимать всякое слово, исходящее изъ души и глубокаго убѣжденія, Наталья Дмитріевна свято держалась и доказывала это на дѣлѣ. Если всякія увертки и малѣйшія проявленія уклончивости возбуждали въ ней гнѣвъ и отвращеніе, то рѣзко высказанную правду она всегда готова была выслушать, хотя и не всегда была настолько спокойна, какъ этого требовало убѣжденіе. Оттого въ своихъ сношеніяхъ со священниками она доходила иногда до такой интимности, что обоюдное духовное влеченіе грозило иногда утратить свой чистый характеръ. Здѣсь уже дѣйствовала ея бурная природа, дышавшая зноемъ страсти, готовымъ опалить и другое лицо. Такова была духовная природа этой женщины, одинаково бурно проявлявшаяся какъ въ Сибири, такъ и на родинѣ. Не вдаваясь въ подробности, остановимся на общей характеристикѣ отношеній Натальи Дмитріевны къ окружающимъ въ оба періода, какъ изгнанія, такъ и жизни въ Россіи.

Мы упомянули, что непріязненныя столкновенія съ родственниками окончательно отравляли существованіе Натальи Дмитріевны въ деревнѣ. Кромѣ безцеремонности Пущиной, причиной ихъ несогласій была также разница въ понятіяхъ и развитіи: Екатерина Ѳедоровна, радушно принятая Фонвизиными въ Тобольскѣ года три назадъ, не могла теперь не почувствовать при ежедневныхъ сношеніяхъ съ Натальей Дмитріевной, какъ онѣ далеки во всемъ. Наталья Дмитріевна, съ своей стороны, переносила съ трудомъ людей невысокаго умственнаго и нравственнаго уровня, тогда какъ, напротивъ, среди просвѣщеннаго круга декабристовъ у нея было такъ много добрыхъ пріятелей, которые въ своихъ

письмахъ въ весьма яркихъ краскахъ выказывали силу своей привязанности. Такъ племянникъ ея Дуровъ*), преданный ей душой, изливалъ свою привязанность въ горячихъ увѣреніяхъ въ вѣчной дружбѣ и даже прямо заявлялъ, что если онъ „дастъ какую-нибудь цѣну своей одинокой жизни, то это единственно въ надеждѣ встрѣтить еще разъ Наталью Дмитріевну на земномъ поприщѣ". „Не будь васъ" — прибавлялъ онъ — „такъ что и я: любить некого, жить не зачѣмъ". Когда для поправленія разстроеннаго здоровья Дуровъ поѣхалъ въ Одессу уже въ пятидесятыхъ годахъ, онъ питалъ надежду, что и Наталью Дмитріевну привлекутъ туда же „священные залоги подъ крестомъ", т.-е. надгробные памятники надъ могилами ея сыновей. Сергѣй Трубецкой, мужъ воспѣтой Некрасовымъ Катерины Ивановны Трубецкой, въ свою очередь, увѣрялъ Наталью Дмитріевну: „вы и Михаилъ Александровичъ составляли пріятнѣйшій предметъ моихъ разговоровъ съ безцѣннымъ спутникомъ моей жизни, но это время миновало для насъ, какъ для васъ. Теперь остается одно — доживать остатки дней, какъ Богъ велитъ". Но особенно всегда бывалъ благодаренъ Натальѣ Дмитріевнѣ за вѣсти о любимомъ сынѣ старикъ кн. Одоевскій, который называлъ Наталью Дмитріевну „ангеломъ земнымъ" говорилъ, что „она одна во всей вселенной столь часто извѣщаетъ меня о Сашенькѣ моемъ**), утѣшаетъ меня въ убійственной горести нашей". Нечего говорить уже о Павлѣ Сергѣевичѣ Бобрищевѣ-Пушкинѣ или Евгеніѣ Петровичѣ Оболенскомъ. Оболенскій отъ души жалѣлъ о горестяхъ Натальи Дмитріевны: „бѣдный, бѣдный и дорогой мой другъ! Зачѣмъ пала на вашу долю такая заботливость? Къ чему всѣ эти безконечныя хлопоты? Нельзя ли вамъ такъ устроить жизнь, чтобы и на со-

*) Петрашевецъ.

**) Извѣстномъ поэтѣ и другѣ Лермонтова, которому послѣдній посвятилъ одно изъ лучшихъ и трогательнѣйшихъ своихъ стихотвореній.

вѣсти было легко, и обязанности были исполнены". Оболенскій еще въ бытность въ Сибири нерѣдко обмѣнивался съ Натальей Дмитріевной мыслями о воспитаніи молодого Николая Знаменскаго, въ которомъ видѣлъ добраго, но легкомысленнаго юношу и о которомъ говорилъ: „какъ юноша онъ милъ, но душевная красота его мнѣ не такъ извѣстна, чтобы я могъ сказать, что наружная красота есть отблескъ внутренней". Самъ Николай Знаменскій въ годы ранней юности былъ исполненъ живой и горячей преданности къ своимъ благодѣтелямъ, съ которыми всегда радъ былъ видѣться и всегда съ восторгомъ спѣшилъ къ нимъ, когда пріѣзжалъ въ тотъ городъ, гдѣ они находились. Такъ было въ ихъ пріѣзды въ Ялуторовскъ, если онъ бывалъ тамъ, также было при проѣздѣ Фонвизиныхъ черезъ Казань. Михаилу Александровичу онъ посылалъ даже для прочтенія и исправленія свои первые опыты проповѣдей, всегда съ благодарностью принимая его указанія и совѣтуясь также о сочиненіяхъ на литературныя, философскія и богословскія темы. Добрая память о Натальѣ Дмитріевнѣ сохранилась вездѣ въ тѣхъ городахъ, гдѣ жили Фонвизины. Такъ Давыдовъ еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ сообщалъ Натальѣ Дмитріевнѣ, что въ Красноярскѣ очень много людей, умѣвшихъ цѣнить ихъ семейство.

Но ни съ кѣмъ, конечно, Наталья Дмитріевна не сошлась такъ близко и искренно, какъ съ своимъ будущимъ мужемъ, Иваномъ Ивановичемъ Пущинымъ. Мы говорили раньше, что въ началѣ сороковыхъ годовъ, во время сильнѣйшаго увлеченія аскетизмомъ и самыхъ дѣятельныхъ сношеній съ духовными лицами, Наталья Дмитріевна однажды, перечисляя въ письмѣ къ матери своихъ знакомыхъ и друзей, не особенно благосклонно отозвалась о Пущинѣ, назвавъ его вполнѣ мірскимъ человѣкомъ, что въ ея устахъ звучало очень нелестно. Но въ натурѣ Пущина было такъ много благородства

и вообще столько привлекательныхъ сторонъ, совершенно отвѣчавшихъ идеальнымъ требованіямъ Натальи Дмитріевны, что она не только скоро примирилась съ тѣмъ, что онъ мірской человѣкъ, но и привязалась къ нему больше всѣхъ другихъ декабристовъ, не исключая и самаго лучшаго друга, Павла Сергѣевича Бобрищева-Пушкина. Иванъ Ивановичъ Пущинъ былъ человѣкъ очень умный, живой, сообщительный, чрезвычайно искренній, но особенно отзывчивый на горе ближняго. Онъ постоянно о комъ-нибудь хлопоталъ, кому-нибудь старался сдѣлать добро. Къ нему примѣняли извѣстную пословицу о Маремьянѣ старицѣ, и свои заботы о другихъ онъ самъ привыкъ называть въ шутку „маремьянствомъ“. Этихъ качествъ было достаточно, чтобы сломить составившееся противъ него предубѣжденіе. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было указать человѣка, сердечнѣе относившагося къ людямъ вообще, въ особенности же ко всѣмъ декабристамъ; со всѣми онъ былъ въ сношеніяхъ, всѣ его любили и обо всѣхъ онъ всегда что-нибудь сообщалъ въ своихъ письмахъ, и гдѣ только представлялся случай, готовъ былъ помочь, оказать услугу и вездѣ внушалъ къ себѣ чувства благодарности. Съ этой стороны Наталья Дмитріевна должна была хорошо узнать своего будущаго мужа еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ, хотя бы напр. изъ одного письма Бобрищева-Пушкина, который однажды сообщалъ: „Пущинъ такъ спѣшитъ, что нѣтъ никакой возможности, некогда собраться съ мыслями, чтобы побольше написать къ вамъ. Къ тому же за эти дни за разныя его протекціи, о которыхъ онъ самъ вамъ разскажетъ, его кормятъ вездѣ на убой“ и проч. Эти протекціи составили, наконецъ, такую прочную репутацію Пущину, какъ доброму и сердечному человѣку, что случалось, къ нему обращались съ просьбами ходатайствовать передъ лицами, гораздо больше знавшими искателя милостей, нежели зналъ его Пущинъ.

Такъ какъ мы не имѣемъ писемъ Натальи Дмитріевны къ Пущину до пятидесятыхъ годовъ, то и не можемъ утверждать положительно, но думаемъ, что первый шагъ къ болѣе тѣсному сближенію между ними принадлежалъ Пущину. Въ своихъ письмахъ онъ такъ охотно балагуритъ съ нею и съ ея мужемъ, передаетъ такія любопытныя вѣсти о разсѣянныхъ по лицу Сибири декабристахъ, такое задушевное участіе принимаетъ во всѣхъ интересахъ Фонвизиныхъ, что неудивительно, если все это послужило прочнымъ основаніемъ дружбы его съ Натальей Дмитріевной. Пущинъ передаетъ всѣ впечатлѣнія, безъ всякихъ умолчаній или заднихъ мыслей; онъ говоритъ съ друзьями совершенно нараспашку, весело остритъ и шутитъ и глумится надъ самимъ собою, говоря: „еще въ старые годы почтенный мой директоръ*) часто говаривалъ мнѣ: „пожалуйста не думай, а то непремѣнно скажешь вздоръ". И „этотъ человѣкъ — прибавлялъ онъ — зналъ меня: я слѣдую его совѣту, и точно убѣждаюсь иногда, что, не думавши, какъ-то лучше у меня выходитъ". Настоящій смыслъ этихъ словъ былъ тотъ, что Пущинъ не столько слѣдовалъ обыкновенно разсудку, сколько выбору сердца. Съ Фонвизиными, какъ и съ другими декабристами, Пущинъ не могъ наговориться въ письмахъ и искренно желаетъ чаще видѣться. Онъ то приглашаетъ Наталью Дмитріевну во время одной изъ ея поѣздокъ взять путь на Ирбитъ, чтобы хоть на минуту увидѣться съ нимъ въ Туринскѣ, то съ радостью спѣшитъ ухватиться за намекъ со стороны Фонфизина на возможное свиданіе: „вы правы, что надобно пользоваться минутами близкаго сообщенія: часто предчувствую скорый отъѣздъ". Когда Наталья Дмитріевна повѣдала своему другу о непріятномъ впечатлѣніи, которое она испытала при взглядѣ на портреты дѣтей, онъ писалъ ей: „вѣрите ли, что я плакалъ, читая вашъ

*) Директоръ Царскосельскаго лицея Энгельгардъ.

разсказъ о портретахъ, или, лучше сказать, повѣсть сердца вашего при видѣ незнакомыхъ дѣтей?" Не чуждъ былъ Пущинъ и добродушной ироніи, когда дѣло касалось какихъ-нибудь неудачныхъ распоряженій начальства, являясь въ такихъ случаяхъ наиболѣе отчаяннымъ либераломъ изъ семьи декабристовъ, съ которыми только были въ сношеніяхъ Фонвизины. Въ этомъ отношеніи онъ тоже сходился съ Натальей Дмитріевной, по природѣ безумно рѣшительной какъ въ словахъ, такъ и на дѣлѣ. Оба они съ увлеченіемъ читали извѣстное письмо Бѣлинскаго къ Гоголю и всѣмъ этимъ либерализмомъ приводили въ ужасъ одного наивнаго добраго пріятеля, надъ которымъ много трунили по поводу его упрековъ въ неосторожности.

Горячая преданность Оболенскому также могла способствовать сближенію Натальи Дмитріевны съ Пущинымъ. Сближеніе шло очень быстро въ концѣ сороковыхъ, а особенно въ пятидесятыхъ годахъ, письма къ нему отъ Михаила Александровича и Натальи Дмитріевны читались имъ въ собраніяхъ кружка ялуторовскихъ декабристовъ, при чемъ на подчеркнутыя строки, въ которыхъ заключалась какая-нибудь просьба за себя или за другихъ, обращалось особое вниманіе. Но всего любопытнѣе настойчивыя желанія Пущина, чтобы Наталья Дмитріевна освободилась отъ физическихъ и нравственныхъ недуговъ, хотя, при извѣстномъ намъ настроеніи ея въ началѣ сороковыхъ годовъ, такія желанія, казалось бы, должны были быть ей не по душѣ. Наконецъ, чрезвычайно оригинально, что Наталья Дмитріевна, не подозрѣвая, что ей придется быть его женой, и какъ бы отвѣчая на его сердечное расположеніе и сочувствіе къ ней, не разъ заводила съ нимъ интимный разговоръ о его будущей женитьбѣ и сватала ему невѣстъ. Когда Пущинъ жилъ вмѣстѣ съ Оболенскимъ въ Туринскѣ, они были почти неразлучны; въ это время у Натальи Дмитріевны мелькнула мысль о женитьбѣ

одного изъ нихъ на одной общей знакомой, которую она называла въ письмахъ „молодой бабушкой“. Это, конечно, была пока шутка, на которую въ томъ же тонѣ отвѣчалъ и Пущинъ, говоря, что онъ совѣтуетъ вмѣсто себя обвѣнчать Оболенскаго, такъ какъ онъ „найдетъ счастье тамъ, гдѣ я, грѣшный человѣкъ, его и не примѣчу“. Но вскорѣ бесѣда на подобную тему сдѣлалась довольно обычной, такъ что Пущинъ сталъ отшучиваться, что ради хронической болѣзни своей ноги, потому что „не вздумаешь стать на очередь запоздавшихъ жениховъ“. Наконецъ, онъ писалъ прямо: „прошу васъ всѣми зависящими отъ васъ средствами прекратить эти толки. Я одинъ разъ только въ жизни думалъ жениться; это не удалось — и дѣло кончено“. Но когда, несмотря на это, Наталья Дмитріевна задумала женить его на одной изъ своихъ подругъ и горячо обсуждала это дѣло съ Михаиломъ Александровичемъ, то Пущинъ началъ энергически протестовать и, выражая благодарность за хлопоты объ его счастьи, заявилъ однако: „придетъ минута, когда сама Н. Д. будетъ мнѣ благодарна, что я за нее и за себя умѣю разсуждать“ и наконецъ, онъ проситъ всѣ эти толки прекратить навсегда. Во всякомъ случаѣ взаимное расположеніе Натальи Дмитріевны и Пущина росло съ каждымъ годомъ, такъ что въ началѣ пятидесятыхъ годовъ случилось, что украдкой отъ властей Наталья Дмитріевна отправилась въ Ялуторовскъ для свиданія не только съ о. Стефаномъ, но и съ Пущинымъ, за что послѣдній благодарилъ Михаила Александровича, сожалѣя при этомъ, что самъ Михаилъ Александровичъ не рискнулъ на совмѣстную поѣздку съ женой.

Такимъ образомъ еще передъ отъѣздомъ Фонвизиныхъ изъ Сибири началось весьма интимное сближеніе Натальи Дмитріевны съ Пущинымъ, которое уже тогда становилось постепенно на степень страсти, хотя она пока еще не проявлялась замѣтно для посторон-

няго глаза и уживалась съ давней и искренней привязанностью къ мужу. Позже Наталья Дмитріевна называла время перваго знакомства съ Пущинымъ „эпохой чудной, благодатной, записанной въ небѣ“. Казалось бы, продолжительная разлука при слабой надеждѣ на возможность свиданія должна была охладить взаимную любовь; но, напротивъ того, она все болѣе разгоралась. Ни самъ Пущинъ ни Наталья Дмитріевна ни мало не думали при жизни Михаила Александровича о какой либо любовной интригѣ, но смерть его развязала имъ руки и облегчила имъ совѣсть. Наталья Дмитріевна стала усиленно переписываться съ Пущинымъ, сообщая ему въ послѣдовательномъ рядѣ писемъ всю внутреннюю исторію своей жизни; она исповѣдовала передъ нимъ всѣ завѣтныя чувства и помышленія и съ такимъ страстнымъ нетерпѣніемъ ожидала его отвѣтовъ, что ближайшія къ ней довѣренныя лица изъ слугъ по ея волненію легко узнавали, что между пакетами изъ Сибири ея госпожѣ подавали письмо Пущина, нисколько, впрочемъ, сначала не догадываясь объ ихъ любви. Письма адресовались по условному соглашенію корреспондентовъ съ одной стороны на имя одной ялуторовской мѣщанки, исправно передававшей ихъ Пущину, съ другой — на имя няни Натальи Дмитріевны и наполовину писались аллегорически, хотя, имѣя въ рукахъ всю переписку, легко найти ключъ къ разъясненію всѣхъ намековъ. „Прошу васъ мои аллегоріи не сообщать общимъ друзьямъ“, писала Наталья Дмитріевна иногда Пущину, если передавала что-нибудь особенно интимное. Такія аллегорическія письма, однако, представляли немалое неудобство и легко вели къ недоразумѣніямъ и искаженіемъ смысла даже со стороны переписывавшихся; относительно же цензуры почтовыхъ чиновниковъ Наталью Дмитріевну не мало забавлялъ тотъ туманъ, который должны были навести всѣ эти аллегорическія Тани, Назаріи, юноши и т. п.

Однажды въ встревоженной аскетическими порывами совѣсти Натальи Дмитріевны, уже по смерти ея мужа, шевельнулся укоръ за неисполненіе даннаго въ юности обѣта поступить въ монастырь. Мрачная картина прожитой жизни съ ея постоянными мученіями быстро пронеслась въ ея воображеніи, и она вся отдалась порыву ужаса и отчаянія, внезапно представивъ себѣ, что всѣ пережитыя испытанія были посланы за нарушеніе обѣта. И вотъ въ ней снова проснулось жаркое желаніе загладить свою вину, хоть на склонѣ лѣтъ, заживо похоронить себя въ монастырскихъ стѣнахъ, чтобы „мечтать до гроба лишь о гробѣ". Въ натурахъ эксцентрическихъ и одаренныхъ пылкимъ воображеніемъ, случайно залетѣвшая искра религіознаго самообличенія при первомъ дуновеніи вѣтра разгорается въ пожаръ и давно угасшее намѣреніе можетъ моментально получить всю силу безповоротнаго рѣшенія. Могло бы такъ случиться и съ Натальей Дмитріевной, если бы ее не волновали противоположныя влеченія. „Что-то прежнее бывалое райское, съ быстротой молніи пролетѣло надо мною, какъ будто свѣтлый ангелъ осѣнилъ меня грѣшную чистыми крылами". Ближайшимъ поводомъ къ воскрешенію юношескаго порыва въ груди уже старѣвшей женщины послужило, кромѣ освобожденія отъ долголѣтнихъ узъ супружества, данное ею духовнику обѣщаніе съѣздить въ Бельмажскій женскій монастырь, въ которомъ она когда-то хотѣла постричься. Принеся на исповѣди покаяніе въ томъ, что не исполнила обѣта передъ Богомъ, Наталья Дмитріевна рѣшила, не откладывая, послѣдовать требованію духовника, нашедшему въ ея душѣ сочувственный отликъ. Но лишь только она увидала себя подъ сводами той самой обители, которая когда-то привлекала къ себѣ ея юныя мечты, какъ вся она беззавѣтно отдалась охватившей ее волнѣ самоотреченія. Вся монастырская обстановка, эта глубокая тишина, чувство отдаленія отъ міра и его

печалей, проснувшееся подъ мирными сводами монастырской церкви, — все это, когда-то такъ сильно дѣйствовавшее на ея душу, воспламенило таившуюся въ ней искру. „Этотъ монастырь — говорила она — „такъ мнѣ понравился, такъ отрадно было тамъ молиться, что я въ порывѣ безумнаго отчаянія чуть не рѣшилась навѣки тамъ заключиться и разомъ со всѣми, и любящими меня и ненавидящими, близкими и далекими, оборвать всѣ связи“. Ей вдругъ съ необычайной живостью, при одной мысли о вѣчныхъ утратахъ, среди дѣйствующей на чувство обстановки, представилось, что она одинока во всемъ мірѣ, что у нея нѣтъ никого близкаго и кровнаго, и что она чувствуетъ непреодолимое призваніе къ отшельнической жизни. Но какъ сильно она въ этомъ ошиблась, ей стало скоро ясно. Мірскіе интересы, заботы и привязанности не уступали безъ борьбы своихъ правъ и насмѣхались надъ призывомъ свыше. Лишь только, вернувшись въ гостиницу Наталья Дмитріевна успѣла переступить порогъ, отдѣляющій тихую обитель отъ суетнаго міра, лишь только объявила своимъ спутникамъ о своемъ внезапномъ рѣшеніи, а тѣмъ болѣе только что вернулась домой, какъ плачъ домашнихъ и сожалѣнія крестьянъ поколебали ее, и встревоженная совѣсть стала искать успокоенія хотя бы въ посвященіи себя устройству судьбы людей, ввѣренныхъ ея попеченію. А между тѣмъ среди близкихъ друзей произошелъ переполохъ: Марья Дмитріевна Францева написала о своемъ безпокойствѣ насчетъ Натальи Дмитріевны въ Иркутскъ, сообщенный слухъ тотчасъ сталъ циркулировать между ссыльными декабристами, возбуждая во всѣхъ недоумѣніе, наивная же няня Натальи Дмитріевны вообразила, что ея барыню повезли въ острогъ или обратно въ Сибирь. Однимъ словомъ, создалось томительное ложное положеніе, хуже котораго едва ли можно что-нибудь представить.

Весь этотъ эпизодъ доказывалъ, какъ мало опредѣ-

леннаго въ земномъ, житейскомъ смыслѣ было въ предположеніяхъ Натальи Дмитріевны относительно ея постоянно усиливавшагося сближенія съ Пущинымъ, и какъ бурно свирѣпствовали въ ея душѣ разнородныя страсти (причемъ всѣ волненія тяжело отзывались на ея организмѣ, проведя ее къ частнымъ кровопусканіямъ и къ другимъ медицинскимъ пособіямъ). „Странная жизнь моя, писала Наталья Дмитріевна Пущину: „только-что я начинала думать, что достигла, наконецъ, обыкновенной житейской колеи и по этой избитой дорогѣ, достигну предположенной цѣли, какъ незамѣтно для себя самой сбилась въ сторону и неожиданно обрушилась въ бездну. Если бы за двѣ недѣли до моего горя мнѣ кто-нибудь сказалъ, что оно не такъ скоро, но даже *когда-нибудь* постигнетъ меня, я бы не только стала спорить, а даже съ насмѣшкой отвергнула бы возможность чего-нибудь подобнаго“.

Наталья Дмитріевна искала своимъ страстнымъ порывамъ и вспышкамъ оправданія въ томъ, что ея натура „магнитная“ и эксцентрическая, и напоминала Пущину, какъ однажды она такъ завлекла его живыми воспоминаніями прошлаго, что онъ съ жаднымъ вниманіемъ прослушалъ до разсвѣта исторію Татьяны Лариной, когда гостилъ у ея мужа въ Тобольскѣ. Наконецъ, она успокаивала себя мистической теоріей о нормальныхъ возрастахъ. Своимъ нормальнымъ возрастомъ она считала душевное нормальное свойство тринадцати-лѣтней дѣвочки, глупой и застѣнчивой, а между тѣмъ рѣшительной до безразсудства, неблагоразумной и неразсчетливой. Нормальнымъ возрастомъ Пущина, по ея мнѣнію, былъ возрастъ двадцати-восьмилѣтняго юноши, уже разсудительнаго, почти переходящаго въ мужской возрастъ. Павелъ Сергѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ имѣлъ, по ея мнѣнію, нормальный возрастъ двѣнадцатилѣтняго мальчика. Наталья Дмитріевна чувствовала даже неловкость передъ Пущинымъ и признавалась, что ей совѣстно было бы показаться ему

на глаза, если бы имъ пришлось еще разъ встрѣтиться, и вообще она какъ бы испытывала теперь какой-то пароксизмъ ужаса, такъ что ей казалось, что „собираются грозныя тучи, ходятъ кровавыя облака". Обиднѣе всего было то, что за восторженнымъ рѣшеніемъ, которое такъ трагически-величаво завершило бы ея бурный жизненный путь, если бы было осуществлено на дѣлѣ, приходилось представлять изъ себя унизительное комическое зрѣлище и давать пищу всякаго рода нелѣпымъ сплетнямъ и толкамъ. Все это она мучительно сознавала и должна была признаться, что „ту эпоху жизни, которую я считала опорой, по отсутствію поэзіи можно скорѣе назвать комедіей, потому что тутъ въ подробностяхъ найдется много пошлаго и смѣшного, мое положеніе было жалкое и мучительное, но самые мучительные страхи были подобны преуморительнымъ сценамъ и выходкамъ". „Въ послѣднее время вы слишкомъ любовались на меня", писала она Пущину, „и съ моей стороны было бы низко оставлять васъ въ такомъ пріятномъ заблужденіи на вашъ счетъ". „Отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ" — такъ и эксцентрической натурѣ легко вмѣсто героини попасть въ положеніе обыкновенной взбалмошной и пошло-причудливой барыни. Но Пущинъ отнесся съ глубокимъ сочувствіемъ къ нравственнымъ мукамъ своего друга, чѣмъ окончательно завоевалъ ея сердце.

Когда-то Пущинъ высказалъ мысль, что онъ ни въ какихъ обстоятельствахъ и никогда не рѣшился бы ревновать женщину, считая долгомъ чести во всякомъ случаѣ вину въ происшедшемъ охлажденіи принять на себя, и это свое убѣжденіе онъ, дѣйствительно, доказалъ потомъ на дѣлѣ. Неудивительно, что онъ отзывчиво и сердечно могъ отнестись къ исповѣди подавленной души. И за это участіе Наталья Дмитріевна, по ея словамъ, готова была пасть на колѣни и сдѣлать земной поклонъ своему другу. „Ваше благодѣтельное

участіе — пишетъ она — зашевелило ретивое; я сквозь слезы взглянула на Божій свѣтъ и увидѣла, что и для меня свѣтитъ солнышко“, и тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ называетъ свое чувство къ Пущину и Бобрищеву-Пушкину „святымъ чувствомъ сестры къ братьямъ“. Понятно послѣ этого, что Наталья Дмитріевна рыдала надъ письмомъ Пущина. Тогда вспыхнула въ ней поздняя, но жаркая страсть. Но долго еще она не отдѣляла въ своихъ мысляхъ Пущина и Бобрищева-Пушкина, и вскорѣ послѣ разсказаннаго случая, за нѣсколько минутъ до перваго удара колокола на Пасхѣ, зажгла въ домѣ всѣ лампады передъ иконами, любовалась, переливами ихъ свѣта и, наконецъ, въ пламенномъ изступленіи бросилась передъ образомъ молиться за двухъ ближайшихъ и неизмѣнныхъ друзей.

Съ этихъ поръ всѣ тайны души Натальи Дмитріевны были открыты для Пущина, при чемъ она сама говорила о себѣ: „Я вся соткана изъ крайностей и противоположностей; если молчу, то ни однимъ намекомъ ни однимъ жестомъ не выскажусь, а рѣшусь на откровенность, то не могу ничего скрыть, высказываясь до цинизма, какъ вы знаете, — тогда другъ, которому передаю мою душу, дѣлается для меня въ полномъ смыслѣ другимъ я. Все или ничего былъ девизъ мой съ младенчества“. Въ этихъ изліяніяхъ Наталья Дмитріевна стала называть Пущина юношей, а себя то Таней, которой на ея условномъ языкѣ приписывались всѣ вспышки, порывы и необдуманныя слова и поступки, то Натальей Дмитріевной — въ другихъ случаяхъ, тогда какъ Пущинъ, въ подражаніе ей, въ свою очередь, говорилъ то о юношѣ, подразумѣвая подъ этимъ словомъ все, что имѣло отношеніе къ его поздней страсти, то объ Иванѣ Ивановичѣ, когда рѣчь шла объ остальныхъ проявленіяхъ его личности.

Опредѣляя свои отношенія къ Пущину, Наталья Дмитріевна много говоритъ о женскомъ стыдѣ, дающемъ

вмѣстѣ съ пылкимъ женскимъ увлеченіемъ преимущество женщинѣ передъ мужчиной, но вмѣстѣ съ тѣмъ признается: „женская гордость проявляется у насъ съ мужчинами, не имѣющими на насъ магнитнаго вліянія; женщина въ полномъ смыслѣ этого слова всегда хранитъ всѣ свои нравственныя сокровища для любимаго существа и не расточаетъ ихъ съ другими“. Эту-то магнитную силу и неотразимую власть надъ нею имѣлъ, по ея признанію, Пущинъ, и она чувствовала себя гораздо привольнѣе, когда могла повѣрять свои мысли бумагѣ, нежели приносить признаніе въ непосредственной устной бесѣдѣ, лицомъ къ лицу, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ ее стѣсняла женская стыдливость. Вскорѣ послѣдовали въ письмахъ страстныя признанія съ обѣихъ сторонъ и высказывались такого рода сожалѣнія: „Зачѣмъ бѣдная Таня сдѣлала на васъ такое сильное впечатлѣніе? Не берусь рѣшить, ладно это, или нѣтъ. Мнѣ грустно если я могу повредить вамъ, если моя буря душевная отозвалась такою же бурей и въ вашей душѣ. Несчастное существо! Неужели мнѣ суждено вездѣ опалять, куда ни прикоснется мое огневое сердце?“ Или: „Вы какъ будто радуетесь, что Таня расшевелила въ сердцѣ почти заснувшія струны, привела въ чувство и оживила вашу нормальную внутреннюю молодость, да не на добро ли воскресила ее чародѣйка? Вижу, вижу: молодая жизнь опять забила живымъ ключомъ въ горячемъ сердцѣ, гдѣ до того водворилось было болѣе спокойное и болѣе серіозное чувство. Юноша начиналъ засыпать; въ его грезахъ было даже по временамъ что-то тяжкое, какъ будто недомоганье какое-то, онъ просыпался на мгновеніе, быстро взглядывалъ на окружающее своимъ яснымъ взглядомъ молодымъ и опять закрывалъ глаза, поэзія юности мало-по-малу облекалась въ житейскую прозу... Вотъ въ какомъ положеніи застала васъ исповѣдь чародѣйки Тани и, какъ вѣдьма или оборотень, умѣла

она изъ старой бабы явиться молоденькой дѣвчонкой, пропѣла русалкой какую-то дивную пѣсню, потомъ съ воплемъ отчаянья бросилась она, минуя серіознаго. насмѣшливаго рара Poustchine, къ давно знакомому юношѣ и съ неудержимой откровенностью тринадцатилѣтней дѣвочки, не давши бѣдному опомниться отъ усыпленія, начала безъ связи, безъ смысла и разбора разсказывать бѣду свою" и проч.

Въ длинномъ рядѣ писемъ Наталья Дмитріевна подробно описывала Пущину всѣ переживаемыя ею впечатлѣнія, иногда съ такимъ увлеченіемъ предаваясь психологическому анализу своихъ чувствъ, что передъ читателемъ въ самомъ дѣлѣ встаютъ какъ будто двѣ ярко очерченныя фигуры: Тани и Натальи Дмитріевны. Таня является двойникомъ послѣдней, но она надѣлена такими яркими индивидуальными чертами, что невольно изумляешься богатому воображенію автора писемъ. Танѣ, какъ мы сказали, приписываются всѣ увлеченія, всѣ ложные шаги и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то неопредолимое обаяніе на окружающихъ; Наталья Дмитріевна — гордая неприступность, самообладаніе. Таня — виновница душевнаго разлада Натальи Дмитріевны, которая, вспоминая свою прежнюю жизнь, еще не возмущенную вмѣшательствомъ Тани, говоритъ: „бывало и для меня жизнь текла чистымъ ручейкомъ или живымъ ключемъ била въ сердцѣ, было благорасположеніе ко всѣмъ, любовь ко всему прекрасному, какая-то духовная чистота въ сношеніяхъ съ людьми". Но Таня своимъ безразсудствомъ и излишней пылкостью вредитъ Натальѣ Дмитріевнѣ на каждомъ шагу: ее любятъ, ей подчиняются, и безсильное слово благоразумія невольно замираетъ на устахъ Натальи Дмитріевны. Такъ каждое появленіе Тани портитъ дѣло въ сношеніяхъ Натальи Дмитріевны съ крестьянами: „глупая Таня является такъ внезапно, что и замѣтить ея приходъ не успѣю. Тогда я могу говорить цѣлый часъ, меня слушаютъ

изъ вѣжливости или повиновенія, но вниманіе слушающихъ поглощено Таней; высокія истины скользятъ мимо ушей, а ея заунывные, задушевные напѣвы больше шевелятъ сердце, чѣмъ всѣ мои проповѣди. Мужички за Таню готовы въ огонь и въ воду, а меня и въ грошъ не ставятъ". „И что за обаяніе — жалуется она въ другомъ мѣстѣ на свой двойникъ, — которымъ она отуманиваетъ добрыхъ людей? Она меня измучила, а сладить съ ней я не въ силахъ. И что это за пагубная власть дана ей надъ душами, мнѣ ввѣренными". Такимъ образомъ Таня вездѣ является какимъ-то сверхъестественнымъ существомъ, кототорое Наталья Дмитріевна называетъ также „мой fatum".

Во множествѣ другихъ писемъ, Наталья Дмитріевна, оставляя аллегорію въ сторонѣ, много говорила о своихъ помѣстьяхъ и крестьянахъ, о своемъ нравственномъ вліяніи на нихъ, о томъ, какъ часто она любитъ, „сбросивъ офиціальный санъ свой, толковать съ людьми Божьими, какъ человѣкъ съ человѣками, и тогда они не узнаютъ меня; я тогда гораздо ниже ихъ и въ полномъ смыслѣ слова слуга по волѣ Бога моего". Она много разсказываетъ о томъ, какъ стремится дѣйствовать на нихъ нравственной силой, какъ старается добиться искренняго сознанія виновныхъ и въ какое неловкое положеніе ставитъ тѣхъ, которые хотятъ дѣйствовать обманомъ. Не этими ли качествами обладала Таня и не за нихъ ли деревенскіе старожилы такъ привязались къ Натальѣ Дмитріевнѣ, что говорили, будто не запомнятъ такой чудной барыни? Но всѣ эти письма, какъ и предыдущія, писались въ возбужденномъ нервномъ состояніи, въ поздніе ночные часы, среди глубокой тишины, при чемъ экзальтація страсти иногда внезапно охватывало все существо Натальи Дмитріевны, и изъ души ея вырывались страстныя до отчаянія признанія. Тогда она прямо говорила отъ лица Тани и обращалась къ юношѣ, котораго просила скрыть письмо

отъ Papa Poustchine, потому что „изъ всѣхъ этихъ элементовъ письма одинъ сладкій пирогъ испечь можно, а Papa любитъ трапезу посущественнѣе“. И вотъ эта-то шутливая форма и этотъ замаскированный аллегоріями тонъ предназначались служить убѣжищемъ для женской стыдливости Натальи Дмитріены, только что писавшей: „ты правъ, что съ ней творится, то необычайно и остается и останется выше всякой насмѣшки. Неправда ли, что, читая эти строки, ты чувствуешь себя внѣ области мірскихъ сужденій и какъ бы въ мѣстѣ отдѣльномъ и объяснимомъ для тебя, въ мѣстѣ какой-то странной для тебя и доселѣ неизвѣстной тебѣ свободы? Тайна наша между нами и Богомъ. Не бойся встрѣтить Назарія: передъ тобой твоя бѣдная Таня, падшая пери, любящая, немощная женщина. Не хочу я твоей теплой дружбы: она стынетъ отъ осеннихъ вѣтровъ: дай мнѣ любви, горячей любви, огненной, юношеской: въ твоей 28-лѣтней природѣ долженъ быть большой запасъ этого чувства, и Таня не останется въ долгу у тебя: она заискрится, засверкаетъ передъ тобою и засвѣтится этимъ яркимъ огнемъ“. Но иногда въ сердце Натальи Дмитріевны закрадывается сомнѣніе въ прочности и даже естественности такой поздней любви, и она пишетъ: „мнѣ сдается, что я, прежняя церемонная, тебѣ больше нравилась. Ну, что же? разлюби меня, если можешь. Отбрось, откинь отъ своего сердца: вѣдь я не обманывала тебя; я говорила и говорю прямо, что я не стою твоей любви“. Въ другіе раза она писала о себѣ, что такимъ мѣсто въ монастырѣ или въ больницѣ, тогда какъ въ семействѣ они могутъ быть только въ тягость. Надо сказать правду, что, открывая свою душу, Наталья Дмитріевна нисколько не старалась выставлять себя лучше передъ будущимъ женихомъ, чѣмъ была въ дѣйствительности, и въ своей исповѣди касалась такихъ поступковъ и мыслей, разсказъ о которыхъ могъ бы оттолкнуть всякаго мужчину, менѣе

самоотверженно ей преданнаго. Такъ въ самомъ пылу любовной горячки къ Пущину она едва устояла противъ чувственнаго искушенія, въ которомъ не только покаялась, но даже съ самымъ подробнымъ и искуснымъ психологическимъ анализомъ изобразила сладострастную нѣгу. Отъ ея писемъ такъ и дышитъ правдивостью разсказа, что, конечно, было бы совсѣмъ не въ интересахъ особы, желавшей привлечь къ себѣ любимаго мужчину. Она прямо признавалась, что для усмиренія бунтующей плоти и въ посрамленіе себя въ самыя страшныя минуты соблазна ставила передъ собой портреты Пущина и Бобрищева-Пушкина, чтобы эти изображенія ее пристыдили и удержали отъ грѣха. „Кромѣ того, что стыдно, — говорила она — я рискую потерять твою привязанность, рискую возмутить тебя подробностями“. Послѣ такихъ признаній не диво въ перепискѣ Натальи Дмитріевны встрѣтить воспоминанія о неудовлетворенности первымъ супружествомъ, потому что хотя Мишель и былъ ангелъ, но не подходилъ къ ея бурному темпераменту. Неудивительны и сны на яву о томъ, какъ ее съ Пущинымъ ведутъ на казнь; неудивительно ея признаніе няни, что она намѣрена перемѣнить судьбу, вызвавшее съ ея стороны рѣшительное заявленіе, что будущій мужъ окажется пьяницей, картежникомъ и не будетъ стоить ногтя Михаила Александровича.

Глубокая привязанность Пущина все перенесла и, наконецъ, по возвращеніи его на родину, бракъ увѣнчалъ ихъ позднюю страсть*). Всѣ старые сибирскіе зна-

---

*) Еще задолго до свадьбы Наталья Дмитріевна ѣздила къ своему жениху въ Ялуторовскъ. Любопытно, что ея причудливая натура долго не позволяла ей остановиться на опредѣленномъ рѣшеніи: ей не разъ приходило въ голову, что женихъ ея не ревнивъ, слѣд. не любитъ ея; она даже совѣтовала ему жениться на другой, такъ что однажды онъ съ досадой сказалъ: „пожалуй, и женюсь“. Когда Пущинъ вѣнчался, онъ походилъ болѣе на отжившаго старика, нежели на новобрачнаго. Наталья Дмитріевна такъ сообщаетъ объ этомъ: „Иванъ Ивановичъ вѣнчался въ среду утромъ молодцомъ и весь день былъ веселъ. Жаль, что здоровье плохо. Все же лучше, что есть кому за нимъ походить“.

комые и возвращенные декабристы приняли это извѣстіе съ изумленіемъ. Отовсюду понеслись поздравленія и привѣтствія. По словамъ Натальи Дмитріевны, „многіе говорили, что ожидали этого брака, другіе находятъ естественнымъ и хвалятъ, остальныя вовсе вѣрить не хотятъ“.

По выходѣ замужъ Наталья Дмитріевна предалась дѣятельной, хлопотливой жизни. Такъ какъ мужъ ея былъ уже въ полномъ смыслѣ инвалидъ, страдавшій подагрой, сердцебіеніемъ и другими недугами, то всѣ заботы о дѣлахъ по имѣніямъ пали на нашу героиню, которая съ свойственной ей энергіей принялась разъѣзжать изъ города въ городъ, улаживала одно дѣло за другимъ и безпрестанно извѣщала мужа о результатахъ, тогда какъ тотъ, въ свою очередь, сообщалъ, что дѣлалось дома. Недолго прожилъ потомъ Пущинъ и вскорѣ за нимъ кончила свой неугомонный вѣкъ и Наталья Дмитріевна.

Изъ предыдущаго очерка, надѣемся, ясно, что личность Натальи Дмитріевны, въ полномъ смыслѣ слова, незаурядная, заслуживаетъ вниманія какъ по своей романической судьбѣ и близкимъ отношеніямъ къ декабристамъ, такъ и по энергической природѣ, которая при лучшихъ условіяхъ могла бы дать обществу много хорошаго. Такія натуры рѣдки и могли бы быть въ высшей степени драгоцѣнны. Если бы судьба была благопріятнѣе для нашей героини, если бы она не отдавалась порой унижающимъ личное достоинство страстямъ, то, благодаря богатымъ природнымъ задаткамъ и дарованіямъ, могла бы сіять яркой звѣздой на нашемъ сѣромъ небосклонѣ.

Шенрокъ.

Прасковья Егоровна Анненкова, рожденная Гебль (Gueuble).

Прасковья Егоровна Анненкова, это супруга одного изъ бывшихъ декабристовъ, одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя прославились самоотверженною преданностью своему долгу жены и матери и явились героинями легендъ, стихотвореній и цѣлыхъ романовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, кто не знаетъ изъ лицъ, слѣдившихъ за судьбою цѣлой группы замѣчательныхъ и достопамятныхъ людей земли русской, извѣстныхъ подъ названіемъ „декабристовъ", кто не знаетъ Юшневскую, Муравьеву (рожденная графиня Чернышева), княгиню Волконскую (дочь знаменитаго героя 1812 года—генерала Раевскаго), княгиню Трубецкую (рожденная графиня Лаваль), Фонвизину (рожденная Апухтина), Давыдову, Ивашеву (рожденная Ледантю), баронессу Розенъ, Энтальцеву, наконецъ, упомянутую нами П. Е. Анненкову, рожденную Гебль.

Въ этой плеядѣ русскихъ женщинъ, Прасковья Егоровна Анненкова, рожденная Гебль, хотя чистая француженка по происхожденію, но двѣ трети своей жизни посвятившая Россіи, занимаетъ видное мѣсто.

Родилась Полина Гебль 9 іюня 1800 г.; дѣтство ея сопровождалось самыми тревожными, можно сказать, потрясающими событіями, о которыхъ она и разсказываетъ сама на страницахъ „Русской Старины".

Прасковья Егоровна Анненкова, рожденная Гебль.

Въ 1824 г. пріѣхала Полина Гебль въ Россію и познакомилась съ красавцемъ кавалергардомъ Иваномъ Александровичемъ Анненковымъ; то былъ красавецъ въ полномъ смыслѣ этого слова не только въ физическомъ отношеніи, но достойнѣйшій въ нравственномъ и умственномъ отношеніи представитель блестящаго общества гвардейскихъ офицеровъ 1820-хъ годовъ. Отлично образованный, спокойнаго, благороднаго характера, со всѣми пріемами рыцаря-джентльмена, И. А. Анненковъ очаровалъ молодую, бойкую, умную и красивую француженку: та страстно въ него влюбилась и, въ свою очередь, крѣпкими узами глубокой страсти привязала къ себѣ Ивана Александровича Анненкова. Но вотъ, едва ли годъ спустя послѣ ихъ связи, разразилась бѣда: Анненковъ, принадлежавшій къ сѣверному тайному обществу, былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, и для его возлюбленной началась продолжительная и самая мучительная истома нравственныхъ страданій.

Въ іюлѣ 1826 года Анненковъ сосланъ въ каторжную работу, въ восточную Сибирь. Полина Гебль ни на минуту не задумывается слѣдовать за нимъ; въ своемъ намѣреніи она встрѣчаетъ, однако, препятствія: шефъ жандармовъ не разрѣшаетъ ей ѣхать въ Сибирь, такъ какъ Гебль не была еще обвѣнчана съ Анненковымъ; притомъ молодая, красивая француженка вызвала въ лицахъ, у власти стоявшихъ, невольное сочувствіе, и они всячески старались удержать ее въ С.-Петербургѣ, спасти отъ добровольной тяжкой ссылки въ Сибирь. Но вотъ Полина Гебль смѣло обращается въ Москвѣ, въ дни коронаціи императора Николая, къ самому государю съ мольбою разрѣшить ей отправиться къ ея жениху. Государь благосклонно выслушиваетъ повергшуюся предъ нимъ красавицу и пытается отвратить ее отъ осуществленія ея намѣренія: указываетъ всю тяжесть ею самою создаваемаго себѣ положенія — жены каторж-

ника, но чуждая страха, Полина Гебль не внемлетъ и со слезами вымаливаетъ себѣ высочайшее разрѣшеніе ѣхать въ Сибирь.

Тысячи верстъ пришлось скакать въ жестокую морозную зиму. Легко и картинно это вымолвить, но воображеніе отказывается создать всю ту муку, какуя должна была испытать молодая двадцатипятилѣтняя женщина, еле-еле понимавшая русскій языкъ, во время этого пути, среди трудностей самаго пути при русскомъ бездорожьѣ и ежеминутныхъ опасностяхъ, хотя бы только отъ грубости ямщиковъ и всевозможныхъ случайностей. Но вотъ тысячи верстъ пронеслись! Надежда видѣть жениха и явиться къ нему ангеломъ утѣшителемъ и охранителемъ вливала бодрость и энергію. Полина Гебль въ Читѣ. Въ церковь приводятъ ея жениха, оковы падаютъ на крыльцѣ храма съ его ногъ и предъ алтаремъ Господнимъ сочетаютъ ихъ навѣки неразрывными узами.

Гебль пріѣхала какъ разъ вò-время, чтобы спасти Анненкова отъ развитія тяжкаго душевнаго недуга, въ который онъ отъ тоски разлуки съ нею и отъ тяжести заключенія, не столько въ Читѣ, сколько подъ мрачными сводами казематовъ Петропавловской крѣпости, уже сталъ погружаться.

Прасковья Егоровна Анненкова поселилась въ одномъ изъ выстроенныхъ домиковъ, на такъ называемой Дамской улицѣ Петровска, куда въ особо устроенный для декабристовъ острогъ перевели всѣхъ ихъ въ 1830 г. Въ ея домикъ отпускали къ ней на побывку, въ извѣстные дни и часы, и ея мужа изъ острога.

Восемь лѣтъ спустя молодая чета, выпущенная изъ заключенія, отправляется поселенцами въ селеніе Бѣльскъ, на р. Бѣлой, въ 130 верстахъ отъ г. Иркутска; въ 1842 г. И. А. Анненкову разрѣшено вступить на службу, и онъ поселяется въ Тобольскѣ, гдѣ и доживаетъ до амнистіи, дарованной всѣмъ дакабристамъ манифестомъ императора Александра II въ августѣ мѣсяцѣ 1856 года.

Постоянное присутствіе любимой женщины, молодой, веселаго, подвижного характера, не унывающей ни отъ нравственныхъ, ни отъ матеріальныхъ лишеній, благотворно дѣйствовало на Ивана Александровича, этого мыслителя съ меланхолическимъ и отчасти мрачнымъ характеромъ съ дѣтства своего страдавшаго отъ непривѣтливости своей холодной и крайне эгоистичной матери — Анны Ивановны Анненковой. Она жила постоянно въ Москвѣ, обладая, какъ своимъ весьма крупнымъ состояніемъ, полученнымъ отъ отца ея Якобія, бывшаго въ эпоху Екатерины II намѣстникомъ Сибири, такъ и Анненковымъ, находившемся у нея въ пожизненномъ владѣніи, и хотя во время ссылки сына мать высылала ему деньги, но крайне неаккуратно, отчасти по своей безсердечности, отчасти находясь въ зависимости отъ цѣлой толпы приживалокъ, которыя въ первой половинѣ этого столѣтія обильно наполняли наши богатые помѣщичьи дома.

Восемнадцать дѣтей дала Прасковья Егоровна своему мужу: шестеро изъ нихъ остались живы ко времени возвращенія супруговъ въ 1857 г. въ Россію, гдѣ они и поселились въ Нижнемъ Новгородѣ.

Нѣкоторая часть изъ бывшихъ имѣній Ивана Александровича была добровольно возвращена ему его родственниками: Андреемъ Дмитріевичемъ Анненковымъ, Маріей Ивановной Кушелевой, рожденной Анненковой и, главнымъ образомъ, Николаемъ Николаевичемъ Анненковымъ, впослѣдствіи генералъ-губернаторомъ юго-западной Россіи и членомъ государственнаго совѣта, а прежде того бывшимъ государственнымъ — контролеромъ. Въ наидостойнѣйшей супругѣ Н. Н. Анненкова Вѣрѣ Ивановнѣ, рожденной Бухариной, бывшіе сибирскіе поселенцы Анненковы нашли самаго добраго, самаго внимательнаго къ себѣ друга, каковымъ Вѣра Ивановна, достойнѣйшая во всѣхъ отношеніяхъ женщина, остается и по сіе время для дѣтей и внуковъ

Ивана Александровича и Прасковьи Егоровны Анненковыхъ.

Двадцать лѣтъ, т.-е. до самой кончины своей, Анненковы прожили въ Нижнемъ-Новгородѣ. Подобно другимъ декабристамъ, дожившимъ до возвращенія въ отечество, Иванъ Александровичъ былъ встрѣченъ съ большимъ сочувствіемъ и уваженіемъ своими соотечественниками; онъ удостоился выбора, и притомъ многократнаго, на различныя должности общественной службы, и, между прочимъ, въ теченіе нѣсколькихъ трехлѣтій былъ предводителемъ дворянства Нижегородскаго уѣзда; Анненковъ участвовалъ при этомъ въ различныхъ трудахъ, къ которымъ привлекаемо было дворянство, а затѣмъ и земство по поводу многихъ реформъ, свершенныхъ по великому почину Государя-Освободителя; всею душою сочувствовалъ онъ, бывшій декабристъ Анненковъ, великому дѣлу освобожденія крестьянъ и участвовалъ въ тѣхъ мѣропріятіяхъ, въ предѣлахъ Нижегородской губерніи, которыя были вызваны актомъ 19 февраля 1864 г. Неоднократно Анненковъ являлся въ составѣ депутацій къ государю Александру II, посылаемыхъ нижегородскимъ дворянствомъ; содѣйствовалъ учрежденію народныхъ школъ въ предѣлахъ Нижегородской губерніи, словомъ, подобно другимъ, увы, немногимъ, декабристамъ, имѣвшимъ счастіе дожить до манифеста Царя-Освободителя, Иванъ Александровичъ явился энергическимъ, умѣлымъ и всѣми любимымъ участникомъ въ кипучей общественной дѣятельности, ознаменовавшей жизнь русскаго народа въ 1860-хъ годахъ.

Доброю, неизмѣнно любящею и самою заботливою женою и другомъ оставалась для Ивана Александровича Прасковья Егоровна, спутница всей его жизни. Живая, веселая, говорливая, превосходно знавшая характеръ своего мужа, самая нѣжная и заботливая мать, Прасковья Егоровна была дѣйствительнымъ ангеломъ хранителемъ Ивана Александровича Анненкова.

14 сентября 1876 г. Прасковья Егоровна безъ болѣзни внезапно скончалась. Иванъ Александровичъ впалъ въ тяжкую ипохондрію, къ которой былъ уже расположенъ и ранѣе: тотъ самый недугъ душевной болѣзни, который въ немъ начинался подъ сводами казематовъ Петропавловской крѣпости, а затѣмъ въ тюрьмѣ острога въ Читѣ, внезапно явился и овладѣлъ имъ на закатѣ дней и сталъ быстро усиливаться, послѣ внезапной кончины его нѣжнаго друга. Связь ихъ такъ была сильна, что онъ не могъ усвоить себѣ мысли, что навсегда потерялъ спутницу всей своей жизни...

27 января 1878 года пресѣклась жизнь этого достойнѣйшаго человѣка и русскаго гражданина.

Прахъ обоихъ супруговъ погребенъ въ женскомъ монастырѣ Воздвиженія Креста Господня въ Нижнемъ Новгородѣ.

Мы знали покойныхъ И. А. и П. Е. Анненковыхъ съ 1860 года, когда они впервые, послѣ 34 лѣтъ, пріѣхали въ Петербургъ и останавливались у своего зятя, инженеръ-полковника, впослѣдствіи генералъ-лейтенанта, Константина Ивановича Иванова, этого любезнѣйшаго, добрѣйшаго и постоянно веселаго генерала, котораго такъ недавно еще, именно на страстной недѣлѣ 1887 г., внезапно лишилось петербургское общество, весьма хорошо знавшее генерала К. И. Иванова.

Какъ ясно оживаетъ въ нашей памяти эта прекрасная чета Анненковыхъ! Высокій красивый старикъ, съ густыми, кудряво-вьющимися сѣдыми волосами и подлѣ него, — нѣсколько полная, необыкновенно подвижная, съ весьма симпатичными чертами лица и съ постоянною французскою рѣчью на устахъ, его супруга Прасковья Егоровна. Многіе часы скоротали мы, въ 1860 году; въ С.-Петербургѣ, и лѣтомъ 1861 г. въ Нижнемъ Новгородѣ, слушая оживленные разсказы Прасковьи Егоровны о пережитомъ и выстраданномъ ею и ея мужемъ; говорила она на языкѣ французскомъ и

висьма охотно согласилась, чтобы ея разсказы были записаны за нею по-русски, что и было тогда же исполнено ея дочерью, нынѣ вдовою генералъ-лейтенанта, достоуважаемою Ольгою Ивановною Ивановою. Впослѣдствіи рукопись эта была передана намъ самою Прасковьею Егоровною съ тѣмъ, чтобы была напечатана послѣ ея смерти, каковой завѣтъ и исполняемъ. Къ величайшему сожалѣнію, записано было, сравнительно, немного. *Семевскій.*

Участіе императора Николая I въ судьбѣ Паулины Поль (Гебль).

16 мая 1827 года, при проѣздѣ императора Николая I черезъ гор. Вязьму, француженка Паулина Поль подала ему прошеніе, въ которомъ просила дозволенія отправиться въ Сибирь для вступленія въ законный бракъ съ государственнымъ преступникомъ Анненковымъ*), отъ котораго имѣла дочь. „Ваше величество!—писала Паулина Поль**).—Позвольте матери припасть къ ногамъ вашего величества и просить, какъ милости, разрѣшенія раздѣлить ссылку ея гражданскаго супруга (époux naturel). Религія, ваша воля, государь, и законъ научатъ насъ, какъ исправить нашу ошибку. Я всецѣло жертвую собою человѣку, безъ котораго я не могу долѣе жить; это самое пламенное мое желаніе. Я была бы его законной супругою въ глазахъ церкви и передъ зако-

*) Бывшимъ поручикомъ Кавалергардскаго полка. Онъ вступилъ въ Сѣверное общество въ 1824 году; ему открыта была цѣль онаго: введеніе республиканскаго правленія. Предъ 14-мъ декабря, будучи у Оболенскаго, узналъ, что хотѣли противиться присягѣ, но самъ въ томъ не участвовалъ и по принесеніи присяги на вѣрность подданства, все время находился при полку. По приговору верховнаго уголовнаго суда, 10 іюня 1826 года высочайше конфирмованному, осужденъ къ лишенію чиновъ и дворянства и ссылкѣ въ каторжную работу на 20 лѣтъ. Высочайшимъ же указомъ 22-го августа повелѣно оставить его въ работѣ 15 лѣтъ, а потомъ обратить на поселеніе въ Сибири.

**) 16 мая 1827 г. (Переводъ съ французскаго.)

номъ, если бы я захотѣла преступить правила деликатности. Я не знала о его виновности; мы соединились неразрывными узами. Для меня было достаточно его любви... Милосердіе есть отличительное свойство царской семьи. Мы видимъ столько примѣровъ этому въ лѣтописяхъ Россіи, что я осмѣливаюсь надѣяться, что ваше величество послѣдуете естественному внушенію своего великодушнаго сердца. Въ ссылкѣ я буду, ваше величество, благоговѣйно исполнять всѣ ваши повелѣнія. Мы будемъ благословлять священную руку, которая сохранитъ намъ жизнь, безспорно, весьма тяжкую! но мы употребимъ всѣ силы, чтобы наставить нашу возлюбленную дочь на пути добродѣтели и чести. Мы будемъ молить Бога о томъ, чтобы Онъ увѣнчалъ васъ славою. Мы будемъ просить его, чтобы Онъ излилъ на ваше величество и ваше августѣйшее семейство всѣ свои благодѣянія. Соблаговолите, ваше величество, открыть ваше великое сердце состраданію, дозволивъ мнѣ, въ видѣ особой милости, раздѣлить его изгнаніе. Я откажусь отъ своего отечества и готова всецѣло подчиниться вашимъ законамъ. У подножія вашего престола молю на колѣняхъ объ этой милости... надѣюсь на нее".

Императоръ Николай I приказалъ написать коменданту колоніи декабристовъ генералъ-маіору Лепарскому, чтобы онъ объявилъ Анненкову желаніе Паулины Поль (Гебль) и спросилъ его, желаетъ ли онъ „имѣть ее своею законною женою; безъ его согласія она не получитъ позволенія отправиться въ Сибирь". 23-го іюля Лепарскій увѣдомилъ, что Анненковъ, на сдѣланный ему запросъ, отвѣчалъ: „если бы послѣдовало позволеніе начальства, то онъ охотно бы женился на иностранкѣ Поль (Гебль)". По полученіи такого отвѣта, дежурный генералъ Главнаго штаба, генералъ-адъютантъ Потаповъ, писалъ московскому военному генералъ-губернатору князю Голицыну*),

*) Отъ 30 октября 1827 г., № 1332.

„что его величество высочайше повелѣть соизволилъ: дозволить иностранкѣ Полинѣ Поль (Гебль) ѣхать въ Нерчинскъ и сочетаться тамъ законнымъ бракомъ съ государственнымъ преступникомъ Анненковымъ и, сверхъ того, буде она имѣетъ надобность въ вспомоществованіи на проѣздъ свой, то таковое ей выдать. Высочайшую волю сію и прилагаемыя при семъ правила, наблюдаемыя относительно женъ преступниковъ, ссылаемыхъ въ каторжную работу, покорнѣйше прошу ваше сіятельство приказать объявить иностранкѣ Полинѣ Поль (Гебль), находящейся нынѣ въ Москвѣ, коея жительство извѣстно у Кузнечнаго моста, въ домѣ статской совѣтницы Анненковой; равномѣрно спросить ее, желаетъ ли она на основаніи сихъ правилъ ѣхать въ Нерчинскъ для сочетанія бракомъ съ преступникомъ Анненковымъ, и въ такомъ случаѣ, какое нужно будетъ ей вспомоществованіе на проѣздъ свой и о послѣдующемъ почтить меня вашимъ увѣдомленіемъ“. Паулина Поль (Гебль) изъявила согласіе на всѣ условія, ей предложенныя, „что же касается до суммы, — прибавляла она*), — которая можетъ быть мнѣ нужна для путешествія, то я не смѣю назначить никакой; но буду довольна всѣмъ, что его величество изволитъ приказать мнѣ выдать“. Императоръ Николай повелѣлъ министру финансовъ „отпустить изъ государственнаго казначейства на извѣстные его величеству расходы три тысячи рублей“ **), которые и были переданы Паулинѣ Поль (Гебль). Прибывъ въ Читу и вступивъ въ супружество съ Иваномъ Александровичемъ, Паулина Анненкова 21 апрѣля 1828 г. писала императору Николаю I. „Государь! Благодаря великодушію и доброму участію вашего императорскаго величества, я соединена съ человѣкомъ, которому я хотѣла посвятить всю мою жизнь. Въ эту торжественную для меня минуту непре-

---

*) Въ письмѣ, безъ числа, московскому оберъ-полицеймейстеру.
**) Высочайшее повелѣніе отъ 29 ноября 1827 г.

одолимое чувство заставляетъ меня повергнуться къ стопамъ вашего императорскаго величества, чтобы выразить чувства глубокой и почтительной благодарности, которыми вѣчно будетъ преисполнено мое сердце. Государь, вы соблаговолили протянуть руку помощи иностранкѣ, беззащитной и безо всякой поддержки. Эта августѣйшая и несравненная доброта даетъ мнѣ смѣлость опять обратиться къ вашему императорскому величеству какъ къ самому милостивому изъ монарховъ. Мужъ мой предназначилъ мнѣ сумму въ шестьдесятъ тысячъ рублей, которая была отобрана банковыми билетами во время его арестованія. По его просьбѣ, слѣдственному комитету и прежде нежели былъ произнесенъ его приговоръ, она была отдана въ руки его матери, которой было извѣстно и которая одобряла ея назначеніе. Теперь эта сумма оспаривается наслѣдниками моего несчастнаго мужа. Государь! Безъ этой суммы я не имѣю средствъ къ существованію, и крайняя нужда будетъ моимъ удѣломъ. Соблаговолите приказать ее возвратить. Государь, докончите ваши благодѣянія. Съ почтительнымъ упованіемъ въ величіе вашей души, я припадаю къ стопамъ вашего величества и осмѣливаюсь умолять обезпечить существованіе той, которую вамъ уже разъ было угодно спасти. Государь! Здѣсь я должна бы остановиться. Преступленіе моего мужа должно бы, можетъ-быть, воспретить мнѣ всякое ходатайство за его несчастную дочь, глубокое раскаяніе, которое наполняетъ и терзаетъ его душу, его мученія, которыхъ я свидѣтельница, не даютъ мнѣ, я это чувствую, никакого права просить за нее ваше императорское величество, но ваше великодушное сердце, ваши благодѣянія даже ободряютъ меня. Наша несчастная и невинная сирота безъ средствъ, безъ родителей, даже безъ имени. Сжальтесь, ваше величество, надъ этимъ несчастнымъ существомъ и соблаговолите позволить ей носить имя тѣхъ, которымъ она обязана жизнью. Простите, государь, что я дерзнула еще разъ

возвысить голосъ до вашего трона; благодѣянія, которыми вы меня уже осыпали, должны бы мнѣ только дозволить призвать благословеніе Неба на моего августѣйшаго благодѣтеля. Проникнутая живѣйшей и почтительнѣйшей признательностью къ вашему величеству, остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ и безграничной преданностью, государь, вашего величества вѣрноподданная Паулина Анненкова“.

По наведенной справкѣ оказалось, что, при арестованіи Анненкова, у него было взято ломбардныхъ билетовъ на 60 тысячъ рублей, 8310 р. ассигнаціями и 2 р. 50 к. серебромъ. Изъ нихъ было уплачено по долговымъ обязательствамъ 6823 рубля. Оставшіяся затѣмъ деньги, послѣ осужденія Анненкова, были препровождены къ его матери. Справка эта, вмѣстѣ съ письмомъ Полины Анненковой, была представлена императору Николаю I, въ то время находившемуся на кораблѣ „Парижъ“, на рейдѣ Варны. 11 сентября 1828 г. онъ написалъ собственноручно: „Справедливо. Спросить у матери Анненкова, согласна ли она возвратить женѣ его тѣ 60 тысячъ рублей, и желаетъ ли, чтобы дочь ихъ, прижитая до осужденія, носила имя Анненковой“. На запросъ, сдѣланный Аннѣ Ивановнѣ Анненковой, она отвѣчала*), что деньги дѣйствительно были препровождены ей, и ей извѣстно было назначеніе сей суммы сыномъ въ пользу жены его Полины, „на что и я была и есть согласна. Но впослѣдствіи наслѣдники его, оспаривая деньги сіи, взяли отъ меня черезъ присутственное мѣсто въ пользу свою и тѣмъ лишили меня возможности выполнить волю сына моего и мое на то согласіе. Что же принадлежитъ, желаю ли я, чтобы дочь ихъ, прижитая до осужденія, носила имя Анненковой, таковое соизволеніе монарха съ благоговѣніемъ пріемлю за особую милость и дерзаю упасть къ свя-

*) Московскому оберъ-полицiймейстеру отъ 8 ноября 1828 г.

щеннымъ стопамъ всемилостивѣйшаго государя испрашивать не только одного принятія фамиліи Анненковой, но да будетъ высочайшая милость его повелѣть рожденную дочь ихъ Александру возвести во всѣ права и наслѣдіе отца ея и тѣмъ самымъ облегчить горечь мою, какъ единое остающееся утѣшеніе въ преклонныхъ лѣтахъ несчастной матери“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ А. И. Анненкова писала графу Чернышеву*): „Ваше сіятельство! съ какою радостью увидѣла я вашу подпись на бумагѣ, которая впервые за эти три печальные года излила утѣшеніе въ мою удрученную душу. Это подало мнѣ нескромную, быть можетъ, мысль прибѣгнуть къ вамъ; мнѣ придало къ этому еще смѣлость и то обстоятельство, что я имѣла нѣкогда счастье видѣть къ себѣ участіе со стороны вашей матушки. Зная вашу чрезвычайную доброту, я подумала, что вы не откажете способствовать успокоенію несчастной брошенной матери, преслѣдуемой наслѣдниками, которые требуютъ при моей жизни имѣніе, на которое они не имѣютъ никакого права. Я вижу себя даже вынужденной подать на нихъ прошеніе государю императору и во избѣжаніе этого отдаю себя подъ ваше покровительство и прошу васъ принять во мнѣ участіе и поговорить въ особенности съ моимъ племянникомъ Анненковымъ, побудивъ его написать своему отцу, чтобы онъ прекратилъ свои ужасные происки противъ меня и всѣ вообще тяжбы, кои онъ затѣваетъ постоянно и на которыя я вынуждена отвѣчать. Моему племяннику хорошо извѣстно, что на это имѣніе было наложено запрещеніе; у меня хотѣли даже отнять всѣхъ служащихъ у меня людей, которые принадлежатъ мнѣ вмѣстѣ съ седьмой частью имѣнія, словомъ, я имѣла по этому поводу всевозможныя непріятности. Отецъ этого Анненкова подаетъ

*) Въ письмѣ, полученномъ 15 ноября 1828 г.; графъ Чернышевъ былъ въ то время товарищемъ начальника Главнаго штаба.

на меня до сихъ поръ прошенія, одно нелѣпѣе другого, но они лишаютъ меня всякаго кредита и мнѣ угрожаетъ опасность, что мое имѣніе будетъ конфисковано. Поэтому, умоляю васъ побудить моего племянника написать отцу, чтобы онъ прекратилъ всѣ эти гнусные происки тѣмъ болѣе, что онъ имѣетъ вліяніе на него. Такъ какъ мой племянникъ видѣлъ моего сына въ то время, когда это было разрѣшено ему, по милости его высочества великаго князя, то ему извѣстно, какъ нельзя лучше, что если я просила его императорское величество о 60 тысячахъ рубляхъ, то это было сдѣлано по просьбѣ моего сына, который чрезъ того же г. Анненкова просилъ меня испросить эти деньги у его величества и передать ихъ г-жѣ Поль, его теперешней женѣ, которую я въ то время еще не знала; слѣдовательно, онъ можетъ въ этомъ случаѣ быть убѣжденъ въ безкорыстіи моихъ поступковъ. Когда же я хлопотала о деньгахъ въ тотъ моментъ, когда считала себя на краю гроба, то это дѣлалось единственно во исполненіе послѣдней воли моего сына. Я хотѣла, чтобы мой племянникъ принялъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства и чтобы онъ прекратилъ всѣ происки своего отца, дабы я не была вынуждена подать всеподданнѣйшее прошеніе его императорскому величеству, который по своему великодушію навѣрно защититъ меня отъ преслѣдованія моихъ наслѣдниковъ. Благодарность, коей я преисполнена за неслыханныя милости его величества, возвращаетъ мнѣ жизнь, тѣмъ болѣе, что я собиралась ѣхать, чтобы повергнуть себя къ стопамъ его величества и просить у него имя для несчастнаго ребенка, который составляетъ нынѣ единственныя узы, привязывающія меня къ этой жизни, полной испытаній. Этотъ знакъ снисхожденія со стороны императора доказываетъ, что онъ не забываетъ и тѣхъ, которые не заслуживаютъ, чтобы объ нихъ заботились и которые согласны вмѣстѣ съ тѣмъ дать свое имя малюткѣ, составляющей предметъ

самаго нѣжнаго моего попеченія; это даетъ мнѣ надежду получить для нея имѣніе, принадлежащее наслѣдникамъ, лишеннымъ всякой деликатности, которые докучали мнѣ несправедливыми тяжбами въ то время, когда я была убита горемъ и когда я возвратила принадлежащія имъ деньги и имѣніе. Меня крайне смущаетъ, ваше сіятельство, что я обращаюсь къ вамъ съ этой нескромной просьбою, но прошу васъ снизойти къ моему отчаянному положенію въ виду тѣхъ надеждъ, какія я возлагаю на ваше имя и на ваше вліяніе, если вы не откажете принять во мнѣ участіе. Прося у васъ тысячу разъ извиненіе за мою надоѣдливость, прошу васъ принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи, съ какимъ честь имѣю быть вашего сіятельства всепокорнѣйшая слуга Анна Анненкова, рожденная Якоби" *). По всеподданнѣйшему докладу о всемъ вышеизложенномъ, императоръ Николай I повелѣлъ сообщить министру юстиціи, „чтобы найденныя въ имуществѣ преступника Анненкова 60 тысячъ рублей были истребованы обратно отъ наслѣдниковъ его и отданы женѣ его Полинѣ Анненковой. Прижитой же съ нею преступникомъ Анненковымъ дочери дозволить носить фамилію Анненковой, не предоставляя ей впрочемъ никакихъ другихъ правъ по роду (рожденію) и наслѣдію законами опредѣленныхъ".

Анненкова въ Читѣ.

Чита стоитъ на горѣ, такъ что я увидѣла ее издалека, къ тому же бурятъ, который везъ меня, показалъ мнѣ пальцемъ, какъ только Чита открылась нашимъ глазамъ. Это смѣтливые люди: они уже успѣли приглядѣться къ нашимъ дамамъ, которыя туда ѣхали, одна за другою.

---

*) Переводъ съ французскаго.

Чита нынѣ (1861 г.) уѣздный городъ; тогда это была маленькая деревня, состоявшая изъ 18 только домовъ. Тутъ былъ какой-то старый острогъ, куда первоначально и помѣстили декабристовъ.

Мы переѣхали маленькую рѣчку и въѣхали въ улицу, въ концѣ которой и стоялъ этотъ острогъ. Недалеко отъ острога былъ домъ съ балкономъ, а на балконѣ стояла дама. Замѣтя повозку мою, она стала подавать знаки, чтобы я остановилась, и стала настаивать, чтобъ я зашла къ ней, говоря, что квартира, которую для меня приготовили, еще далеко, и что тамъ можетъ быть холодно.

Я приняла приглашеніе и, такимъ образомъ, познакомились съ Александрою Григорьевною Муравьевою; это была чрезвычайно милая женщина, молодая, красивая, симпатичная, но ужасно раздражительная. Пылкая отъ природы, воспріимчивая, она слишкомъ все принимала къ сердцу и съ трудомъ выносила и свое и общее положеніе, и скоро сошла въ могилу, оставя по себѣ самую свѣтлую память.

Въ Читу я спѣшила пріѣхать къ 5-му марта, день рожденія Ивана Александровича, и мечтала, что тотчасъ же по пріѣздѣ увижу его; даже на послѣдней станціи я принарядилась; но Муравьева разочаровала меня, объяснивъ, что не такъ легко видѣть заключенныхъ, какъ я думала.

Въ началѣ ихъ пребыванія въ Читинскомъ острогѣ, потомъ въ Петровской тюрьмѣ, соблюдались большія строгости, всегда, правда, смягченныя справедливымъ, благороднымъ и великодушнымъ характеромъ коменданта Лепарскаго, который относился къ намъ, особенно къ дамамъ, съ полнѣйшимъ снисхожденіемъ; а мы часто употребляли во зло его деликатность и высказывали ему иногда очень непріятныя вещи, когда находили какое-нибудь распоряженіе несправедливымъ. Добрый старикъ всегда съ величайшимъ терпѣніемъ выслуши-

валъ насъ и старался успокоить. А какъ много зависѣла отъ него наша жизнь! Тихая и покойная, она могла сдѣлаться невыносимою при другихъ отношеніяхъ Лепарскаго къ заключеннымъ! Но онъ умѣлъ согласовать исполненіе своего долга, своихъ обязанностей съ такою деликатностію, что не давалъ никому чувствовать тяжелаго положенія, въ какомъ мы находились; щадилъ всегда самолюбіе, а съ дамами обходился какъ самый нѣжный отецъ. Но все это мы поняли позже, и позже оцѣнили старика, а въ ту пору, когда я пріѣхала, дамы относились къ нему съ сильнымъ еще предубѣжденіемъ и называли gardien.

Всѣ правила, которымъ мы должны были подчиняться тогда, я узнала отъ Александры Григорьевны Муравьевой и отъ Елизаветы Петровны Нарышкиной, которая тогда жила вмѣстѣ съ Муравьевой.

Нарышкина (рожденная Коновницына) была не такъ привлекательна, какъ Муравьева; Нарышкина казалась очень надменною и съ перваго раза производила непріятное впечатлѣніе, даже отталкивала отъ себя, но зато когда вы сближались съ этою женщиною, невозможно было оторваться отъ нея, она приковывала всѣхъ къ себѣ своею безпредѣльною добротою и необыкновеннымъ благородствомъ характера.

Комендантъ Лепарскій сейчасъ же выказалъ всю заботливость, которою неутомимо окружалъ насъ во все время своего начальства, приславъ сказать мнѣ, что квартира моя готова, и на другой день пришелъ ко мнѣ и самъ прочелъ разныя бумаги, офиціальный смыслъ которыхъ я не могла усвоить, но поняла, что мы не должны ни съ кѣмъ сообщаться, никого не принимать къ себѣ и никуда не ходить, а главное запрещалось передавать въ острогъ вино и чтобы то ни было изъ спиртныхъ напитковъ. Тогда я сказала коменданту, что готова подчиняться всѣмъ правиламъ, но что на счетъ вина онъ подалъ мнѣ прекрасную мысль — употреблять

его въ кушаньяхъ, какія я, какъ француженка, умѣю приготовить. Это очень насмѣшило старика, хотя онъ увѣрялъ меня, что и въ кушаньяхъ запрещено употреблять вино. Наконецъ, я сказала ему, что желаю видѣть Ивана Александровича, что не напрасно же я пріѣхала за шесть тысячъ верстъ; онъ объяснилъ, что сдѣлаетъ распоряженіе, чтобъ привели мнѣ его. Въ то время безъ особеннаго распоряженія коменданта не приводили мужей къ женамъ, и то, чтобъ выпросить такое разрѣшеніе — надо было представить важную причину...

Послѣ того какъ ушелъ отъ меня Лепарскій, часа черезъ два, провели мимо моихъ оконъ нѣсколько молодыхъ людей, окруженныхъ солдатами, но на этотъ разъ безъ оковъ, такъ какъ они шли въ баню. На возвратномъ пути одинъ изъ нихъ отсталъ отъ солдатъ и подойдя къ моему окну, въ которомъ я открыла форточку, проговорилъ торопливо, что скоро проведутъ Ивана Александровича Анненкова. Тогда я поставила на крыльцо человѣка съ приказаніемъ предупредить меня, какъ только онъ увидитъ своего барина, а сама превратилась вся въ ожиданіе. Четверть часа спустя человѣкъ вызвалъ меня, и я увидѣла Ивана Александровича между солдатами, въ старомъ тулупѣ, съ разорванной подкладкою, съ узелкомъ бѣлья, который онъ несъ подъ мышкою. Подходя къ крыльцу, на которомъ я стояла, онъ сказалъ мнѣ:

„Pauline, descends plus vite et donne moi ta main“.

Я сошла поспѣшно, но одинъ изъ солдатъ не далъ намъ поздороваться — онъ схватилъ Ивана Александровича Анненкова за грудь и отбросилъ назадъ. У меня потемнѣло въ глазахъ отъ негодованія, я лишилась чувствъ и, конечно, упала бы, если бы человѣкъ не поддержалъ меня.

Вслѣдъ за Иваномъ Александровичемъ провели между другими Михаила Александровича Фонвизина, бывшаго до ссылки генерала. Я все стояла на крыльцѣ, какъ

прикованная; Фонвизинъ пріостановился и спросилъ о женѣ своей, я успѣла сказать ему, что видѣла ее и оставила здоровою. Только на третій день моего пріѣзда привели ко мнѣ Ивана Александровича. Онъ былъ чище одѣтъ, чѣмъ накануне, потому что я успѣла уже передать въ острогъ нѣсколько платья и бѣлья, но былъ закованъ и съ трудомъ носилъ свои кандалы, поддерживая ихъ. Они были ему коротки и затрудняли каждое движеніе ногами. Сопровождали его офицеръ и часовой, послѣдній остался въ передней комнатѣ, а офицеръ ушелъ и возвратился черезъ два часа. Невозможно описать нашего перваго свиданія, той безумной радости, которой мы предались, послѣ долгой разлуки, позабывъ все горе и то ужасное положеніе, въ какомъ мы оба находились въ эти минуты.

Наступилъ постъ, и какъ Иванъ Александровичъ ни торопилъ коменданта Лепарскаго разрѣшить намъ обвѣнчаться скорѣе, но приходилось ждать. Наконецъ, былъ назначенъ день нашей свадьбы, и именно 4 апрѣля 1828 года. Самъ Лепарскій вызвался быть нашимъ посаженнымъ отцомъ, а посаженною матерью была Наталья Дмитріевна Фонвизина, вскорѣ послѣ меня пріѣхавшая въ Читу. Добрѣйшій старикъ позаботился приготовить образъ, которымъ благословилъ насъ по русскому обычаю, несмотря на то, что самъ былъ католикъ. Отвергнуть его предложеніе — замѣнить намъ отца — я не могла, но образъ не приняла. Теперь не могу простить себѣ такую необдуманную выходку, въ которой я много разъ потомъ раскаивалась и которая въ то время очень обидѣла старика. Но я уже сказала — съ какимъ предубѣжденіемъ всѣ мы смотрѣли тогда на Лепарскаго, котораго только потомъ оцѣнили. И мой легкомысленный поступокъ онъ такъ же великодушно простилъ мнѣ, какъ прощалъ многое всѣмъ намъ, снисходя всегда нашей молодости и тому положенію, въ какомъ мы находились.

4 апрѣля 1828 года съ утра начались приготовленія; всѣ дамы хлопотали принарядиться, какъ только это было возможно сдѣлать въ Читѣ, гдѣ, впрочемъ, ничего нельзя было достать, даже свѣчей не хватило, чтобы освѣтить церковь прилично торжеству. Тогда Елизавета Петровна Нарышкина употребила восковыя свѣчи, привезенныя ею съ собою, и освѣщеніе вышло очень удачное. Шафера непремѣнно желали быть въ бѣлыхъ галстукахъ, которые я имъ и устроила изъ батистовыхъ платковъ и даже накрахмалила воротнички, какъ слѣдовало для такой церемоніи. Экипажей, конечно, ни у кого не было. Лепарскій, отъѣхавъ въ церковь, прислалъ за мной свою коляску, въ которой я и поѣхала съ Натальей Дмитріевной Фонвизиной. Старикъ встрѣтилъ насъ торжественно у церкви и подалъ мнѣ руку. Но такъ какъ отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ, какъ сказалъ Наполеонъ, такъ тутъ грустное и веселое смѣшалось вмѣстѣ. Произошла путаница, которая всѣхъ очень забавляла и долго потомъ заставляла шутить надъ старикомъ. Мы съ нимъ оба, какъ католики, весьма рѣдко раньше бывали въ русской церкви и не знали, какъ взойти въ нее, между тѣмъ народу толпилось пропасть у входа, когда мы подъѣхали, и пока Лепарскій высаживалъ меня изъ коляски, мы и не замѣтили съ нимъ, какъ Наталья Дмитріевна исчезла въ толпѣ и пробралась въ церковь, которая, на нашу бѣду, была двухэтажная. Не знаю почему старику показалось, что надо итти наверхъ, между тѣмъ лѣстница была ужасная, а Лепарскій былъ очень тученъ и мы съ большимъ трудомъ взошли наверхъ; тамъ только замѣтили свою ошибку и должны были спуститься снова внизъ. Между тѣмъ въ церкви всѣ уже собрались и недоумѣвали — куда я могла пропасть съ комендантомъ. Это происшествіе развлекло всѣхъ и когда мы появились — насъ весело встрѣтили, особенно шутили наши дамы, которыя уже находились въ церкви и были сму-

щены тѣмъ, что невѣста исчезла. Не было только одной изъ насъ — это Александры Григорьевны Муравьевой, которая наканунѣ только получила извѣстіе о смерти своей матери графини Чернышевой, остальныя всѣ: Нарышкина, Давыдова, Энтальцева, княгиня Волконская и княгиня Трубецкая присутствовали при церемоніи.

Веселое настроеніе исчезло, шутки замолкли, когда привели въ оковахъ жениха и его двухъ товарищей, Петра Николаевича Свистунова и Александра Никитича Муравьева, которые были нашими шаферами. Оковы сняли имъ на паперти. Церемонія продолжалась недолго, священникъ торопился, пѣвчихъ не было. По окончаніи церемоніи всѣмъ тремъ, т.-е. жениху и шаферамъ, надѣли снова оковы и отвели въ острогъ. Дамы всѣ проводили меня домой. Квартира у меня была очень маленькая, мебель вся состояла изъ нѣсколькихъ стульевъ и сундука, на которыхъ мы кое-какъ всѣ размѣстились.

Спустя нѣсколько времени плацъ-адъютантъ Розенбергъ привелъ Ивана Александровича, но не болѣе какъ на полчаса.

Только на другой день нашей свадьбы удалось намъ съ Иваномъ Александровичемъ посидѣть подольше; его привели ко мнѣ на два часа, и это была большая милость, сдѣланная комендантомъ. Почти во все время нашего пребыванія въ Читѣ заключенныхъ не выпускали изъ острога, и вначалѣ мужей приводили къ женамъ только въ случаѣ серіозной болѣзни послѣднихъ и то на это надо было испросить особенное разрѣшеніе коменданта. Мы же имѣли право ходить въ острогъ на свиданіе черезъ два дня въ третій. Тамъ была назначена маленькая комната, куда приводили къ намъ мужей въ сопровожденіи дежурнаго офицера.

Въ тѣ дни, когда нельзя было итти въ острогъ, мы ходили къ тыну, которымъ онъ былъ окруженъ; первое время насъ гоняли, но потомъ привыкли къ намъ и не

обращали вниманія. Мы брали съ собою ножики и выскабливали въ тынѣ скважинки, сквозь которыя можно было говорить; иногда садились у тына, когда попадался подъ руку какой-нибудь обрубокъ дерева. Объ этихъ посѣщеніяхъ упоминаетъ князь Александръ Ивановичъ Одоевскій въ своемъ прекрасномъ стихотвореніи, посвященномъ княгинѣ Волконской:

И каждый день садились у ограды
И сквозь нее небесныя уста
По каплѣ имъ точили медь отрады...

Когда привезли въ Читу Ивана Александровича съ его товарищами, острогъ, въ которомъ они были помѣщены позже, тогда отдѣлывался, и потому ихъ помѣстили въ старомъ полуразвалившемся зданіи, гдѣ останавливались ранѣе партіи арестантовъ. Несмотря на то, что зданіе это было полусгнившее, а зима была жестокая, они должны были, однакожъ, провести тамъ всю вторую половину зимы, такъ какъ другого помѣщенія не было. Спали они на нарахъ и первое время ни у кого не было ни постели ни бѣлья. Тогда нашлась въ Читѣ одна добрая душа, которая сколько могла прибѣгала на помощь заключеннымъ. Это была Филицата Осиповна Смольянинова, жена начальника рудниковъ, женщина, не получившая образованія, но отъ природы одаренная чрезвычайно благороднымъ сердцемъ и необыкновенно твердымъ характеромъ; она была способна понимать самыя возвышенныя мысли и принимала живѣйшее участіе во всѣхъ декабристахъ, но Иваномъ Александровичемъ она особенно интересовалась, потому что онъ былъ внукъ Якобія, намѣстника Сибири, котораго Смольянинова помнила и къ которому сохранила безпредѣльную преданность. Для меня она была самою нѣжною и заботливою матерью; мы просиживали вмѣстѣ по цѣлымъ часамъ, несмотря на то, что не могли говорить ни на какомъ языкѣ, такъ какъ она не знала

французскаго, а я не выучилась еще въ то время говорить по-русски; не знаю какимъ образомъ, только мы отлично понимали другъ друга. Филицата Осиповна позаботилась прислать Ивану Александровичу тюфякъ и подушку, безъ которыхъ не совсѣмъ было хорошо спать на нарахъ; потомъ прислала бѣлья, въ которомъ онъ нуждался до моего пріѣзда, и очень часто присылала въ острогъ разной провизіи, особенно пироговъ, которые въ Сибири дѣлаютъ въ совершенствѣ.

Между тѣмъ, осужденные всё прибывали и помѣщеніе становилось невыносимо тѣснымъ. Наконецъ, къ осени 1827 года, былъ оконченъ временной острогъ, который былъ назначенъ для нихъ исключительно, но и тамъ было немного лучше. До 70 человѣкъ должны были размѣститься въ 4 комнатахъ; спать приходилось также на нарахъ, гдѣ каждому было отведено очень немного мѣста, такъ что надо было очень осторожно двигаться, чтобы не задѣвать сосѣда; шумъ отъ оковъ былъ невыносимый. Но молодость, здоровье, а главное дружба, которая связывала всѣхъ, помогали переносить невзгоды.

Оковы очень стѣсняли узниковъ, казенныя были очень тяжелы и, главное, коротки, что особенно для Ивана Александровича было очень чувствительно, такъ какъ онъ былъ высокаго роста. Тогда я придумала заказать другія оковы, легче и цѣпи длиннѣе. Андрей мой угостилъ кузнеца, и оковы были живо сдѣланы. Ихъ надѣли Ивану Александровичу, конечно, тайкомъ и тоже съ помощію угощенія, а казенныя я спрятала у себя и возвратила, когда оковы были сняты съ узниковъ, а свои сохранила на память. Изъ нихъ впослѣдствіи было сдѣлано много колецъ на память и нѣсколько браслетовъ.

Стража въ Читѣ состояла изъ инвалидовъ и часто намъ приходилось сносить дерзости этихъ солдатъ, несмотря на то, что комендантъ очень строго взыскивалъ съ нихъ за малѣйшую грубость, сами заключенные имъ

охотно прощали, сознавая, что они это дѣлали по глупости своей; гораздо было чувствительнѣе и обиднѣе, когда изъ офицеровъ попадались такіе, которые превратно понимали свои обязанности и позволяли себѣ грубыя выходки, желая, вѣроятно, выслужиться или думая, что исполняютъ свой долгъ, такъ какъ изъ Петербурга, кажется, если не ошибаюсь, было приказаніе говорить „ты“ заключеннымъ.

Такимъ образомъ Иванъ Александровичъ былъ, однажды, выведенъ изъ терпѣнія однимъ старымъ капитаномъ, который позволилъ себѣ сказалъ ему:

— Открой твой чемоданъ.

На что Иванъ Александровичъ отвѣчалъ ему:

— Открой самъ.

Потомъ этотъ капитанъ сознался мнѣ, что жестоко струсилъ, когда Иванъ Александровичъ отвѣчалъ ему, — такъ онъ былъ страшенъ въ эту минуту отъ негодованія. Я была въ милости у этого капитана за то, что сравнила его однажды съ Наполеономъ I. За такой комплиментъ онъ приводилъ ко мнѣ Ивана Александровича раньше другихъ и приходилъ за нимъ на полчаса позже. Это, конечно, служитъ доказательствомъ того, что злобы на насъ эти люди никакой не питали.

По пріѣздѣ въ Читу всѣ дамы жили на квартирахъ, которыя нанимали у мѣстныхъ жителей, а потомъ мы вздумали строить себѣ дома, и рѣшительно не понимаю, почему комендантъ не воспротивился этому, такъ какъ ему было уже извѣстно, что въ Петровскомъ заводѣ было назначено выстроить тюремный замокъ для помѣщенія декабристовъ; хотя, конечно, дома наши, выстроенные въ родѣ крестьянскихъ избъ, не особенно дорого стоили, но все-таки это была напрасная трата денегъ, такъ какъ мы оставались въ Читѣ только три съ половиною года, что не могло не быть извѣстно заранѣе коменданту.

Мѣстоположеніе въ Читѣ восхитительное, климатъ самый благодатный, земля чрезвычайно плодородная,

между тѣмъ, когда мы туда пріѣхали, никто изъ жителей не думалъ пользоваться всѣми этими дарами природы, никто не сѣялъ, не садилъ и не имѣлъ даже малѣйшаго понятія о какихъ бы то ни было овощахъ; это заставило меня заняться огородомъ, который я развела около своего домика; тутъ неподалеку была рѣка и съ сѣверной стороны огородъ былъ защищенъ горой. При такихъ условіяхъ овощи мои достигли изумительныхъ размѣровъ. Растительность по всей Сибири поистинѣ удивительная, и особенно это насъ поражало въ Читѣ.

Когда настала осень и овощи созрѣли, я послала солдата, который служилъ у меня и находился при огородѣ, принести мнѣ кочанъ капусты; онъ срубилъ два и не могъ ихъ донести, такъ они были тяжелы, — пришлось привезти эти два кочана въ телѣгѣ. Я изъ любопытства приказала свѣсить ихъ и оказалось въ двухъ кочанахъ 2 пуда 1 фунтъ вѣсу. Мнѣ некуда было дѣвать всего, что собрали въ огородѣ, и я завалила овощами цѣлую комнату въ моемъ новомъ домѣ. Трудно себѣ представить, какихъ размѣровъ были эти овощи (monstres): свекла была по 20 ф., рѣпа по 18 ф., картофель по 9 ф., морковь по 8 ф. Конечно, мы выбирали самыя крупныя, но все-таки я увѣрена, что нигдѣ никогда не росло ничего подобнаго. Овощи всѣмъ намъ очень пригодились въ продолженіе зимы; потомъ и другіе занялись огородами.

Иванъ Александровичъ съ трудомъ переносилъ казенную пищу, на которую казна отпускала деньги, но довольно скудно, такъ что обѣдъ въ острогѣ состоялъ изъ щей и каши большею частью; я каждый день посылала ему обѣдъ, который приготовляла сама; главное неудобство состояло въ томъ, что у меня не было плиты, о которой въ то время въ Читѣ никто, кажется, не имѣлъ и понятія; кухарки были очень плохія, и я ухитрилась варить и жарить на трехъ жаровняхъ, ко-

торыя помѣщались въ сѣняхъ. Когда я переѣхала въ свой домъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, то тамъ была уже устроена плита, и дамы наши часто приходили ко мнѣ посмотрѣть, какъ я приготовляю обѣдъ, и просили научить ихъ то сварить супъ, то состряпать пирогъ, но когда дѣло доходило до того, что надо было взять въ руки сырую говядину или вычистить курицу, то не могли преодолѣть отвращенія къ такой работѣ, несмотря на всѣ усилія, какія дѣлали надъ собой. Тогда наши дамы со слезами сознавались, что завидуютъ моему умѣнью все сдѣлать, и горько жаловались на самихъ себя за то, что не умѣли ни за что взяться, но въ этомъ была не ихъ вина конечно: воспитаніемъ онѣ не были приготовлены къ такой жизни, какая выпала на ихъ долю, а меня съ раннихъ лѣтъ пріучила ко всему нужда.

Мы каждый день почти были всѣ вмѣстѣ; иногда ѣздили верхомъ на бурятскихъ лошадяхъ въ сопровожденіи бурята, который ѣхалъ за нами съ колчаномъ и стрѣлами — какъ амуръ.

Однажды вечеромъ собрались ко мнѣ всѣ дамы: это было въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда вечера становятся довольно длинные. Этотъ вечеръ былъ восхитительный, но страшная темнота покрывала все кругомъ, только ярко блестѣли звѣзды, которыми небо было усыпано. Домикъ, занимаемый мною, стоялъ совсѣмъ въ концѣ села, и на довольно большомъ разстояніи отъ домиковъ, занимаемыхъ другими дамами. За нимъ была поляна, а дальше густой лѣсъ, передъ окнами черезъ улицу былъ страшный обрывъ, внизу прекрасный лугъ, орошаемый рѣкою Янгодою. Видъ изъ оконъ былъ безподобный и я часто просиживала по цѣлымъ часамъ, любуясь имъ, а вечеромъ выходила посидѣть на крылечко. Въ это время обыкновенно царствовала глубокая тишина и спокойствіе, природа безмолствовала, не слышно было человѣческаго голоса. Въ этотъ вечеръ, о которомъ я говорю, какъ всегда, сидѣла я на крылечкѣ и

распѣвала французскіе романсы. Вдругъ послышались громкіе голоса, и воздухъ огласился звонкимъ смѣхомъ. Я тотчасъ же узнала нашихъ дамъ; онѣ шли, вооруженныя огромными палками, а впереди ихъ шелъ ссыльный еврей, который жилъ у А. Г. Муравьевой; шелъ онъ съ фонаремъ въ рукахъ и освѣщалъ дорогу. Мы радостно поздоровались, гости объявили мнѣ, что они голодны, что у нихъ нѣтъ провизіи и что я должна ихъ накормить; они знали, что у меня всегда въ запасѣ что-нибудь, потому что я все дѣлала сама; я была, конечно, рада видѣть ихъ и принялась хлопотать: нашелся поросенокъ заливной, жареная дичь, потомъ мы отправились въ огородъ за салатомъ съ Елизаветою Петровною Нарышкиною, которая съ фонаремъ свѣтила мнѣ. Ужинъ былъ готовъ, но пить было нечего. Отыскался, впрочемъ, малиновый сиропъ. Къ счастію, всѣ были не разборчивы, а главное желудки были молодые и здоровые, и поросенокъ и салатъ прекрасно запивались малиновымъ сиропомъ. Все это веселило насъ и заставляло хохотать, какъ хохочутъ маленькія дѣвочки.

Надо сознаться, что много было поэзіи въ нашей жизни. Если много было лишеній, труда и всякаго горя, зато много было и отраднаго. Все было общее — печали и радости, все раздѣлялось, во всемъ другъ другу сочувствовали. Всѣхъ связывала тѣсная дружба, а дружба помогала переносить непріятности и заставляла забывать многое. Долго мы сидѣли въ описываемый вечеръ. Поужинавъ и нахохотавшись досыта, дамы отправились домой.

Во все время нашего пребыванія въ Читѣ мы не имѣли права держать наши деньги у себя, и должны были отдавать ихъ коменданту, а потомъ просить всякій разъ, когда являлась нужда въ нихъ; въ расходахъ мы отдавали отчетъ коменданту и представляли счета. Такимъ образомъ мнѣ пришлось однажды просить Лепарскаго выдать мнѣ 500 рублей, что онъ и не замедлилъ испол-

нить. Но едва писарь передалъ мнѣ эти деньги, какъ вслѣдъ за нимъ вошелъ ко мнѣ одинъ поселенецъ, который жилъ въ томъ же домѣ, гдѣ я нанимала квартиру.

Этотъ человѣкъ былъ мною облагодѣтельствованъ. Незадолго предъ этимъ я устроила его свадьбу и все время помогала ему. Тутъ онъ явился, по всей вѣроятности, не съ добрымъ намѣреніемъ, потому что былъ очень взволнованъ и даже съ трудомъ могъ объяснить причину своего посѣщенія, едва выговаривая, заикаясь, что проситъ дать ему утюгъ. Въ ту минуту мнѣ не пришло въ голову ни малѣйшаго подозрѣнія, и хотя мнѣ казалось страннымъ, что онъ такъ встревоженъ, но я готова была исполнить его просьбу и уже нагнулась, чтобы достать большой, тяжелый утюгъ, изъ подъ-скамейки, на которой сидѣла, какъ вдругъ дверь отворилась и вошелъ мясникъ за деньгами. Тогда мой поселенецъ бросился со всѣхъ ногъ изъ комнаты, не дожидаясь утюга. Мясникъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и спросилъ — зачѣмъ я пускаю такихъ людей къ себѣ; а когда я объяснила, что тотъ приходилъ за утюгомъ, тогда мясникъ объявилъ, что или утюгъ служилъ только предлогомъ, или этотъ человѣкъ имѣлъ намѣреніе воспользоваться утюгомъ, чтобы, если не убить меня, то ошеломить, зная, что я получила деньги, которыя въ ту минуты открыто лежали у меня на столѣ. Тогда только я поняла — какой подвергалась опасности.

Нѣсколько дней спустя послѣ этого происшествія ко мнѣ пришелъ на свиданіе Иванъ Александровичъ. Все это происходило въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда стояли нестерпимыя жары. Обыкновенно я приготовляла закусить, когда ждала его къ себѣ. Онъ поѣлъ немного и прилегъ на кровать отдохнуть, но вскорѣ попросилъ пить; тогда, пріотворивъ дверь, я попросила часового сказать Андрею подать стаканъ квасу; онъ довольно долго заставилъ ждать себя, а Ивану Александровичу очень хотѣлось пить, такъ что я взяла стаканъ изъ рукъ Андрея и второпяхъ подала

его. Иванъ Александровичъ разомъ выпилъ весь стаканъ, но съ послѣднимъ глоткомъ остановился и сказалъ мнѣ, что проглотилъ что-то очень непріятное. Я испугалась, думая не пчела ли это, такъ какъ мухъ и пчелъ было очень много; но Иванъ Александровичъ объяснилъ, что это было что-то круглое и довольно твердое, какъ орѣхъ. Потомъ ему было немного тошно, и скоро настало время вернуться въ острогъ. Я осталась очень встревоженная. На другой день, какъ только было возможно, я побѣжала къ тыну. Ко мнѣ вышелъ Петръ Николаевичъ Свистуновъ и сначала объяснилъ, что Иванъ Александровичъ захворалъ, что ему ночью было очень нехорошо, а потомъ спросилъ, что онъ ѣлъ у меня. Я отвѣчала, что кромѣ супа и жаркого ничего, и что это никакъ не могло повредить ему, такъ какъ все, по обыкновенію, было приготовлено мною самой. Вскорѣ подошелъ и Иванъ Александровичъ; я изумилась, когда увидѣла его сквозь скважинку: онъ былъ страшно блѣденъ, лицо его осунулось и невѣроятно постарѣло. Онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что подозрѣваетъ, что Андрей далъ ему что-то въ квасѣ. И дѣйствительно, странно было и что онъ проглотилъ, и симптомы, которые заставили доктора подозрѣвать дѣйствіе мышьяка. Когда Ивану Александровичу сдѣлалось дурно, онъ упалъ на полъ, совершенно лишившись чувствъ; открылась сильнѣйшая рвота; тогда мальчикъ, который прислужиживалъ въ тюрьмѣ, началъ кричать, что Анненкова отравили, и прежде чѣмъ успѣли позвать доктора, этотъ мальчикъ успѣлъ сбѣгать куда-то за молокомъ и заставилъ выпить Ивана Александровича почти всю крынку. Въ Сибири въ большомъ употребленіи мышьякъ, и тамъ нерѣдки случаи отравленія, если питаютъ злобу на кого, а молоко извѣстно, какъ противоядіе, поэтому неудивительно, что мальчикъ такъ отнесся въ данномъ случаѣ.

Не успѣла я успокоиться послѣ этихъ двухъ непріятностей, какъ случилась третья. Тѣ двѣ тысячи, которыя

я сберегла въ волосахъ, когда въ Иркутскѣ пришли осматривать мои вещи, хранились у меня на черный день и хранились съ большими предосторожностями, потому что, какъ я уже сказала, мы не имѣли права держать у себя денегъ. Про эти двѣ тысячи никто рѣшительно не могъ знать, кромѣ Андрея, которому, вѣроятно, было извѣстно, по крайней мѣрѣ приблизительно, сколько было со мной денегъ, когда я выѣхала изъ Москвы; къ тому жъ я потомъ спохватилась, что онъ однажды видѣлъ у меня въ рукахъ портфель, въ которомъ лежали эти деньги. Портфель я прятала съ разными вещами въ сундукъ, за неимѣніемъ мебели въ Читѣ, а сундукъ запирался очень крѣпкимъ замкомъ. Однажды вечеромъ, пока я сидѣла у княгини Трубецкой, ко мнѣ прибѣжалъ впопыхахъ мальчикъ, сынъ моей хозяйки, и разсказалъ, что въ моей комнатѣ выломали окно, замокъ въ сундукѣ сломали и вещи разбросали по комнатѣ. Я тотчасъ же пошла домой и нашла, что вещи хотя и были разбросаны, но всѣ были цѣлы, не оказалось только одного портфеля съ деньгами. Мнѣ не такъ было досадно потерять 2000, какъ непріятно объявлять объ этомъ коменданту; между тѣмъ скрыть отъ него подобный случай не было возможности и я вынуждена была во всемъ ему признаться. Человѣка моего и того поселенца, который приходилъ ко мнѣ за утюгомъ, посадили на гауптвахту, потому что всѣ имѣли на нихъ сильныя подозрѣнія. У Андрея, когда осмотрѣли сундукъ, нашли разныя вещи, пропадавшія у меня раньше. Въ честности его я тѣмъ болѣе имѣла причины сомнѣваться, что дорогой замѣчала, что онъ страшно обсчитывалъ меня на прогонахъ. Поселенца особенно подозрѣвала хозяйка дома, гдѣ я жила. Оба обвиняемые просидѣли на гауптвахтѣ 5 мѣсяцевъ, по прошествіи которыхъ вынуждены были ихъ выпустить, такъ какъ не имѣлось противъ нихъ явныхъ уликъ. Но вскорѣ послѣ того, какъ выпустили ихъ, мальчикъ сосѣдняго

дома нашелъ подъ окномъ у меня свертокъ въ грязной бумажкѣ и тотчасъ же принесъ его матери своей; та, развернувъ его, нашла 1000 рублей и была такъ честна, что немедленно заявила объ этомъ коменданту. Предполагая, что эта 1,000 изъ моихъ денегъ, комендантъ сдѣлалъ распоряженіе возвратить ихъ мнѣ, но другая тысяча не отыскалась. Андрей въ пьяномъ видѣ хвасталъ, что остальныя деньги перешли въ руки чиновниковъ, производившихъ слѣдствіе.

Вообще человѣкъ этотъ надѣлалъ мнѣ много непріятностей, и я не разъ раскаявалась, что уступила его желанію ѣхать со мной. Онъ все болѣе и болѣе пьянствовалъ и съ этимъ вмѣстѣ буянилъ ужасно, колотилъ кухарокъ, такъ что ни одна не хотѣла жить у меня, и, наконецъ, сдѣлался невыносимо грубъ. Ивана Александровича онъ вовсе не любилъ и относился къ нему такъ, что мнѣ не разъ пришлось убѣдиться, что онъ не хотѣлъ вернуться изъ Иркутска въ Москву не столько изъ привязанности къ своему барину, какъ увѣрялъ меня, сколько по какимъ-нибудь другимъ причинамъ. Трудно рѣшить какія это были причины, и хотя происшествіе со стаканомъ кваса невольно вызывало во всѣхъ мысль объ отравѣ, но оно осталось тайною и изслѣдовать — насколько могли быть вѣрны подозрѣнія — въ этомъ случаѣ было чрезвычайно трудно. Знаю только, что человѣкъ этотъ сдѣлался для меня положительно невыносимъ, но мы такъ были стѣснены нашимъ положеніемъ, что надо было дѣйствовать очень осторожно, чтобъ отдѣлаться и развязаться съ Андреемъ.

Въ концѣ декабря мѣсяца 1828 года я была обрадована новою милостью, дарованною мнѣ государемъ императоромъ. Николай Павловичъ еще разъ снизошелъ къ моей просьбѣ и доказалъ, что если онъ былъ строгъ и неумолимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, зато умѣлъ быть великодушнымъ и справедливымъ.

Можетъ быть, то, что онъ сдѣлалъ, было внѣ закона,

но онъ властію своею обезпечилъ существованіе всей моей семьи, иначе намъ нечѣмъ было бы жить въ Сибири.

Надо объяснить, что когда я пріѣхала въ Читу и сказала Ивану Александровичу, что мать его поручила мнѣ передать ему, что помѣститъ въ ломбардъ на мое имя капиталъ въ 300 тысячъ, какъ только продастъ одно изъ своихъ симбирскихъ имѣній, онъ отвѣчалъ мнѣ, что лучше меня знаетъ мать свою и увѣренъ, что она никогда ничего не сдѣлаетъ ни для него ни для меня; потомъ очень упрекалъ меня за то, что я не заявила правъ своихъ на 60 тысячъ, которыя были отобраны у него при арестѣ и которыя онъ, дѣйствительно, предназначилъ мнѣ; наконецъ, заставилъ написать *Дибичу* и просить его представить государю просьбу мою о возвращеніи мнѣ этихъ денегъ и о дарованіи дочери нашей фамиліи Анненковой.

Дибичъ представилъ просьбу мою и государь даровалъ все, о чемъ я просила.

Комендантъ Лепарскій пріѣхалъ ко мнѣ въ мундирѣ объявить милость государя и привезъ слѣдующую бумагу, а также и деньги всѣ 60 тысячъ, съ которыми была страшная возня, такъ какъ въ Читѣ невозможно было ихъ держать и пришлось хлопотать, во-первыхъ, перевести на мое имя, а потомъ отослать въ Москву, гдѣ онѣ и были помѣщены. Лепарскій, прочитавъ мнѣ самъ указъ сената, передалъ мнѣ копію съ онаго, за № 78846:

Указъ его императорскаго величества самодержца всероссійскаго изъ правительствующаго сената господину тайному совѣтнику иркутскому и енисейскому генералъ-губернатору и кавалеру Александру Степановичу *Лавинскому*. Правительствующій сенатъ слушали предложеніе господина тайнаго совѣтника, сенатора, управляющаго министерствомъ юстиціи и кавалера, князя Алексѣя Алексѣевича *Долгорукова,* что господинъ товарищъ начальника главнаго штаба его императорскаго величества, отъ 16-го сего ноября, сообщилъ ему, господину управляющему, что государственный преступникъ

Анненковъ, бывшій поручикъ Кавалергардскаго полка, до осужденія его верховнымъ уголовнымъ судомъ, прижилъ незаконную дочь съ иностранкою *Полиною Гебль*, съ которою впослѣдствіи, съ высочайшаго разрѣшенія, вступилъ въ законный бракъ, находясь уже по осужденіи его въ Сибири, въ каторжной работѣ. При арестованіи Анненкова оказались въ числѣ имущества его на 60 тысячъ рублей ломбардныхъ билетовъ, которые по осужденіи его отданы были матери его, статской совѣтницѣ Анненковой. За симъ жена означеннаго преступника *Полина Анненкова* утруждала государя императора всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, что мужъ ея еще до осужденія его опредѣлилъ ей вышеупомянутые 60 тысячъ рублей и сіе назначеніе извѣстно было жительствующей въ Москвѣ матери его, статской совѣтницѣ Анненковой, съ согласія коей оно и послѣдовало, но наслѣдники его оспариваютъ сіи деньги, почему всеподданнѣйше просила повелѣть возвратить ей оныя; прижитой же ею съ Анненковымъ дочери дозволить носить фамилію Анненкова.

По высочайшей государя императора волѣ, вслѣдствіе сего прошенія воспослѣдовавшей, спрашивана была статская совѣтница Анненкова, согласна ли она возвратить женѣ ея сына 60 тысячъ рублей и желаетъ ли, чтобы дочь ихъ, прижитая до осужденія, носила имя Анненкова?

На сіе статская совѣтница Анненкова сдѣлала отзывъ, что ей дѣйствительно извѣстно было, что 60 тысячъ рублей, у сына ея при арестованіи его оказавшіеся, назначены были въ пользу жены его Полины, на что она, Анненкова, какъ прежде была, такъ и теперь, согласна, но впослѣдствіи наслѣдники сына ея, оспаривая деньги сіи, взяли оныя отъ нея посредствомъ присутственнаго мѣста; что же касается до предоставленія дочери сына ея носить фамилію Анненкова, то она сочтетъ сіе за особую монаршую милость.

Государь императоръ, пріемля во всемилостивѣйшее вниманіе, что преступникъ Анненковъ назначилъ нынѣшней женѣ его 60 тысячъ рублей съ согласія его матери, и что дочь сего преступника прижита имъ до осужденія его, Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы найденные въ имуществѣ преступника Анненкова 60 тыс. рублей истребованы были обратно отъ наслѣдниковъ его и отданы женѣ его Полинѣ Анненковой; прижитой же съ нею преступникомъ Анненковымъ дочери дозволить носить фамилію Анненковой, не предоставляя ей, впрочемъ, никакихъ другихъ правъ по роду и наслѣдію, законами опредѣленныхъ.

О таковомъ высочайшемъ повелѣніи онъ, господинъ управляющій министерствомъ юстиціи, предложилъ правительствующему сенату для зависящаго къ исполненію онаго распоряженія. *Приказали.* Во исполненіе высочайшаго его императорскаго величества повелѣнія учинить слѣдующее: 1) объ истребованіи отъ наслѣдниковъ Анненкова обратно 60 тысячъ рублей и немедленномъ доставленіи ихъ женѣ его, Полинѣ Анненковой, и о объявленіи о семъ высочайшемъ повелѣніи матери Анненкова — статской совѣтницѣ Анненковой, предписать московскому губернскому правленію; 2) о объявленіи сего высочайшаго повелѣнія ей, Полинѣ Анненковой, для учиненія о томъ распоряженія по Сибири, гдѣ нынѣ сія Анненкова находится, предписать вамъ, господину генералъ-губернатору и кавалеру и господину генералъ-губернатору *Вельяминову*, о томъ послать указы. Ноября 30 дня 1328 года. Подлинный подписанъ: въ должности оберъ-секретаремъ *А. Кучъ*, скрѣпленъ секретаремъ *Соловьевымъ*, справленъ сенатскимъ регистраторомъ *Торсковымъ*".

16 марта 1829 года у меня родилась дочь, которую назвали въ честь бабушки *Анною*, у Александры Григорьевны Муравьевой родилась *Нонушка*, у Давыдовой сынъ *Вака*. Насъ очень забавляло, какъ старикъ нашъ комендантъ былъ смущенъ, когда узналъ, что мы беременны, а узналъ онъ это изъ нашихъ писемъ, такъ какъ былъ обязанъ читать ихъ. Мы писали своимъ роднымъ, что просимъ прислать бѣлья для ожидаемыхъ нами дѣтей; старикъ возвратилъ намъ письма и потомъ пришелъ съ объясненіями:

— Mais, mesdames, permettez-moi de vous dire, — говорилъ онъ запинаясь и въ большомъ смущеніи: „vous n'avez pas le droit d'être enceintes", потомъ прибавлялъ, желая успокоить насъ: „Quand vous serez accouchée, c'est autre chose".

Не знаю — почему ему казалось послѣднее болѣе возможнымъ, чѣмъ первое. Когда родились у насъ дѣти, мы занялись ими, хозяйствомъ, завели довольно много скота, который въ Читѣ былъ баснословно дешевъ, и весь 1829 годъ прошелъ довольно тихо; только одно приключеніе со мною взволновало и встревожило меня.

Однажды *Смольянинова*, съ которой я продолжала быть въ самыхѣ дружескихъ отношеніяхъ, пришла ко мнѣ съ извѣстіемъ, что отправляется изъ Нерчинска караванъ съ серебромъ и что одинъ изъ унтеръ-офицеровъ, назначенныхъ сопровождать его, ея крестникъ. Она говорила, что увѣрена въ скромности этого человѣка, и что можно безъ опасенія довѣрить ему письма къ роднымъ. А такъ какъ мы были стѣснены въ нашей перепискѣ, то я съ радостію ухватилась за этотъ случай, чтобы написать Аннѣ Ивановнѣ *Анненковой* болѣе откровенное и подробное письмо, а главное имѣла неосторожность вложить записку, написанную самимъ Иваномъ Александровичемъ къ матери его, правда, очень коротенькую и совершенно невинную, но всѣмъ заключеннымъ строго было воспрещено писать роднымъ. Въ этомъ случаѣ дамы наши замѣняли секретарей и поддерживали переписку. Каждая изъ насъ имѣла на своемъ попеченіи по нѣскольку человѣкъ, отъ имени которыхъ и писала родственникамъ. Болѣе всѣхъ выпадало на долю княгини *Волконской* и княгини *Трубецкой*, такъ какъ онѣ лично были знакомы со многими изъ родственниковъ заключенныхъ. Имъ приходилось отправлять иногда отъ 20 до 30 писемъ заразъ. Заключенные же были совершенно лишены права писать во все время, пока находились въ каторжной работѣ. Унтеръ-офицеръ охотно согласился передать письмо мое, не подозрѣвая, вѣроятно, насколько это было важно. Я же ни какъ не могла предвидѣть того, что случилось по неосторожности самого молодого человѣка.

Пріѣхавъ въ Москву, онъ поспѣшилъ передать письмо Аннѣ Ивановнѣ, та приказала ему выдать 100 рублей. А онъ не нашелъ ничего лучшаго сдѣлать, какъ сшить себѣ мундиръ на эти деньги изъ тонкаго сукна для представленія государю. Обыкновенно офицеры и унтеръ-офицеры, сопровождавшіе караваны, должны были представляться, и за исправное доставленіе серебра произ-

водились въ слѣдующіе чины. Конечно, въ такихъ случаяхъ выбирались самые надежные, но именно благонравіе-то и погубило нашего крестника. Лучше было бы, если бы онъ прокутилъ злополучные 100 рублей, которые имѣли для него такія печальныя послѣдствія; но онъ, довольный своимъ мундиромъ изъ тонкаго сукна, на разспросы офицера, съ которымъ явился во дворецъ на представленіе, сознался въ простотѣ души своей, что привезъ въ Москву письмо отъ меня и получилъ за это щедрое вознагражденіе, что и дало ему возможность принарядиться. Офицеръ тотчасъ же донесъ объ этомъ, такъ что это сдѣлалось извѣстнымъ государю.

Несчастнаго крестника посадили въ крѣпость, а за письмомъ моимъ былъ посланъ фельдъегерь къ Аннѣ Ивановнѣ, къ счастію, та догадалась не отдать записку Ивана Александровича, а мое письмо было доставлено самому государю Николаю Павловичу.

Только четыре мѣсяца спустя мы узнали объ этомъ печальномъ происшествіи: комендантъ прислалъ за мною, и когда я къ нему явилась, принялъ меня съ необыкновенно важнымъ видомъ и даже заперъ дверь на ключъ. На это я расхохоталась и спросила, къ чему такія предосторожности; но потомъ уже не смѣялась я, когда узнала въ чемъ дѣло.

Лепарскій началъ съ того, что спросилъ:

— Vous avez écrit des lettres, madame?

— Je n'en ai écrit qu'une seule,— отвѣчала я, съ намѣреніемъ отпереться отъ записки Ивана Александровича.

Лепарскій все допытывался, что̀ именно писала я въ письмѣ, которое попало такъ неожиданно въ руки государя, и когда я сказала ему:

— Mais j'ai écrit, général, que vous êtes un honnête homme,— и объяснила, что просила присылать посылки чрезъ него, а не чрезъ Иркутскъ, гдѣ много пропадаетъ вещей; тогда старикъ схватился обѣими руками за голову и началъ ходить по комнатѣ, говоря:

— Je suis perdu!

Иногда онъ былъ очень забавенъ, но что за дивный это былъ человѣкъ!

Потомъ я спросила, какой отвѣтственности всѣ мы подвергаемся за такой проступокъ. Онъ отвѣчалъ, что я никакой: „Pour vous c'est différent, madame, vous êtes protégées par l'Empereur", но что Смольянинова должна будетъ просидѣть 4 мѣсяца подъ арестомъ, и самое печальное, что крестникъ ея никогда уже не будетъ произведенъ въ офицеры.

Я пришла въ отчаяніе. Мнѣ ужасно было жаль молодого человѣка, который такъ жестоко долженъ былъ поплатиться за свою наивность, и очень было совѣстно предъ Смольяниновой, которой я была очень многимъ обязана. Комендантъ утѣшалъ меня, что Смольянинова будетъ подвергнута только домашнему аресту, но прибавилъ, что мнѣ запрещено съ нею видѣться, и показалъ при этомъ цѣлую кипу бумагъ, исписанную по случаю всей этой исторіи.

Выйдя отъ него, я побѣжала къ Филицатѣ Осиповнѣ, извинялась предъ нею, какъ только умѣла по-русски, потомъ подошла къ мужу, который ходилъ въ это время по комнатѣ, сильно нахмурившись. Онъ безъ церемоніи и довольно грубо оттолкнулъ меня.

Тогда надо было видѣть Смольянинову, съ какимъ негодованіемъ и достоинствомъ подошла она къ своему мужу и начала упрекать за его грубую выходку, а меня успокаивать, прося не огорчаться.

— Онъ не въ состояніи понять васъ, — говорила великодушная женщина, потомъ, разгорячившись, обратилась къ мужу:

— Вы думаете, можетъ-быть, что государь на васъ смотритъ, чего вы боитесь, не стыдно ли вамъ!

Въ эту минуту Филицата Осиповна была прекрасна. Высокаго роста, хотя съ рѣзкими, но выразительными чертами лица, она походила на древнюю римлянку.

Несмотря на то, что намъ было строго запрещено видѣться, она находила возможность приходить ко мнѣ по ночамъ, качать Аннушку, которая тогда была очень больна.

Въ концѣ 1829 года привезли въ Читу Лунина, который оставался въ крѣпости, не знаю только въ какой и почему долѣе другихъ. Это былъ человѣкъ замѣчательный, непреклоннаго нрава и чрезвычайно независимый. Своимъ острымъ, бойкимъ умомъ онъ ставилъ въ затруднительное положеніе всѣхъ, кому былъ подчиненъ. Съ нимъ положительно не знали, что дѣлать.

Несмотря на всю строгость относительно нашей переписки, онъ позволялъ себѣ постоянно писать такія вещи, что однажды получилъ отъ сестры своей чрезъ Лепарскаго письмо, которое начиналось такъ: „Je viens de recevoir votre letre, froissée par une main, qui commande ....“. Письмо, дѣйствительно дошло до нея все измятое.

Всѣ наши письма проходили не только чрезъ коменданта Лепарскаго, которому мы были обязаны отдавать ихъ не запечатанными, но они шли еще чрезъ III отдѣленіе, и, вѣроятно, болѣе интересныя изъ нихъ читалъ самъ государь Николай Павловичъ.

Лунинъ окончилъ дни свои на вторичной ссылкѣ въ Акотуѣ, куда былъ отвезенъ изъ мѣста своего поселенія, деревни Урики, близъ Иркутска. Сначала предполагали всѣхъ декабристовъ помѣстить именно въ Акотуѣ, и даже выстроили тамъ для нихъ помѣщеніе, но Лепарскій донесъ, насколько это мѣсто могло быть гибельно для здоровья, и тогда было рѣшено строить тюремный замокъ въ Петровскомъ заводѣ. Въ Акотуѣ находятся главные серебряные рудники, и воздухъ такъ тяжелъ, что на 300 верстъ въ окружности нельзя держать никакой птицы,—всѣ дохнутъ. На Лунина былъ сдѣланъ исправникомъ доносъ, пока онъ находился

въ Урикѣ, вслѣдствіе чего онъ и былъ вторично сосланъ въ каторжную работу.

Послѣ полуторогодоваго пребыванія въ Читѣ, съ заключенныхъ были сняты оковы. Сдѣлано это было съ большою торжественностію. Комендантъ пріѣхалъ въ острогъ въ мундирѣ объявить монаршую милость, и цѣпи снимались въ присутствіи его и всей его свиты. Послѣ того какъ мужья наши были освобождены отъ цѣпей — и съ нами сдѣлались милостивѣе, солдаты перестали насъ гонять отъ ограды, и мужей стали пускать къ намъ каждый день, но на ночь они должны были возвращаться въ острогъ.

Въ Читѣ, и даже первое время въ Петровскомъ заводѣ, заключенные обязаны были выходить на разныя работы, для чего были назначены дни и часы, но работы эти не были тягостны, потому что дѣлались безъ особеннаго принужденія; это время служило даже отдыхомъ для заключенныхъ, потому что въ острогѣ, вслѣдствіе тѣсноты, ощущался недостатокъ воздуха. Сначала ихъ выводили на рѣку колоть ледъ, а лѣтомъ заставляли также мести улицы, потомъ они ходили засыпать какой-то ровъ, который, не знаю почему, называли „Чертовой могилой". Позже устроили мельницу съ ручными жерновами, куда ихъ посылали молоть. Мы, конечно, искали возможности поговорить съ нашими мужьями во время работъ, но это было запрещено и солдаты довольно грубо гоняли насъ.

Княгиня *Трубецкая* разсказывала мнѣ, когда я пріѣхала въ Читу, какъ она была поражена, когда увидала на работѣ Ивана Александровича; онъ въ это время мелъ улицу и складывалъ соръ въ телѣгу. На немъ былъ старенькій тулупъ, подвязанный веревкою, и онъ весь обросъ бородой. Княгиня Трубецкая не узнала его и очень удивилась, когда ей мужъ сказалъ, что это былъ тотъ самый Анненковъ, блестящій молодой человѣкъ, съ которымъ она танцовала на балахъ ея матери, графини Лаваль.

Княгиня Трубецкая и княгиня Волконская были первыя изъ женъ, пріѣхавшія въ Сибирь, зато онѣ и натерпѣлись болѣе другихъ нужды и горя; онѣ проложили намъ дорогу и столько выказали мужества, что можно только удивляться имъ. Мужей своихъ онѣ застали въ Нерчинскомъ заводѣ, куда они были сосланы съ семью ихъ товарищами еще до коронаціи императора Николая. Подчинены они были Бурнашеву, начальнику Нерчинскихъ заводовъ; Бурнашевъ былъ человѣкъ грубый и даже жестокій, онъ всячески притѣснялъ заключенныхъ, доводилъ строгость до несправедливости, а женамъ положительно не давалъ возможности видѣться съ мужьями. Въ Нерчинскѣ точно такъ же, какъ и въ Читѣ, выходили на работы, но въ Нерчинскѣ все дѣлалось иначе подъ вліяніемъ Бурнашева; заключенныхъ всегда окружали со всѣхъ сторонъ солдаты, такъ что жены могли ихъ видѣть только издали.

Князь Трубецкой срывалъ цвѣты на пути своемъ, дѣлалъ букетъ и оставлялъ его на землѣ, а несчастная жена подходила поднять букетъ только тогда, когда солдаты не могли этого видѣть.

Кромѣ того, эти двѣ прелестныя женщины, избалованныя раньше жизнію, изнѣженныя воспитаніемъ, терпѣли всякія лишенія и геройски переносили все. Одно время княгиня Трубецкая положительно питалась только чернымъ хлѣбомъ и квасомъ. Такимъ образомъ онѣ провели почти годъ въ Нерчинскѣ, а потомъ были переведены въ Читу. Конечно, въ письмахъ своихъ къ роднымъ онѣ не могли умолчать ни о Бурнашевѣ, ни о тѣхъ лишеніяхъ, какимъ подвергались, и, вѣроятно, неистовства Бурнашева были приняты не такъ, какъ онъ ожидалъ, потому что онъ потерялъ свое мѣсто, и только черезъ длинный промежутокъ времени получилъ другое въ Барнаулѣ, гдѣ и умеръ.

Въ Читѣ насъ очень полюбили всѣ и многіе даже плакали, когда мы уѣзжали, провожали насъ до самаго

перевоза, который былъ въ разстояніи двухъ или трехъ верстъ отъ селенія.

У меня было нѣсколько друзей между бурятами. Они приходили къ намъ съ разнымъ товаромъ и я часто у одного изъ нихъ брала чай.

Я уже говорила, что намъ приходилось иногда переносить грубости солдатъ. Однажды, пока сидѣлъ у меня Иванъ Александровичъ, пришелъ мой пріятель бурятъ и разложилъ весь свой товаръ на полъ, и мы тихо и мирно всѣ сидѣли, какъ вдругъ не понимаю, что сдѣлалось съ солдатомъ, который сопровождалъ Ивана Александровича, — онъ вбѣжалъ въ комнату, схватилъ бурята за воротъ и вытолкалъ его на улицу. Я бросилась, желая защитить несчастнаго бурята, но въ это время какъ подбѣжала я къ двери, у меня на рукахъ былъ ребенокъ, часовой хлопнулъ дверью такъ внезапно и такъ сильно, что не понимаю, какъ успѣла я отскочить, голова ребенка оказалась только на полъ-вершка отъ удара!

Сколько разъ всѣ мы спрашивали себя, что̀ бы съ нами было если бы нашъ справедливый сердечный старикъ, нашъ уважаемый Лепарскій, былъ другой человѣкъ! Если при всѣхъ его заботахъ и попеченіяхъ о насъ мы не могли избѣжать непріятностей, то трудно предвидѣть, что могло бы быть въ противномъ случаѣ!

Наступилъ 1830 годъ, когда мы узнали, что уже рѣшено перевести насъ въ Петровскій заводъ. Это извѣстіе всѣхъ насъ очень взволновало и озаботило. Мы незнали, что̀ насъ ожидаетъ тамъ; мѣсто было новое, незнакомое. Въ то время какъ мы собирались въ дорогу, пришло ужасное извѣстіе изъ Нерчинскаго завода. Туда былъ сосланъ раньше всѣхъ другихъ, тотчасъ по открытіи южнаго общества — Сухановъ, который участвовалъ въ обществѣ и служилъ во 2-й арміи. Сухановъ былъ отправленъ въ цѣпяхъ съ партіей арестантовъ и прошелъ пѣшкомъ до самаго Нерчинска. Тутъ онъ содер-

жался съ прочими арестантами вмѣстѣ, между которыми было много поляковъ, что дало ему возможность сблизиться съ нѣкоторыми изъ нихъ. Онъ задумалъ съ пятью сообщниками бѣжать изъ острога, и все уже было приготовлено, чтобы привести планъ въ исполненіе, когда заговоръ былъ открыть. Суханова приговорили къ наказанію кнутомъ, а остальныхъ пять человѣкъ къ разстрѣлянію, но Суханову дали возможность избавиться отъ такого позорнаго наказанія, и онъ лишилъ себя жизни своими цѣпями. Нашъ добрѣйшій Лепарскій былъ жестоко разстроенъ этимъ печальнымъ событіемъ, тѣмъ болѣе, что ему пришлось присутствовать при самомъ исполненіи приговора. Мнѣ пришлось видѣть его тотчасъ по возвращеніи изъ Нерчинска, онъ весь еще находился подъ впечатлѣніемъ казни, и, право, жаль было смотрѣть на бѣднаго старика.

Между тѣмъ наступило время нашего отправленія въ Петровскій заводъ.

Нашихъ путешественниковъ раздѣлили на 2 партіи: одна должна была итти въ сопровожденіи плацъ-маіора и выступила 5 августа 1830 г. Въ ней находился Иванъ Александровичъ. Другая, подъ наблюденіемъ коменданта, выступила 7-го августа.

Въ день отправленія Ивана Александровича я не могла проводить его, потому что сильно захворала. Онъ написалъ мнѣ отчаянную зеписку; тогда ничто не могло удержать меня. Я побѣжала догонять его, думая застать еще на перевозѣ. Въ верстахъ трехъ отъ Читы надо было переѣзжать чрѣзъ Янгоду. Каково же было мое отчаяніе, когда, подходя къ перевозу, я увидѣла, что всѣ уже переѣхали на ту сторону рѣки. На этой сторонѣ я застала только коменданта и моего стараго знакомаго бурятскаго тайшу, съ которымъ я встрѣтилась на станціи, когда ѣхала въ Читу. Но тайша отвернулся отъ меня. Имъ было строго запрещено сообщаться съ нами, и онъ не хотѣлъ выдавать себя при начальствѣ.

Комендантъ, видя въ какомъ я горѣ, предложилъ мнѣ переѣхать на ту сторону и приказалъ подать паромъ. Между тѣмъ надвигались тучи, начиналась гроза, и дождь уже накрапывалъ. Добрѣйшій старикъ надѣлъ на меня свой плащъ. Поѣздка моя увѣнчалась успѣхомъ: я застала еще на той сторонѣ Ивана Александровича, успокоила его совершенно и простилась съ нимъ. Но вернуться назадъ было нелегко, разразилась такая гроза, какія бываютъ только въ Сибири; удары грома слѣдовали одинъ за другимъ безъ промежутка, и дождь лилъ проливной, я промокла до послѣдней нитки, несмотря на плащъ коменданта, даже ботинки были полны воды, такъ что я должна была снять ихъ и съ большимъ трудомъ добралась до дому.

У меня давно уже было все готово къ отъѣзду, и на другой день я выѣхала, держа на рукахъ двухъ дѣтей, одну дѣвочку полуторагодовую, другую трехъмѣсячную. Послѣднюю, не знаю, какъ я довезла, она дорогою сильно захворала.

Пока я садилась въ экипажъ, ко мнѣ пришелъ проститься одинъ французъ, который жилъ въ Читѣ. Звали его m-r Péreis. Онъ былъ очень порядочный человѣкъ и служилъ когда-то въ арміи Condé, потомъ эмигрировалъ въ Россію, гдѣ ухитрился драться на дуэли, за это былъ арестованъ, но вздумалъ бѣжать и убилъ часового. Происходило это въ царствованіе Екатерины II. Péreis судили, наказали кнутомъ и сослали въ Сибирь; мало того, ему вырвали ноздри. Видъ его производилъ на насъ ужасное впечатлѣніе.

Переѣхавъ Янгоду, я остановилась, чтобы проститься съ Филицатой Осиповною, которая провожала меня. Мы обѣ заливались слезами: она очень грустила, что мы всѣ уѣзжали.

Въ эту минуту передъ нами открылась прекрасная картина: показалась вторая партія декабристовъ. Лепарскій ѣхалъ верхомъ на бѣлой лошади; впереди всѣхъ

шелъ Пановъ въ круглой шляпѣ и какомъ-то фантастичномъ костюмѣ, впрочемъ, довольно красивомъ. Другіе также были одѣты очень оригинально, а иные даже очень комично, но издали нельзя было различить всѣхъ деталей ихъ разнообразныхъ костюмовъ, а шествіе было очень красиво.

Дорога отъ Янгоды шла степью, такъ что глазу не на чѣмъ было остановиться; на 8-й верстѣ я замѣтила вдали трехъ человѣкъ верхомъ, которые неслись прямо на насъ какъ птицы; доскакавъ до моего экипажа, они остановились какъ вкопанные, пересѣкая намъ дорогу и разомъ останавливая нашихъ лошадей. Сначала я немного струсила, но потомъ узнала моего тайшу; онъ былъ со своими адъютантами, и какъ мнѣ говорили потомъ, поджидалъ меня, желая загладить, вѣроятно, свою нелюбезность въ присутствіи начальства. Тутъ онъ освѣдомлялся о моемъ здоровьѣ, спросилъ, есть ли у меня дѣти, и когда узналъ, что двѣ дѣвочки, очень поздравлялъ. По ихъ понятіямъ дѣвочки — капиталъ, потому что за нихъ платятъ калымъ, и иногда очень большой. Тайша вскорѣ послѣ нашей встрѣчи умеръ. Мнѣ говорили, что съ тоски по матери, которую рано потерялъ. Этотъ сынъ природы и степей, вѣроятно, умѣлъ также горячо любить и чувствовать, какъ и цивилизованные люди. Что поражало въ немъ, это необыкновенная элегантность его манеръ.

На второй станціи я переѣхала Яблоновый хребетъ. Проѣзжая въ первый разъ зимой и ночью чрезъ него, я не могла судить о той необыкновенной, поразительной картинѣ, которая представилась теперь глазамъ моимъ. Ничего нельзя себѣ вообразить великолѣпнѣе и раскошнѣе сибирской природы.

Всѣ наши дамы ѣхали не спѣша, поджидая, конечно, случая, когда можно будетъ видѣться съ мужьями, но комендантъ, замѣтя такой маневръ съ нашей стороны, приказалъ намъ отправляться впередъ, и даже воспре-

тилъ сталкиваться на станціяхъ, и отправилъ казака съ приказаніемъ заготовлять для насъ лошадей, чтобы не могло происходить умышленныхъ остановокъ или неумышленныхъ задержекъ. Тогда нечего было дѣлать, и мы грустно потянулись одна за другою.

На одной изъ станцій я встрѣтила этого казака, посланнаго комендантомъ; онъ назывался Гантамуровъ и происходилъ отъ китайскихъ князей. Сестра его была кормилицею Нонушки Муравьевой. Гантамуровъ былъ молодецъ, высокаго роста. Я видѣла, какъ онъ выѣхалъ со станціи на бѣшеныхъ лошадяхъ. Тамъ станціи такъ устроены, что во дворѣ ворота при въѣздѣ и при выѣздѣ одни противъ другихъ; пока закладываютъ лошадей, ихъ держатъ человѣка 2 или 3, двое стоятъ у воротъ, которые заперты. Когда лошади готовы и всѣ уже сидятъ въ экипажѣ, тогда ворота разомъ открываются, люди отскакиваютъ, а лошади мчатъ такъ, что духъ захватываетъ. Такимъ образомъ выѣхалъ и Гантамуровъ. Не прошло и полчаса, какъ его принесли безъ чувствъ, и онъ былъ весь въ крови, но, благодаря своему здоровью, скоро очнулся, впрочемъ, долго потомъ хворалъ.

Признаюсь, у меня замирало сердце садиться въ экипажъ съ такими лошадьми, имѣя на рукахъ двухъ маленькихъ дѣтей. Между тѣмъ дѣлать было нечего и приходилось покоряться необходимости. Тамъ иначе не умѣютъ ѣздить!

На другой станціи я застала семейство смотрителя въ страшномъ горѣ; сынъ смотрителя, молодой мальчикъ, лѣтъ 15, былъ посланъ проводить бѣглаго, котораго поймали, до Верхне-Удинска, но дорогой бѣглый убилъ мальчика и скрылся. Подобные случаи въ Сибири очень часто повторяются. Тамъ бѣглыхъ ловятъ какъ дикихъ звѣрей, за извѣстное вознагражденіе, зато и они, въ свою очередь, не щадятъ никого, и имъ убить человѣка ничего не стоитъ...

П. А. Анненкова.

Александра Григорьевна Муравьева, урожденная Чернышева.

Одна душа въ Читѣ, о которой я душевно соболѣзновалъ — Александра Григорьевна Муравьева, рожденная Чернышева. Мужъ ея, Никита Михайловичъ, уже въ февралѣ прибылъ въ Читу; супруга его разсталась съ двумя дочерьми и сыномъ, передавъ ихъ бабушкѣ, Екатеринѣ Ѳедоровнѣ Муравьевой, потому что матерямъ запрещено было взять съ собой дѣтей своихъ. Она поспѣшила въ Сибирь, чтобы съ мужемъ раздѣлить изгнаніе и всѣ испытанія. Но какъ жестоко была обманута, когда, по пріѣздѣ въ Читу, ей было объявлено, что она вмѣстѣ съ мужемъ жить не можетъ, а только дозволяется ей имѣть свиданія съ нимъ дважды въ недѣлю по одному часу, въ присутствіи дежурнаго офицера, какъ видалась въ Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ. Въ первый разъ увидѣлъ я эту славную женщину, когда насъ повели на работу противъ ея квартиры. Наемный домикъ ея стоялъ чрезъ улицу противъ временнаго перваго острога, въ которомъ содержался мужъ ея; дабы имѣть предлогъ увидѣть его хоть издали, она сама и открывала и закрывала наружныя ставни свои. Кромѣ мужа, она имѣла въ острогѣ зятя своего А. М. Муравьева, двоюроднаго брата Вадковскаго и родного своего брата графа Захара Григорьевича, единственнаго мужского колѣна наслѣдника огромнаго майората, коего доискивался военный мини-

Александра Григорьевна Муравьева,
рожденная гр. Чернышева.

стръ А. П. Чернышевъ, но получилъ отказъ отъ государственнаго совѣта.

Наша милая Александра Григорьевна съ добрѣйшимъ сердцемъ, юная, кроткая, гибкая станомъ, единственно бѣлокурая изъ всѣхъ смуглыхъ Чернышевыхъ, разрывала жизнь свою сожигающими чувствами любви къ мужу, заключенному въ острогѣ, и къ отсутствующимъ дѣтямъ. Мужу своему показывала себя спокойною, довольною, даже радостною, чтобы не опечалить его, а наединѣ предавалась чувствамъ матери самой нѣжной. Къ тому же она знала, что при дѣтяхъ никто не могъ ее замѣнить для истиннаго воспитанія. Бабушка любила и берегла ихъ, какъ глазъ свой, но ея любовь, ея обхожденіе съ дѣтьми была не любовь и обхожденіе матери; чрезъ годъ умеръ единственный сынъ, а дочери окончательно лишились здоровья.

Въ Читинской тюрьмѣ произошелъ съ Муравьевой случай, сильно повліявшій на нее и могшій имѣть очень дурныя послѣдствія и для всѣхъ заключенныхъ.

Баронъ Розенъ.

Разъ какъ-то г-жа Муравьева пришла на свиданіе съ мужемъ въ сопровожденіи дежурнаго офицера. Офицеръ этотъ, подпоручикъ Дубининъ, не напрасно носилъ такую фамилію, и, сверхъ того, въ этотъ день былъ въ нетрезвомъ видѣ. Муравьевъ съ женой остался, по обыкновенію, въ присутствіи его въ одной изъ комнатъ, а мы всѣ разошлись кто на дворъ, кто въ остальныхъ двухъ казематахъ. Муравьева не очень была здорова и прилегла на постели своего мужа, говорила о чемъ-то съ нимъ, вмѣшивая иногда въ разговоръ французскія фразы и слова. Офицеру это не понравилось, и онъ съ грубостію сказалъ ей, чтобы она говорила по-русски.

Но она, посмотрѣвъ на него и не совсѣмъ понимая его выраженія, спросила опять по-французски мужа:

Qu'est ce qu'il veut, mon ami. Тогда Дубининъ, потерявшій отъ вина послѣдній здравый смыслъ и полагая, можетъ быть, что она бранитъ его, схвативъ ее вдругъ за руку и неистово закричалъ: „я приказываю тебѣ говорить по-русски“. Бѣдная Муравьева, не ожидавши такой выходки, такой наглости, закричала въ испугѣ и выбѣжала изъ комнаты въ сѣни. Дубининъ бросился за ней, несмотря на усилія мужа удержать его. Большая часть изъ насъ и въ томъ числѣ и братъ Муравьевой гр. Чернышевъ, услышавъ шумъ, отворили изъ своихъ комнатъ двери въ сѣни, чтобы знать что происходитъ, и вдругъ увидали бѣдную женщину въ истерическомъ припадкѣ и всю въ слезахъ, преслѣдуемую Дубининымъ. Въ одну минуту мы на него бросились, схватили его, но онъ успѣлъ уже переступить на крыльцо и, потерявъ голову, въ припадкѣ бѣшенства, закричалъ часовымъ и караульнымъ у воротъ, чтобы они примкнули штыки и шли къ нему на помощь. Мы, въ свою очередь, закричали также, чтобы они не смѣли трогаться съ мѣста, и что офицеръ пьяный самъ не знаетъ, что приказываетъ имъ. Къ счастію они послушались насъ, а не офицера, остались равнодушными зрителями и пропустили Муравьеву въ ворота. Мы попросили старшаго унтеръ-офицера сейчасъ же бѣжать къ плацъ-маіору и звать его къ намъ, Дубинина отпустили тогда только, когда все успокоилось, и унтеръ-офицеръ отправился исполнить наше порученіе. Онъ побѣжалъ отъ насъ туда же. Явился плацъ-маіоръ и смѣнилъ сейчасъ Дубинина съ дежурства. Мы разсказали ему, какъ все происходило. Онъ просилъ насъ успокоиться; но замѣтно было, что онъ боялся, чтобы изъ этого не вышло какого-нибудь серіознаго дѣла и чтобы самому не подвергнуться взысканію за излишнюю къ намъ снисходительность. Коменданта въ это время не было въ Читѣ. Его ожидали на другой день. До пріѣзда его, насъ перестали водить на работу для

того, чтобы мы не могли сообщаться съ прочими нашими товарищами, и вообще присмотръ сдѣлался какъ-то строже. По возвращеніи своемъ, комендантъ сейчасъ пошелъ къ Александрѣ Григорьевнѣ Муравьевой, извинился предъ ней въ невѣжливости офицера и увѣрилъ ее, что впередъ ни одна дама не подвергнется подобной дерзости. Потомъ зашелъ къ намъ, вызвалъ Муравьева и Чернышева, долго говорилъ съ ними и просилъ, въ лицѣ ихъ, всѣхъ насъ быть какъ можно осторожнѣе на будущее время. „Что если бы солдаты не были такъ благоразумны", прибавилъ онъ, и если бы они послушались не васъ, а офицера? Вы бы могли всѣ погибнуть. Тогда скрыть происшествіе было бы невозможно. Хотя офицеръ и первый подалъ поводъ, и онъ тоже подвергся бы отвѣтственности, но вамъ какая отъ того польза? Васъ бы все-таки судили, какъ возмутителей, а въ вашемъ положеніи это подвергаетъ Богъ знаетъ чему. Я же тогда, кромѣ безполезнаго сожалѣній, ничѣмъ бы не могъ пособить вамъ". Далѣе увѣрилъ ихъ, что происшествіе это онъ кончитъ домашнимъ образомъ, не донесетъ объ этомъ никому, а переведетъ только Дубинина въ другую команду.

Своимъ офицерамъ, а особенно плацъ-маіору, который, былъ его родной племянникъ, онъ порядочно намылилъ голову за то, что они не смотрятъ за дежурными и допускаютъ ихъ отправлять эту обязанность въ нетрезвомъ состояніи. Тѣмъ и кончилось это происшествіе. Если бы комендантъ былъ недоброжелательный, злой человѣкъ, онъ бы и въ этомъ случаѣ могъ подвергнуть насъ большимъ непріятностямъ, въ особенности, если бы дѣло было представлено въ превратномъ видѣ.

Басаргинъ.

Благородство натуры Муравьевой сказывались не исключительно только въ заботахъ о мужѣ — душа ея была растворена любовію ко всѣмъ имѣвшимъ съ ней

соприкосновеніе, не только декабристамъ, но и другимъ обитателямъ Читы и окрестныхъ мѣстностей. Нуждающіеся, а таковыхъ было много, получали отъ нея денежную помощь. Благотворительность ея проявлялась и въ другомъ видѣ: устроенная дамами въ Читѣ больница оборудована была при помощи ея медикаментами, выписанными Муравьевой изъ Москвы. Ей же принадлежитъ и самая идея устройства больницы.

По пріѣздѣ въ Петровскъ, она вся поглощена была заботами о мужѣ, заболѣвшемъ горячкой, тянувшейся три мѣсяца. Много выпало на ея долю безсонныхъ ночей, проведенныхъ ею у изголовья милаго мужа. Однажды, возвращаясь отъ больного мужа легко одѣтой, она простудилась и умерла. Смерть ея на заключенныхъ произвела удручающее впечатлѣніе.

Щеглятьевъ.

Вскорѣ послѣ кончины Пестова, смерть избрала новую жертву, и жертву чистую, самую праведную. А. Г. Муравьева, чувствуя давно уже общее растройство здоровья своего (вслѣдствіе нравственныхъ волненій и преждевременныхъ родовъ) старалась скрыть свое ненадежное положеніе отъ мужа и продолжала вести обыкновенную жизнь, не принимая, какъ совѣтовалъ ей Вольфъ, особенныхъ предосторожностей. Она ходила иногда въ зимнее время, легко одѣтая, изъ каземата на свою квартиру по нѣсколько разъ въ день, тревожилась, при малѣйшемъ нездоровьи своего ребенка, и сдѣлавшись беременною, крѣпко простудилась. Долго боролась ея природа, искусство и стараніе Вольфа съ болѣзнію (кажется, нервическою горячкою). Мѣсяца три не выходила она изъ опасности, и, наконецъ, ангельская душа ея, оставивъ тлѣнную оболочку, явилась на зовъ Правосуднаго Творца, чтобы получить достойную награду за высокую временную жизнь свою въ этомъ мірѣ. Легко представить себѣ, какъ должна была поразить насъ

всѣхъ ея преждевременная кончина. Мы всѣ безъ исключенія любили ее, какъ милую, добрую, образованную женщину и удивлялись ея высокимъ нравственнымъ качествамъ: твердости ея характера, ея самоотверженію, ея безропотному исполненію своихъ обязанностей. Бѣдный супругъ ея былъ неутѣшенъ. Она оставила ему послѣ себя залогомъ своей нѣжной, неограниченной любви четырехлѣтнюю дочь. Двѣ старшихъ, рожденныхъ въ Россіи, находились въ Москвѣ, у мужниной матери, вдовы М. Н Муравьева. Тѣло ея предано землѣ на погостѣ Петровской церкви, и постоянно теплящаяся лампада, въ устроенномъ надъ нею склепѣ, служитъ въ мрачную ночь, какъ очень хорошо выразился одинъ изъ нашихъ товарищей (И. И. Пущинъ), посѣтившій лѣтъ чрезъ 15 Петровскій, путеводною звѣздою для путешественниковъ, приближающихся къ заводу.

Обѣ эти утраты, и въ особенности послѣдняя, навели облако скорби на нашу отшельническую жизнь. Горесть остальныхъ дамъ нашихъ о потерѣ достойной подруги ихъ давала еще сильнѣе намъ чувствовать это общее, такъ сказать, семейное несчастіе. При каждой болѣзни кого либо-изъ нихъ, мы страшились новой потери.

Басаргинъ.

Баронесса Анна Васильевна Розенъ.

Во время перевода изъ Читы въ Петровскій заводъ, 27 августа 1830 года, недалеко отъ Верхнеудинска, партія декабристовъ встрѣтила баронессу Анну Васильевну Розенъ, которая также ѣхала къ мужу. Баронесса Анна Васильевна Розенъ, урожденная Малиновская, вышла замужъ 19 апрѣля 1825 года. Мужъ ея, баронъ Андрей Евгеніевичъ, былъ замѣшанъ въ декабрьскомъ возстаніи и 5 февраля 1827 года сосланъ въ Сибирь. Анна Васильевна пожелала тотчасъ же слѣдовать за нимъ, но, по его настоянію, обѣщалась отложить это намѣреніе до тѣхъ поръ, пока не подраститъ ея грудной ребенокъ. Когда дитя стало настолько крѣпко чтобы перенести продолжительное путешествіе, баронесса собралась въ путь. Но тутъ представились новыя затрудненія. Оказалось, что ей не разрѣшено взять съ собой сына. Анна Васильевна пришла въ отчаяніе и, захворавъ, уѣхала въ деревню, на Украйну. Изъ этого положенія вывела ее младшая сестра, Марія Васильевна, которая взяла на себя уходъ за ребенкомъ и убѣдила баронессу ѣхать безъ сына. Анна Васильевна уѣхала. Въ Москвѣ ее посѣтили всѣ, жившіе тамъ, родственники декабристовъ. Всѣ они выражали молодой женщинѣ свое участіе, а Вѣра Григорьевна Муравьева (сестра Александры Григорьевны) умоляла взять ее съ собой, какъ простую служанку, чтобы она могла помогать своей сестрѣ. 17 іюня 1830 года, баронесса выѣхала изъ Москвы и быстро помчалась въ Читу, какъ бы желая нагнать потерянное время.

Недалеко отъ цѣли путешествія, на станціи Степной

Баронесса Анна Васильевна Розенъ,
рожденная Малиновская.

она была задержана сплошнымъ наводненіемъ и прожила тамъ три недѣли. Эта задержка и была причиной того, что баронесса встрѣтила мужа уже на пути въ Петровскъ. Пробывъ съ мужемъ нѣсколько времени, она отправилась впередъ, чтобы приготовить себѣ квартиру и все необходимое. Въ Петровскѣ Анна Васильевна жила очень уединенно. По утрамъ отправлялась на квартиру хозяйничать, затѣмъ возвращалась въ острогъ и сама приводила въ порядокъ свою комнату. Цѣлый годъ супруги Розенъ прожили въ тюрьмѣ. По прошествіи же этого года, баронесса переселилась изъ тюрьмы на другую квартиру, въ домъ чиновника Занадворова, въ которомъ прежде жила С. И. Трубецкая. 5 сентября 1731 года, у ней родился второй сынъ Кондратій. Баронесса прожила въ Петровскѣ до 1832 г., когда ея мужа переселили въ Курганъ Тобольской губерніи. Анна Васильевна уѣхала съ ребенкомъ нѣсколько раньше мужа, именно 3 іюля 1832 года. Переѣздъ баронессы оказался очень утомительнымъ, такъ какъ во время переправы черезъ Байкалъ поднялась буря, а ребенокъ на пути захворалъ. Наконецъ, доѣхали до Иркутска. Анна Васильевна осталась здѣсь ждать мужа, который пріѣхалъ позже условнаго времени, благодаря канцелярскимъ проволочкамъ. По дорогѣ отъ Иркутска до Тобольска, въ деревнѣ Фирстовѣ баронесса разрѣшилась третьимъ сыномъ. Вслѣдствіе этого пришлось въ Фирстовѣ пробыть нѣсколько дней. 19 сентября 1832 года баронъ съ женой и дѣтьми пріѣхалъ въ Курганъ. Здѣсь онъ нашелъ нѣкоторыхъ товарищей, которые озаботились найти для него въ тотъ же день удобное помѣщеніе, такъ что г-жа Розенъ могла отдохнуть, на сколько ей позволяли это обязанности кормилицы и няньки своихъ крохотныхъ дѣтей.

Курганъ небогатый городокъ на лѣвомъ берегу Тобола. Зданія его въ описываемое нами время были почти всѣ деревянныя, число жителей доходило до 2000.

Въ городѣ была одна церковь, нѣсколько заводовъ, училище. Три раза въ годъ: въ мартѣ, октябрѣ и декабрѣ, въ Курганѣ бывала ярмарка. Жизнь тамъ была очень дешева.

4 декабря 1832 года баронъ съ семействомъ переѣхалъ въ собственный домъ, купленный за 3000 р., ас. Домъ былъ невеликъ, но очень удобенъ и окруженъ большимъ садомъ. Здѣсь семейство Розенъ навѣщали: Назимовъ, Фохтъ, Нарышкинъ, Лореръ и другіе товарищи по изгнанію. Баронъ скоро завелъ у себя сельское хозяйство, купивъ немного земли. Онъ сѣялъ рожь, горохъ, имѣлъ небольшое стадо. Въ Курганѣ семья барона увеличилась двумя новыми членами: сыномъ и дочерью. Баронесса сама ихъ кормила, няньчила и воспитала. Черезъ пять лѣтъ послѣ переѣзда въ Курганъ, 6 сентября 1837 года, она уѣхала на Кавказъ, куда былъ переведенъ ея мужъ. На Кавказѣ семейство Розенъ поселилось въ селеніи Бѣломъ Ключѣ, недалеко отъ Тифлиса, въ отдѣльномъ домикѣ, состоявшемъ изъ четырехъ комнатъ. Изъ Бѣлаго Ключа баронъ Розенъ переселился съ семьей въ Пятигорскъ, куда былъ назначенъ по слѣдующему высочайшему указу.

„Государь Императоръ всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ, во вниманіе къ разстроенному здоровью рядового изъ государственныхъ преступниковъ, Андрея Розена, перевести его немедленно въ городъ Пятигорскъ и доставить ему всѣ средства къ излѣченію“.

Недолго баронъ прожилъ въ Пятигорскѣ. Зодровье его разстроивалось, и онъ ходатайствовалъ о возвращеніи на родину. Онъ былъ возвращенъ на родину въ 1839 году. *Хинъ.*

Приближалось время ѣхать на поселеніе; срокъ окончанія тюремной жизни, наступилъ 11 іюля 1832 г., и, какъ мнѣ было извѣстно, что родственники жены моей просили о поселеніи насъ въ Курганѣ, Тоболь-

ской губерніи, и какъ жена моя ожидала разрѣшенія отъ бремени въ концѣ августа, то я упросилъ ее ѣхать впередъ до Иркутска, похлопотать тамъ о нужныхъ бумагахъ для дальнѣйшей отправки, такъ что по прибытіи моемъ въ Иркутскъ, мы могли бы въ тотъ же день отправиться въ путь и пріѣхать на мѣсто до ея родовъ. 2-го іюня понесъ я сына моего Кондратія въ тюрьму, чтобы крестный отецъ его, Е. П. Оболенскій, и товарищи благословили его; младенецъ былъ одѣтъ въ свѣтло-голубой шинели, сшитой крестнымъ отцомъ; онъ нисколько не смутился, увидѣвъ моихъ товарищей, обнимавшихъ и цѣловавшихъ его. Жена моя простилась съ ними со слезами; дамы наши крѣпко боялись за ея здоровье, за состояніе, въ коемъ она была съ маленькимъ ребенкомъ, въ ожиданіи скоро имѣть другого. Всѣхъ больше безпокоилась о ней наша добрѣйшая А. Г. Муравьева: она прислала ей складной стулъ дорожный, предложила тысячу вещей, уговаривала взять корову при плаваніи чрезъ Байкалъ, дабы младенецъ во всякое время могъ имѣть парное молоко. К. П. Торсинъ сдѣлалъ для сына морскую койку; Н. А. Бестужевъ сдѣлалъ винты и пряжки и привѣсилъ койку на надежныхъ ремняхъ къ крайному обручу отъ колясочной накидки, такъ что эта койка была лучшею висячею люлькою; матери и ребенку было спокойнѣе. Занавѣска со стороны козелъ защищала отъ вѣтра и непогоды.

Жена моя уѣхала 3-го іюня; безъ остановокъ достигла она Байкала; тамъ не было пароходовъ — и она наняла рыбацкій парусный карбасъ, на коемъ помѣстила коляску и нѣсколько попутчиковъ. Плаваніе было самое бѣдственное: посреди озера или Святого моря поднялся противный вѣтеръ и качалъ ихъ нѣсколько дней; сынокъ мой заболѣлъ — можно себѣ представить положеніе матери! Запасное молоко, взятое съ берега, испортилось, варенаго молока ребенокъ не

принималъ; съ трудомъ поили его отваромъ изъ рисовыхъ крупъ; наконецъ, онъ не принималъ никакой пищи— мать была въ отчаяніи. На пятый день буря утихла, вѣтеръ подулъ попутный, и черезъ нѣсколько часовъ путешественники пристали къ берегу. Жена моя донынѣ съ восторгомъ выражаетъ тогдашнее чувство своего блаженства, припоминая, какъ она ступила на берегъ, какъ сынъ ея больной, измученный голодомъ, почти умирающій, освѣжившись свѣжимъ молокомъ, уснулъ сладко и спокойно дышалъ, а она, сѣла возлѣ него на полу, еще качалась всѣмъ тѣломъ какъ на морѣ и благодарила Бога за спасеніе сына. Отъ Лиственной почтовой станціи до Иркутска было ей недалеко: она пріѣхала туда 12-го іюля, ожидала меня на слѣдующій день и напрасно ждала еще двѣ недѣли. Всѣ наши расчеты во времени и по срокамъ, всѣ наши предосторожности и мѣры были напрасны, были развѣяны, какъ дымъ, отъ вѣтра и отъ неисправности канцелярской. Замедленіе моего пріѣзда въ Иркутскъ, произошло оттого, что генералъ-губернаторъ Лавинскій въ то время ревизовалъ свои губерніи, а канцелярія его забыла къ 11-му іюля предувѣдомить коменданта о мѣстѣ моего назначенія. Лепарскій получилъ эту бумагу только 20-го іюля и въ тотъ же день меня отправилъ. Такимъ образомъ пришлось мнѣ девять дней оставаться въ тюрьмѣ долѣе опредѣленнаго срока.

Въ продолженіе всей бытности моей въ каторжной работѣ, не было никакого сбавленія нашихъ сроковъ; но, послѣ моего отбытія на поселеніе, черезъ три мѣсяца, значительно сбавленъ былъ срокъ, всѣмъ моимъ тюремнымъ товарищамъ, по случаю рожденія великаго князя Михаила Николаевича въ 1832 году, такъ что нашъ 5-й разрядъ сравнялся съ 6-мъ разрядомъ по продолжительности работы.

Изъ Записокъ *бар. Розена.*

Елизавета Петровна Нарышкина, урожденная графиня Коновницына.

Елизавета Петровна Нарышкина была дочерью графа Петра Петровича Коновницына, знаменитаго сподвижника императора Александра I. Графъ Коновницынъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, какъ храбрый воинъ, искусный полководецъ, отличный администраторъ и прекрасный человѣкъ. Плѣнительный образъ Коновницына — героя на бранномъ полѣ — начертанъ въ слѣдующихъ стихахъ Жуковскаго въ его „Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ".

Хвала тебѣ, славянъ любовь,
Нашъ Коновницынъ смѣлый!...
Ничто ему толпы враговъ,
Ничто мечты и стрѣлы;
Предъ нимъ, за нимъ перунъ гремитъ,
И пышетъ пламень боя...
Онъ веселъ, онъ на гибель зритъ
Съ спокойствіемъ героя;
Себя забылъ... однимъ врагамъ
Готовитъ истребленье;
Примѣръ и ратнымъ и вождямъ,
И смѣлымъ удивленье.

Мать Нарышкиной, рожденная Корсакова, была идеаломъ нѣжной матери. Естественно, поэтому, что Елизавета Петровна, глубоко и сердечно любимая своими родителями, всегда находила откликъ на свои душевныя состоянія и полное удовлетвореніе своимъ желаніямъ и прихотямъ; но когда стряслась бѣда надъ ея мужемъ, Михаиломъ Михайловичемъ, она молодая, 23 лѣтъ, при-

выкшая къ роскоши, нѣгѣ и удовольствіямъ свѣтской жизни, не колеблясь, въ скоромъ времени ѣдетъ въ Читу. Какъ ни тяжка эта доля, однако ей, сравнительно съ другими дамами, легче было оставить родное гнѣздо: у нея въ это время не было дѣтей; единственной дочери она лишилась до осужденія мужа.

Совершивъ долгій и скорбный путь, она, наконецъ, у воротъ острога. Не успѣвъ еще остановиться, она видитъ за частоколомъ въ оковахъ мужа, бросившагося, не взирая на несокрушимую преграду, навстрѣчу къ ней. Елизавета Петровна, подъ вліяніемъ сильныхъ ощущеній, падаетъ въ обморокъ.

Одинъ изъ декабристовъ такъ описываетъ первую встрѣчу съ ней: „Въ первый разъ увидѣлъ я ее на улицѣ, близъ нашей работы на „Чертовой Могилѣ"; она была въ черномъ платьѣ съ таліей тонкой въ обхватѣ; лицо ея было слегка смуглое съ выразительными умными глазами; головка повелительно поднятая, походка легкая и граціозная... Въ Читѣ жила она въ одномъ домѣ съ Муравьевой; трудно ей было пріучиться къ новой жизни. Муравьева, кромѣ мужа, имѣла въ острогѣ брата, зятя, двоюроднаго брата, то тотъ, то другой пересылалъ ей вѣсточку со сторожемъ, а Нарышкина — все одна да одна, и тѣмъ болѣе, что съ другими дамами была она не сообщительна, оттого и страдала больше отъ одиночества. Такое состояніе супруговъ было тягостное". Къ счастью, томительно-однообразная жизнь здѣсь тянулась недолго. Прибывъ въ 1827 году, Елизавета Петровна въ началѣ 1833 г., по окончаніи опредѣленнаго срока работы мужа въ 1832 г. отправляется съ нимъ въ назначенный для его поселенія — Курганъ, городъ западной Сибири. Поэтъ Василій Андреевичъ Жуковскій, воспитатель наслѣдника престола, сопровождая его въ путешествіи, посѣтилъ Курганъ. Здѣсь онъ видѣлъ Нарышкину и бесѣдовалъ съ ней. Въ одномъ изъ писемъ къ императрицѣ Але-

Елизавета Петровна Нарышкина, рожденная графиня Коновницына.

ксандрѣ-Өеодоровнѣ онъ въ такихъ словахъ выразилъ свое впечатлѣніе о ней: „Въ Курганѣ я встрѣтилъ Нарышкину (дочь нашего храбраго Коновницына), по порученію ея матери. Она глубоко меня тронула своею тихостью и благородной простотой въ несчастіи. Но она была больна и, можно сказать, таетъ отъ горя по матери, которую хотя разъ еще въ жизни желала бы видѣть". Послѣ четырехлѣтняго своего пребыванія въ Курганѣ, Нарышкинъ былъ переведенъ на Кавказъ. По христіанскому обычаю отслужили молебенъ. Елизавета Петровна одѣлила мѣстныхъ крестьянъ подарками. На Кавказѣ Нарышкины поселились въ Кубанской области, въ Прочноокопской станицѣ, въ помѣстительномъ домѣ, окруженномъ фруктовымъ садомъ. Здѣсь жизнь Нарышкиныхъ потекла болѣе налаженнымъ и покойнымъ русломъ. Образовался кружокъ знакомыхъ, бывавшихъ у нихъ и со взрослыми дѣтьми и дѣлившихъ досужее время. Елизавета Петровна, обладавшая пріятнымъ голосомъ, услаждала своимъ пѣніемъ. Ссыльная жизнь разнобразилась также чтеніемъ книгъ и газетъ, не исключая и иностранныхъ, которыя получали Нарышкины; совершались цѣлой компаніей поѣздки въ мирные черкесскіе аулы. Тѣневую сторону жизни на Кавказѣ для Елизаветы Петровны, кромѣ сознанія участи ссыльнаго, составляли не безопасныя для жизни мужа походы на горцевъ, когда жизнь ставится на карту и подставляется подъ шальную пулю кабардинца или чеченца. Экспедиціи такого рода вызывали сильное безпокойство въ Елизаветѣ Петровнѣ и подрывали и безъ того хрупкое здоровье, тѣмъ болѣе, что она по природѣ своей была подвержена нервнымъ сильнымъ страданіямъ, особенно усиливавшимся къ осени. Нарышкинъ тогда по цѣлымъ недѣлямъ ухаживалъ за больной съ необычайнымъ терпѣніемъ. Онъ скончался въ 1863 году.

Щеглятьевъ.

Александра Ивановна Давыдова.

Усадьба Каменки (Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи) было родовымъ имѣніемъ Давыдовыхъ. Она сдѣлалась въ нѣкоторомъ отношеніи историческимъ: при ея имени, до декабрьской катастрофы, воскресаетъ въ представленіи широкая барская и въ то же время культурная жизнь, возстаютъ имена Пушкина, Якушкина, Раевскаго, сына его Александра и другихъ, находившихъ здѣсь радушный пріютъ. Тонъ жизни давала хозяйка, Екатерина Ивановна Давыдова, одаренная отъ природы здравымъ умомъ, женщина развитая. 24 ноября въ день ея именинъ собиралось въ Каменку много гостей и между ними члены Южно-русскаго общества, къ которому принадлежалъ ея сынъ отъ второго брака Василій Львовичъ „ревностный членъ тайнаго общества", гусаръ, отставной подполковникъ. Онъ былъ и посредникомъ въ сношеніяхъ съ Сѣвернымъ. Приговоренъ былъ, по смягченному приговору, къ 20-лѣтней каторгѣ. Обвиненіе было мотивировано такъ: „имѣлъ умыселъ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи, о чемъ и совѣщанія происходили въ его домѣ, участвовалъ въ управленіи тайнаго общества и старался распространить оное принятіемъ членовъ и порученій; участвовалъ сочиненіемъ въ предложеніяхъ объ отторженіи областей отъ имперіи и пріуготовлялъ къ мятежу предложеніемъ одной артиллерійской ротѣ быть готовой къ дѣйствію". Жизнь свою онъ окончилъ на поселеніи

Александра Ивановна Давыдова.

въ Красноярскѣ, въ 1855 г., куда былъ переведенъ въ 1840 г.

Василій Львовичъ былъ твердаго характера, отличался веселостью и остроуміемъ, но несчастіе сломило его: на пути въ Сибирь плакалъ, и въ Читѣ и Петровскѣ былъ сумраченъ. Въ такомъ горестномъ и подавленномъ состояніи онъ имѣлъ, къ счастію, утѣшительницу — жену, рѣдкую женщину, христіански-незлобивую, добрую, кроткую, умѣвшую въ значительной степени парализовать грустныя настроенія своего мужа. Это свойство ея характера облегчало и ей ея тяжкую долю. Александра Ивановна имѣла многочисленное семейство. Предъ отъѣздомъ въ Сибирь она размѣстила дѣтей по роднымъ.

Броницынъ.

Александра Васильевна Ентальцева.

Бездѣтная и безродная (родителей она лишилась въ ранней молодости) поѣхала Александра Васильевна въ Сибирь, чтобы облегчить страданія мужа. Ей, одинокой, конечно, легче было отважиться на долгій и не безопасный путь. Она прибыла къ своему мужу, Андрею Васильевичу въ то время, когда онъ, отбывъ годичный срокъ работъ, былъ переведенъ на поселеніе въ Березовъ. Здѣсь Ентальцевы страдали отъ климатическихъ условій — чрезмѣрной суровости климата. Къ тому же, безконечныя ночи и короткіе ясные дни дѣйствовали угнетающимъ образомъ.

Въ 1830 году, по ходатайству одной близкой родственницы, Андрей Васильевичъ былъ переведенъ, сравнительно, въ лучшее мѣсто — лежавшее южнѣе — въ городъ Ялуторовскъ Тобольской губерніи; но здѣсь, при лучшей климатической обстановкѣ, жизнь Ентальцевой сложилась крайне неблагопріятно. Слабый отъ природы организмъ мужа, матеріальная нужда, сказывавшаяся довольно чувствительнымъ образомъ и, наконецъ, доносы были причиною его психическаго разстройства. Онъ впалъ въ помѣшательство и такъ ослабъ, что не могъ вставать съ постели. Жить одной въ глуши, съ безумнымъ мужемъ — положеніе ужасное, но Александра Васильевна не впала въ отчаяніе: вѣрная своему священному долгу, она беззавѣтно исполняла его, съ безпредѣльною любовію и изумительнымъ терпѣніемъ уха-

живала за мужемъ до конца его дней. Онъ умеръ въ 1845 году. По смерти мужа Александра Васильевна не могла получить разрѣшенія вернуться въ Россію и продолжала жить подъ полицейскимъ надзоромъ. Только въ 1856 году послѣ манифеста она получила возможность переѣхать въ Москву, гдѣ и скончалась въ 1858 г.

Броницынъ.

Марья Казимировна Юшневская.

Когда Алексѣй Петровичъ Юшневскій, генералъ-интендантъ 2-й арміи изъ Шлиссельбургской крѣпости былъ отправленъ въ заточеніе, жена его, Марія Казимировна стала хлопотать о разрѣшеніи отправиться ей къ ссыльному мужу. Указомъ 4 января 1829 года вышло повелѣніе ей одной, безъ дочери отъ перваго брака, отправиться въ Сибирь.

Жизнь въ Петровскомъ заводѣ на первое время, по скудости матеріальныхъ средствъ, была очень тягостна для Юшневскихъ. На имѣніе Алексѣя Петровича, до окончанія ревизіи по интендантству, наложенъ былъ запретъ. Ревизія тянулась долго. Послѣ 8 лѣтъ получено было формальное удостовѣреніе, что Алексѣй Петровичъ не только честно велъ всѣ интенданскія дѣла, безъ всякаго ущерба казнѣ, но и доставилъ ей своими благоразумными распоряженіями значительныя сбереженія.

Въ 1834 г. Юшневскіе были отправлены на поселеніе въ село Оёкъ Иркутской губерніи, находящееся въ 30 верстахъ отъ Иркутска, а въ началѣ 40-хъ годовъ Юшневскіе жили въ подгородной деревнѣ Малой Разводной. Въ 1844 году Марія Казимировна овдовѣла,— Алексѣй Петровичъ умеръ отъ апоплексическаго удара въ церкви во время похоронъ одного изъ своихъ товарищей. Похороненъ онъ въ Разводной. Марія Казимировна, по смерти мужа, тщетно просилась о возвращеніи на родину.

Броницынъ.

Деревня Малая Разводная, гдѣ жили Юшневскіе, лежитъ всего въ пяти верстахъ отъ Иркутска. Они жили въ небольшомъ своемъ домикѣ, состоявшемъ изъ 4 и самое большее изъ 5 комнатъ.

Жена Юшневскаго, Марья Казимировна, была миловидная, тоненькая старушка небольшого роста; въ образованіе наше (у Юшневскихъ жили ученики) она не вмѣшивалась, но мы ее не особенно любили, потому что она строго заботилась о нашихъ манерахъ и легко раздражалась всякими нашими промахами. Она была только ревностная католичка, и самыми частыми ея посѣтителями были два ксендза, не разъ въ недѣлю приходившіе пѣшкомъ изъ Иркутска. Одинъ изъ нихъ, по фамиліи Гацицкій, худенькій, веселенькій и очень юркій человѣчекъ, не прочь былъ повозиться съ нами, несмотря на свой почтенный санъ и не менѣе почтенный возрастъ. Уже будучи взрослымъ, я узналъ отъ декабристовъ, что Марья Казимировна была замужемъ въ Кіевѣ за какимъ-то помѣщикомъ, отъ котораго имѣла дѣтей, потомъ увлеклась Юшневскимъ и послѣ формальнаго развода вышла за него замужъ и покорно раздѣлила съ нимъ его тяжелую участь въ Сибири. Во время нашего прожитія въ Малой Разводной пріѣхала навѣстить ее изъ Россіи и осталась на нѣсколько лѣтъ въ Иркутскѣ ея дочь съ мужемъ, очень недурнымъ портретистомъ и съ цѣлой кучей дѣтей.

Бѣлоголовый.

И. Д. Якушкина.

11-го мы прибыли въ Ярославль. Фельдъегерь представилъ меня губернатору, который объявилъ мнѣ, что я имѣю позволеніе видѣться съ моимъ семействомъ. Отъ губернатора мы отправились на свиданіе. Увидавъ на мнѣ цѣпи, жена моя, матушка ея и всѣ съ ними присутствующіе встрѣтили меня со слезами, но я какой-то шуткой успѣлъ прервать ихъ плачевное расположеніе: плакать было некогда, и мы радостно обнялись послѣ долгой и тяжкой разлуки. Тутъ я узналъ, что жена моя съ дѣтьми и матушка ея годъ тому назадъ получили дозволеніе видѣться со мной въ Ярославлѣ, но имъ не дано было знать, когда повезутъ меня. Дежурный г. Потаповъ зналъ всякій разъ, когда требовался фельдъегерь для перемѣщенія насъ изъ крѣпостей въ Сибирь и всякій разъ извѣщалъ объ этомъ мою жену; но кого именно повезутъ изъ насъ, онъ не зналъ. По этой причинѣ семейство нѣсколько разъ пріѣзжало изъ Москвы въ Ярославль; первоначально они пробыли тутъ мѣсяцъ въ томительномъ ожиданіи меня; потомъ опять жена моя съ дѣтьми, въ сопровожденіи знакомой дамы и короткаго моего пріятеля Михаила Яковлевича Чаадаева, пріѣхала въ Ярославль, и они въ продолженіе почти мѣсяца напрасно ожидали моего прибытія; наконецъ, и въ этотъ послѣдній разъ меня ожидали здѣсь уже три недѣли.

Только что мы вошли въ комнату и усѣлись, пріѣхалъ губернаторъ и сказалъ женѣ моей, что я пробуду въ Ярославлѣ шесть часовъ, послѣ чего онъ былъ

такъ любезенъ, что уѣхалъ и оставилъ насъ однихъ. Когда всѣ нѣсколько успокоились, я обратился къ матушкѣ съ вопросомъ, намѣрена ли она проводить жену мою и дѣтей въ Сибирь. Матушка, залившись слезами, отвѣчала мнѣ, что, на просьбу ея проводить дочь, она получила рѣшительный отказъ. Жена моя, также въ слезахъ, сказала мнѣ, что она сама непремѣнно за мной послѣдуетъ, но что ей не позволяютъ взять дѣтей съ собой. Все это вмѣстѣ такъ неожиданно меня поразило, что нѣсколько минутъ я не могъ выговорить ни слова; но время уходило, и я чувствовалъ, что надо было на что нибудь рѣшиться. Что намъ вмѣстѣ, женѣ моей и мнѣ, всегда было бы прекрасно, я въ этомъ не могъ сомнѣваться; а также понималъ, что она, оставаясь безъ меня, даже посреди своихъ родныхъ, много ее любящихъ, становилась въ положеніе для нея неловкое и весьма затруднительное; но, съ другой стороны, для малолѣтнихъ нашихъ дѣтей попеченіе матери было необходимо. Къ тому же я былъ убѣжденъ, что, несмотря на молодость жены моей, только она одна могла дать истинное направленіе воспитанію нашихъ сыновей, какъ я понималъ его, и я рѣшился просить ее ни въ какомъ случаѣ не разлучаться съ ними; она долго сопротивлялась моей просьбѣ, но, наконецъ, дала мнѣ слово исполнить мое желаніе. Мнѣ стало легче. Часы, назначенные для нашего свиданія, скоро прошли, и фельдъегерь пришелъ сказать, что все готово къ отъѣзду. Жена моя съ дѣтьми и матушка рѣшились проводить меня до первой станціи, и фельдъегерь этому не противился. Когда мы пустились въ путь было уже совершенно темно, холодный вѣтеръ жестоко завывалъ, и льдины неслись по Волгѣ, черезъ которую мы перебрались съ большими затрудненіями. Мы провели вмѣстѣ ночь на станціи между Ярославлемъ и Костромой. Тутъ я узналъ о смерти моей матери. Наконецъ. наступилъ часъ рѣшительной и вѣчной разлуки; простившись съ женой и

дѣтьми, я плакалъ, какъ дитя, у котораго отняли послѣднюю и любимую его игрушку... Въ Читѣ отъ своихъ мы получали письма черезъ коменданта, который долженъ былъ предварительно прочитать ихъ. Самимъ же намъ не было дозволено писать, но наши дамы, имѣвшія право переписываться съ кѣмъ имъ было угодно, взяли на себя трудъ извѣщать о насъ родныхъ, и такимъ образомъ устроилась между нами и нашими родными довольно правильная переписка. Каждая дама имѣла нѣсколько человѣкъ въ казематѣ, за которыхъ она постоянно писала, и переданное ей отъ кого-нибудь черновое письмо она переписывала какъ будто отъ себя, прибавивъ только: „Такой-то проситъ меня сообщить вамъ то-то". Трудъ нашихъ по нашей перепискѣ былъ не маловаженъ. Я знаю, что одна княгиня Трубецкая переписывала и отправляла къ коменданту еженедѣльно болѣе десяти писемъ. Дамы, пріѣхавшія къ своимъ мужьямъ, давали расписки въ томъ, что онѣ подчинятся всѣмъ распоряженіямъ коменданта и помимо его ни съ кѣмъ не будутъ въ перепискѣ. Коменданту на каждой недѣлѣ приходилось, по прибытіи и передъ отправленіемъ почты, прочесть писемъ сто. Всѣ письма изъ Читы шли черезъ третье отдѣленіе, и комендантъ читалъ ихъ на случай, что ему можетъ быть запросъ по какому-нибудь изъ этихъ писемъ. Письма же къ намъ читались въ Иркутскѣ, и если губернаторъ находилъ въ нихъ что-нибудь, заслуживающее вниманія, то онъ сообщалъ объ этомъ въ третье отдѣленіе. Комендантъ читалъ и эти письма, опасаясь опять, чтобы ему по которому нибудь изъ нихъ не сдѣлали запроса. Однажды, скоро по прибытіи Фонвизиной, меня позвали къ частоколу, у котораго стояла кн. Трубецкая съ письмомъ въ рукѣ: она мнѣ просунула его сквозь промежутокъ въ частоколѣ и съ радостью передала мнѣ добрую вѣсть, что женѣ моей позволено пріѣхать ко мнѣ и взять съ собой дѣтей.

Это извѣстіе было такъ неожиданно для меня, что я, не смѣя сомнѣваться въ словахъ княгини Трубецкой, не вдругъ могъ повѣрить своему счастью. Всѣ въ казематѣ меня поздравляли. У Никиты Муравьева, у Фонвизина и у Давыдова остались дѣти, которымъ, можно было теперь надѣяться, позволить пріѣхать къ своимъ родителямъ; у Розена осталась жена при малолѣтнемъ сынѣ, и Розенъ также могъ теперь надѣяться скоро увидѣться съ своимъ семействомъ. На другой день комендантъ, пріѣхавъ въ казематъ, взялъ меня въ сторону и, зная, что жена моя съ дѣтьми собирается пріѣхать ко мнѣ, объявилъ мнѣ, что онъ не дозволитъ имъ со мной свиданія, если на это не получитъ особеннаго предписанія. Я старался увѣрить его превосходительство, что, конечно, жена моя не отправится въ Сибирь съ дѣтьми, не получивъ на то дозволенія отъ кого слѣдуетъ, и что, конечно, объ этомъ онъ будетъ извѣщенъ до ея пребытія. Вскорѣ потомъ я получилъ письмо, въ которомъ жена моя переписала записку, полученную ею отъ г-на Дибича, за собственноручной его подписью, и въ которой было сказано: Государь Императоръ соизволилъ разрѣшить Якушкиной ѣхать къ мужу, взявши съ собой и своихъ дѣтей, но при семъ приказалъ обратить ея вниманіе не недостатокъ средствъ въ Сибири для воспитанія ея сыновей. Получивъ такое благопріятное извѣстіе, я вправѣ былъ надѣяться, что въ скоромъ времени соединюсь съ моимъ семействомъ. Жена моя, по нездоровью маленькаго, не могла тотчасъ воспользоваться позволеніемъ ѣхать въ Сибирь и должна была отложить свое путешествіе до лѣтняго пути; а между тѣмъ Анна Васильевна Розенъ, узнавши, что женѣ моей позволено ѣхать въ Сибирь и взять съ собою дѣтей, отправилась въ Петербургъ хлопотать, чтобы и ей было дозволено ѣхать къ мужу вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. При свиданіи съ ней шефъ жандармовъ графъ Бенкендорфъ

рѣшительно отказалъ ей на ея просьбу, сказавъ, что г-нъ Дибичъ поступилъ очень необдуманно, ходатайствуя за Якушкину, вѣроятно, не получитъ уже изъ третьяго отдѣленія всего нужнаго для своего отправленія и потому также не поѣдетъ въ Сибирь. На вопросъ А. В. Розенъ, что бы было Якушкиной, если бы она, получивъ высочайшее позволеніе, тотчасъ вмѣстѣ съ дѣтьми отправилась къ мужу: въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ шефъ жандармовъ очень откровенно, ее, конечно, не вернули бы назадъ. Въ это время началась война съ Турціей и потому ни императора ни г. Дибича не было въ Петербургѣ. Теща моя ѣздила не разъ въ Петербургъ хлопотать объ отправленіи дочери и внуковъ своихъ въ Сибирь, но всѣ старанія остались тщетными. Шефъ жандармовъ, на всѣ ея убѣдительныя просьбы, остался неприклоненъ, и она съ горестью извѣщала меня обо всемъ этомъ. Получивъ ея письмо, мнѣ живо представилось положеніе жены моей; мнѣ приходилось вторично принести ее въ жертву общимъ нашимъ обязанностямъ къ малолѣтнимъ дѣтямъ; я при этомъ совершенно растерялся.

Изъ „Записокъ“ И. Д. Якушкина.

Елена Александровна Бестужева.

Въ числѣ женщинъ, добровольно послѣдовавшихъ въ Сибирь для облегченія страданій дорогихъ имъ лицъ, заживо тамъ погребенныхъ, были не только жены этихъ послѣднихъ, но и ихъ ближнія родственницы — сестры. Изъ нихъ рельефно выдѣляется свѣтлый образъ Елены Александровны Бестужевой.

На ея долю, въ жизненномъ пути, выпала нелегкая задача. Окончивъ курсъ въ Смольномъ институтѣ, прямо со школьной скамьи, она вовлечена была обстоятельствами въ заботы по дому, хозяйству, которыя, по смерти отца, оставившаго имѣніе въ разстроенномъ состояніи, усугубились. Вмѣстѣ съ матерью своей, которой была истинной помощницей, она въ благоустройство родного гнѣзда, влагала всѣ свои силы.

Революціонный потокъ 1825 года, захватившій двухъ ея братьевъ — Николая и Михаила, поплатившихся заточеніемъ въ Сибири, вызываетъ ее на подвигъ: она горитъ желаніемъ отправиться въ Сибирь къ милымъ братьямъ. Она собралась, ѣдетъ вмѣстѣ съ матерью и сестрами, но близъ Москвы задерживается; но это обстоятельство нисколько не охлаждаетъ ее: какъ только ея братья, отбывъ положенный имъ на каторгѣ срокъ, были переведены на поселеніе въ Селенгинскъ, она настойчиво домогается туда ѣхать, выхлопатываетъ право, и ѣдетъ съ сестрами (мать скончалась раньше). По пріѣздѣ на мѣсто поселенія братьевъ своимъ участіемъ, теплотою своихъ отношеній и раздѣленіемъ

трудовъ старается смягчить и облегчить положеніе ссыльныхъ. Бестужевы, отъ природы даровитые и, къ тому же очень образованные, въ то же время были отличными хозяевами. Культурное въ этомъ отношеніи вліяніе сказывалось далеко и за окрестностями ихъ поселка. Въ 1855 году умеръ Николай Александровичъ Бестужевъ. Около 60 гг. сестры переселяются въ Москву и поселяются на окраинахъ города. Въ 1867 г. водворяется у нихъ, съ двумя дѣтьми, по возвращеніи изъ ссылки, Михаилъ Александровичъ. По смерти его въ 1871 году Елена Александровна посвящаетъ жизнь свою воспитанію дѣтей покойнаго брата и доживаетъ до глубокой старости.

Броницынъ.

Жизнь и бытъ ссыльныхъ въ Петровскомъ при организаціи вотчины съ артельнымъ началомъ.

Это благодѣтельное учрежденіе (устройство артели) избавляло каждаго отъ непріятнаго положенія зависѣть отъ кого-либо въ отношеніи вещественномъ и обезпечивало всѣ его надобности. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно нравственно уравняло тѣхъ, которые имѣли средства, съ тѣми, которые вовсе не имѣли ихъ, и не допускало послѣднихъ смотрѣть на товарищей своихъ какъ на людей пользующихся въ сравненіи съ ними, большими матеріальными удобствами и преимуществами. Однимъ словомъ, оно ставило каждаго на свое мѣсто, предупреждая, съ одной стороны, тягостные лишенія и недостатки, а съ другой — безпрестанное опасеніе оскорбить товарища своего не всегда умѣстнымъ и своевременнымъ предложеніемъ помощи. Маленькая артель была учреждена именно съ той цѣлью, чтобы доставлять отъѣжающимъ на поселеніе нѣкоторое пособіе, необходимое на первое время ихъ прибытія на мѣсто. Сумма, которою она распоряжалась, составлялась изъ добровольныхъ вкладовъ и пожертвованій. Участники въ ней были всѣ тѣ, кто отдавалъ 10-й процентъ съ той суммы, которую получалъ ежемѣсячно на свои расходы изъ большей артели.

Бытъ нашъ въ Петровскомъ замкѣ или, лучше сказать, въ тюремномъ замкѣ, съ устройствомъ артели и принятыми мѣрами, чтобы обезпечить, по возможности, на первое время отъѣзжающихъ на поселеніе, матеріально гораздо улучшился. Каждый имѣлъ собственные способы, могъ какъ хотѣлъ располагать ими, обзавестись необходимымъ хозяйствомъ, могъ даже употребить

избытокъ ихъ на пользу общую, отдавая его въ маленькую артель, или на удовлетвореніе нѣкоторыхъ привычекъ прежней жизни, сдѣлавшихся для многихъ почти необходимостію. Обѣдать въ общую залу мы не собирались, найдя это неудобнымъ, и имѣли столъ по своимъ отдѣленіямъ въ коридорѣ. Сторожъ приносилъ съ кухни кушанье, приготовлялъ и убиралъ обѣдъ и ужинъ, кормился тутъ вмѣстѣ съ нами, мылъ посуду, ставилъ самовары, топилъ печи и получалъ за это отъ насъ ежемѣсячно жалованье, которымъ былъ вполнѣ доволенъ. Между нами былъ медикъ — докторъ Вольфъ и медикъ очень искусный. Въ случаѣ серіозной болѣзни къ нему обращались мы не только сами, дамы наши, но и комендантъ, офицеры и всѣ, кто только могъ, несмотря на то, что правительствомъ назначенъ былъ собственно для насъ должностный врачъ. Но этотъ врачъ, молодой человѣкъ, понялъ все превосходство Вольфа и прибѣгалъ при всякомъ пользованіи, къ его совѣтамъ, опытности и знанію. Слава объ искусствѣ Вольфа, такъ распространилась, что пріѣзжали лѣчиться къ нему изъ Нерчинска, Кяхты и самаго Иркутска. Комендантъ, видя пользу, которую онъ приносилъ, позволилъ ему свободно выходить изъ тюрьмы въ сопровожденіи конвойнаго. Въ одномъ изъ нумеровъ, нарочно для того назначенномъ подлѣ нумера Вольфа, помѣщалась наша аптека, въ которой были всѣ нужныя медикаменты и прекрасные хирургическіе снаряды.

Все это, вмѣстѣ съ извѣстными твореніями и лучшими иностранными и русскими журналами по медицинской части, выписывалось и доставлялось Вольфу дамами. Однимъ словомъ, со стороны врачебныхъ средствъ, намъ не оставалось ничего желать.

Мы выписывали газеты, много иностранныхъ и русскихъ журналовъ, тоже чрезъ посредство и съ помощію дамъ. Изъ французскихъ: Journal des Debats, Constitutione, Journal de Francfort, Revue Encyclopedique, Revue

Britanique, Revue des deux mondes, Revue de Paris; нѣмецкія: Preusische Staatzeitung, Гамбургскаго корреспондента, Аугсбургскую газету, русскіе почти всѣ журналы и газеты. Все это мы читали съ жадностію, тѣмъ болѣе, что тогдашнія событія въ Европѣ и въ самой Россіи, когда сдѣлалось польское возстаніе, не могли не интересовать насъ. При чтеніи журналовъ и газетъ введенъ былъ порядокъ, по которому каждый ими пользовался въ свою очередь, и это наблюдалось съ большею строгостію и правильностію. На прочтеніе газеты опредѣлялось два часа, а для журнала два или три дня. Сторожа наши безпрестанно разносили ихъ нумера въ номеръ съ листомъ, гдѣ отмѣчалось каждымъ изъ насъ время полученія и отправки.

Библіотека наша также неимовѣрно увеличилась, такъ что не могла быть общею, и потому каждый держалъ свои собственныя книги у себя и бралъ у другихъ, то, что было ему нужно. Въ особенности женатые, и между ними Муравьевъ, Никита Михайловичъ, имѣли огромное количество книгъ, въ которыхъ никому не отказывали, хотя нерѣдко ихъ богатыя изданія подвергались отъ неосторожности не только поврежденію, но и совершенному истребленію.

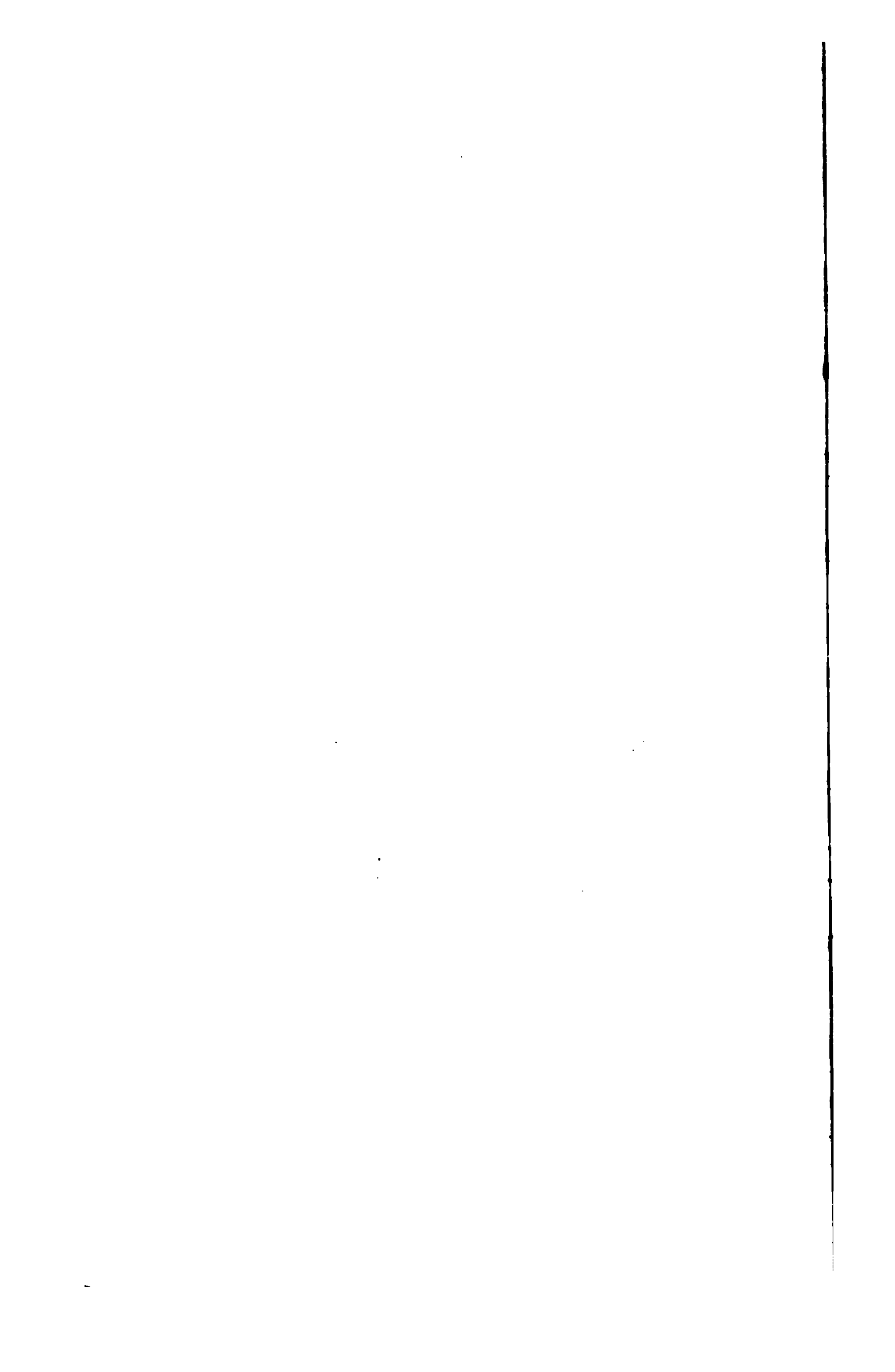
И всѣмъ этимъ, по справедливости говоря, мы обязаны были пріѣзду нашихъ дамъ. Онѣ точно и во всемъ смыслѣ исполняли обѣтъ и назначеніе свое. Это были ангелы, посланные небомъ, чтобы поддержать, утѣшить и укрѣпить не только мужей своихъ, но и всѣхъ насъ на трудномъ и исполненномъ терніи пути.

Въ первое время нашего пребыванія въ Петровскомъ, дамы, по собственному желанію, чтобы не разлучаться съ мужьями, были съ ними въ казематахъ и ходили на квартиры только утромъ, на нѣсколько часовъ, чтобы распорядиться хозяйствомъ, обѣдомъ и туалетомъ своимъ. Для большаго удобства ихъ помѣщенія, мы съ радостію уступили имъ еще по номеру для каждой, такъ что

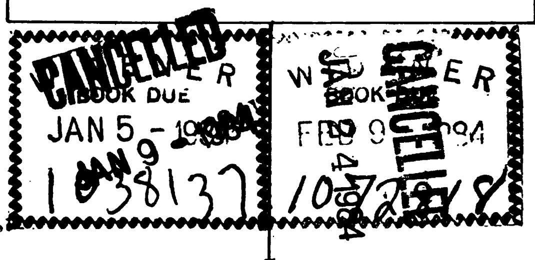
женатые занимали два рядомъ номера, а нѣкоторые изъ холостыхъ размѣстились по два въ одномъ. По вечерамъ въ номерахъ ихъ собиралось иногда маленькое общество, и странно было видѣть людей, одѣтыхъ скорѣе бѣдно, нежели изящно, бесѣдующихъ въ темной тѣсной комнатѣ, при самой простой обстановкѣ, со всѣми условіями лучшаго общества и соблюдающихъ всѣ приличія, всѣ утонченности высшаго образованія. Пребываніе дамъ въ общей тюрьмѣ продолжалось около года. Здоровье ихъ, видимо, страдало отъ неудобства казематной жизни, отъ частыхъ переходовъ къ себѣ на квартиру въ дурное или холодное время, особенно же отъ недостатка свѣта въ номерахъ, многія даже изъ насъ подвергались глазнымъ болѣзнямъ и испортили зрѣніе. Объ этомъ какъ дамы, такъ и мы упоминали нерѣдко въ письмахъ къ роднымъ. Полагаю даже, что и комендантъ, съ своей стороны, доносилъ о томъ правительству. Оно вынуждено было, наконецъ, обратить вниманіе на это обстоятельство и на другой годъ прибытія нашего въ Петровскій заводъ предписало прорубить въ каждомъ номерѣ по окошку и вмѣстѣ съ тѣмъ отштукатурить внутреннія стѣны. Лѣтомъ 1831 года начались эти работы. Разумѣется, дамы перебрались на свои квартиры; мужьямъ позволили жить вмѣстѣ съ ними, а насъ холостыхъ размѣстили по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ и переводили изъ неотдѣланнаго отдѣленія въ отдѣланное, до тѣхъ поръ пока кончилось исправленіе. Оно продолжалось болѣе двухъ мѣсяцевъ и потомъ каждый изъ насъ занялъ опять свою комнату. Дамы наши, послѣ этого исправленія, не переходили уже въ тюрьму. Вскорѣ позволили мужьямъ бывать у нихъ, когда пожелаютъ, и только ночевать въ номерахъ, а подъ конецъ разрѣшено было и имъ постоянно жить въ домахъ своихъ вмѣстѣ съ женами.

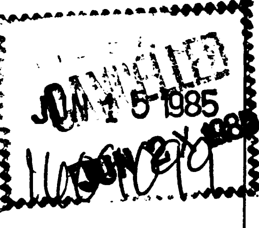
Изъ „Записокъ“ Басаргина.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

CANCELLED
BOOK DUE
JAN 5 - 1984
CANCELLED
FEB 9 1984

JUN 1 5 1985